

16+

ISSN 1818-4936

АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ В. Н. ТАТИЩЕВА
ASTRAKHAN TATISHCHEV STATE UNIVERSITY

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЖУРНАЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

HUMANITARIAN RESEARCHES

JOURNAL OF FUNDAMENTAL
AND APPLIED RESEARCHES

2023

№ 3 (87)

Журнал издаётся с 2000 г.

Published since 2000

*Журнал включён в перечень изданий, утверждённых ВАК
для публикации основных результатов диссертационных
исследований по отраслям науки:*

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
(филологические науки)
- 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
- 5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка
или группы языков) (филологические науки)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика (филологические науки)
- 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева
2023

Astrakhan Tatishchev State University
2023

ББК 65
Г93

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева

Recommended by the Editorial and Publishing Board
of Astrakhan Tatishchev State University

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

HUMANITARIAN RESEARCHES

2023

№ 3 (87)

Главный редактор

Г. Г. Исаев,

доктор филологических наук, профессор,
Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева

Editor-in-Chief

G. G. Isaev,

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan Tatishchev State University

Ответственный секретарь

Ю. А. Васильева,

кандидат филологических наук,
Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева

Executive secretary

Yu. A. Vasileva,

Candidate of Philological Sciences,
Astrakhan Tatishchev State University

Редакционная коллегия

З. Р. Аглеева, д-р филол. наук,

проф. Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;

Н. Ф. Алефиренко, д-р филол. наук,

проф. Белгородского государственного университета,

заслуженный деятель науки РФ;

А. А. Боровская, д-р филол. наук,

проф. Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;

Р. Вроон, д-р филол. наук,

проф. Калифорнийского университета, США;

Е. Н. Галичкина, д-р филол. наук,

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева;

Е. Н. Шеховцева, д-р филол. наук,

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева;

О. Г. Егорова, д-р филол. наук,

проф. Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;

Ж.-Ф. Жаккар, д-р филол. наук,

проф. Женевского университета, Швейцария;

Л. В. Жаравина, д-р филол. наук,

проф. Волгоградского государственного социально-педагогического университета;

Е. Е. Завьялова, д-р филол. наук,

проф. Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;

Л. Ю. Касьянова, д-р филол. наук,

проф. Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;

С. А. Кибальник, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник
Института русской литературы Российской академии наук,
проф. Санкт-Петербургского государственного университета;
Н. А. Ковалева, д-р филол. наук, проф. Центра лингвистики
и профессиональной коммуникации Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва;
М. Г. Меркулова, д-р филол. наук,
проф. Московского педагогического государственного университета;
О. Н. Паршина, д-р филол. наук,
проф. Астраханского государственного технического университета;
М. С. Соегов, д-р филол. наук, проф.,
академик АН Туркменистана, г. Ашхабад;
А. И. Смирнова, д-р филол. наук,
проф. Московского педагогического государственного университета

Editorial Board

Z. R. Agleeva, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan Tatishchev State University;
N. F. Alefirenko, Doctor of Philological Sciences, Professor, Belgorod State University,
Honored Science Worker of the Russian Federation;
A. A. Borovskaya, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan Tatishchev State University;
R. Vroon, Doctor of Philological Sciences, Professor, California University, USA;
E. N. Galichkina, Doctor of Philological Sciences, Astrakhan Tatishchev State University;
E. N. Shekhovceva, Doctor of Philological Sciences, Astrakhan Tatishchev State University;
O. G. Egorova, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan Tatishchev State University;
J.-F. Jacquard, Doctor of Philological Sciences, Professor,
University of Geneva, Switzerland;
L. V. Jaravina, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Volgograd State Socio-Pedagogical University;
E. E. Zavyalova, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan Tatishchev State University;
L. Yu. Kasyanova, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan Tatishchev State University;
S. A. Kibalnik, Doctor of Philological Sciences, leading researcher,
Institute of Russian literature of the Russian Academy of Sciences,
Professor, St. Petersburg State University;
N. A. Kovaleva, Doctor of Philological Sciences, Professor at the Centre for linguistics
and professional communication, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Moscow;
M. G. Merkulova, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow State Pedagogical University;
O. N. Parshina, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan State Technical University;
M. S. Soegov, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Academician of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabad;
A. I. Smirnova, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow State Pedagogical University

Журнал выходит 4 раза в год
The journal is published 4 times a year

© Астраханский государственный
университет имени В. Н. Татищева, 2023
© Скоблев В. Д., оформление обложки,
2023
© Astrakhan Tatishchev State University,
2023
© Skoblev V. D., cover design, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

И. В. Архипова

Таксис и межкатегориальное взаимодействие:
центрированный ракурс рассмотрения 6

М. В. Веклич

Метафора в медицинском научном дискурсе 13

М. В. Беззубикова, И. Н. Кайгородова

Лексические особенности текстов-статусов
(на материале социальной сети «Одноклассники»)..... 21

Ю. В. Вербоватая

Дискурсивный портрет актёра-комика в жанре «стендап» 29

Г. Н. Горлова

Текстообразующие функции субстантивов
в языке ранней прозы М. Ю. Лермонтова 37

Т. М. Денисова

Коммуникативная динамика художественного диалога
в романе Б. Келлермана «Голубая лента» 42

Е. В. Донченко

Категория таксиса в сложноподчинённых предложениях
с относительным придаточным во французском языке 48

Т. С. Жигулина, Е. Г. Озерова

Ценностно-смысловые универсалии публицистических текстов
периодических изданий НИУ «БелГУ» 55

Е. В. Кузнецова, И. В. Богомолова

Повторы как приём экспрессивного синтаксиса
в произведениях современных французских писателей 61

Е. В. Лапочкина

Калькирование латинских и греческих слов
как способ формирования медицинской терминологии..... 67

С. Х. Липириди

Неологизмы в деловом дискурсе современного английского языка 74

Е. Н. Лучинская, Б. С. Кабаньян

Заголовок статьи в общественно-политическом журнале:
функционально-стилистический аспект 80

Yu. V. Ocheredko, O. V. Chursina

Some lexical aspects of the texts
of the English-Language religious-popular discourse 85

И. В. Сибиряков, О. В. Первозова

Теоретические проблемы формирования экоконтента
в региональных интернет-СМИ 92

Н. Ю. Фанян

Репрезентация лингвоаргументативного типажа «бытовой софист»
(на материале рассказа А. П. Чехова «Дорогая собака»)..... 102

М. М. Цатурян, М. А. Саркисян

Языковая реализация гендерных стереотипов 108

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Д. М. Бычков, К. Н. Гуцина

Концепция «дух – душа – тело» В. Ф. Войно-Ясенецкого (свт. Луки)
как методологическая основа анализа поэтики телесности
художественного произведения 113

Чалуи Зодре, Салими Абдолмалеки Косар

Символы природы в произведениях Н. Юшиджа и А. Белого 122

В. В. Чалый

Речевые средства выражения индивидуальности персонажа-рассказчика
в произведении А. П. Чехова «Любовь» 136

А. А. Боровская

Субъектно-образная структура стихотворения И. Анненского «Он и я» 140

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 144

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ 148

Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 6–12.
Humanitarian Researches. 2023;3(87):6–12.

Научная статья
УДК 711.112.2'35

ТАКСИС И МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ: ЦЕНТРИРОВАННЫЙ РАКУРС РАССМОТРЕНИЯ

Ирина Викторовна Архипова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск,
Россия, irarch@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена конкретно-речевая актуализация таксисных значений, обусловленная межкатегориальным взаимодействием вербальных функционально-семантических категорий таксиса, аспектуальности и темпоральности. С категорией таксиса тесно взаимодействуют категория темпоральности и некоторые субкатегории аспектуальности – дуративность, итеративность и фазовость. Центрированный или сфокусированный ракурс рассмотрения таксиса сквозь призму межкатегориального взаимодействия позволяет интерпретировать речевую актуализацию таксисных значений как результат взаимодействий ряда нескольких функционально-семантических категорий и субкатегорий, репрезентирующих идею времени.

Актуальность исследования связана с недостаточной степенью разработанности вопроса межкатегориального взаимодействия, в том числе в исследованиях, выполненных с позиций функциональной грамматики.

Материалом данного исследования послужили немецкие высказывания с событийным девербативом *die Trennung* и темпорально-таксисными предложениями *bei, mit, seit, bis, nach, vor*, полученными методом направленной выборки из электронной базы данных Лейпцигского национального корпуса (LC).

В ходе исследования установлено, что межкатегориальное взаимодействие таксиса с семантическими категориями и субкатегориями аспектуальности и темпоральности детерминирует актуализацию различных примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности, предшествования и следования – темпорально-таксисных, дуративно-таксисных, итеративно-таксисных, фазово-таксисных и др. В сегменте пересечения вышеперечисленных категорий и субкатегорий находятся общекатегориальные элементы, участвующие в реализации семантической функции таксиса.

При проведении данного исследования выявлено, что интегративный сегмент зоны межкатегориального взаимодействия таксиса, темпоральности и аспектуальности конституирован темпорально-таксисными предложениями, темпоральными адвербиалами и различными аспектуальными квантификаторами – дуративными, итеративными и фазовыми. Данные языковые единицы выступают в качестве диагностических индикаторов сопряжённых примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности и указывают на наличие соответствующих межкатегориальных связей.

Ключевые слова: таксис, примарный таксис, таксисные значения, актуализация, межкатегориальное взаимодействие, межкатегориальные связи, интегративный сегмент, общекатегориальные элементы, диагностические индикаторы, сопряжённая примарно-таксисная категориальная ситуация

Для цитирования: Архипова И. В. Таксис и межкатегориальное взаимодействие: центрированный ракурс рассмотрения // Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 6–12.

Research article

TAXIS AND INTER-CATEGORY INTERACTION: CENTERED VIEW

Irina V. Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, irarch@yandex.ru

Abstract. This article discusses the specific speech actualization of taxis meanings, due to the intercategory interaction of verbal functional-semantic categories of taxis, aspectuality and temporality. The category of temporality and some subcategories of aspectuality, such as duration, iterativeness, and phaseness, closely interact with the category of taxis. A centered or focused perspective of considering taxis through the prism of intercategory interaction makes it possible to interpret the speech actualization of taxis meanings as a result of the interactions of a number of several functional-semantic categories and subcategories representing the idea of time.

The relevance of the study is associated with the insufficient degree of development of the issue of intercategory interaction, including in studies carried out from the standpoint of functional grammar.

The material of this study was German utterances with the event deverbative *die Trennung* and the temporal-taxis prepositions *bei, mit, seit, bis, nach, vor*, obtained by directed sampling from the electronic database of the Leipzig National Corpus (LC).

The study found that the intercategory interaction of taxis with the semantic categories and subcategories of aspectuality and temporality determines the actualization of various primary-taxis categorial situations of simultaneity, precedence and succession – temporal-taxis, durative-taxis, iterative-taxis, phase-taxis, etc. In the segment of the intersection of the above categories and subcategories, there are general categorial elements involved in the implementation of the semantic function of taxis.

When conducting this study, it was revealed that the integrative segment of the zone of intercategory interaction of taxis, temporality and aspectuality is constituted by temporal-taxis prepositions, temporal adverbials and various aspectual quantifiers – durative, iterative and phase. These linguistic units act as diagnostic indicators of conjugated primary-taxis categorial situations of simultaneity and diversity and indicate the presence of appropriate intercategory relationships.

Keywords: taxis, primary taxis, taxis meanings, actualization, intercategory interaction, intercategory connections, integrative segment, general categorial elements, diagnostic indicators, conjugate primary taxis categorial situation

For citation: Arkhipova I. V. Taxis and inter-category interaction: centered view. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;3(87):6–12 (In Russ.).

Вопросы межкатегориального взаимодействия в сфере функционирования различных грамматических категорий (в рамках традиционной грамматики и в традициях функциональной грамматики) привлекают пристальное внимание ряда отечественных лингвистов [1–3]. Актуальность настоящего исследования обусловлена недостаточной разработанностью проблемы межкатегориального взаимодействия ряда семантических категорий в современных лингвистических исследованиях, в том числе в работах, выполненных с позиций функциональной грамматики.

В фокусе нашего исследовательского интереса находится описание речевой актуализации таксисных категориальных значений одновременности и разновременности (предшествования, следования), детерминированных тесными межкатегориальными связями вербальных функционально-семантических категорий. К ним относятся категории темпоральности и аспектуальности с её субкатегориями дуративности, итеративности и фазовости, участвующие в реализации общей семантической функции таксиса и выступающие как семантический фон примарно-таксисной актуализации.

Особый сфокусированный ракурс рассмотрения таксиса сквозь призму межкатегориального взаимодействия позволяет интерпретировать речевую актуализацию таксисных значений как результат взаимодействий ряда функционально-семантических категорий, репрезентирующих идею времени.

Материалом исследования явились немецкие высказывания с событийным девербативом *die Trennung* и темпорально-таксисными предлогами *bei, mit, seit, bis, nach, vor*, выступающими в качестве общекатегориальных элементов категорий таксиса и темпоральности.

Межкатегориальное взаимодействие функционально-семантических категории таксиса и категорий темпоральности и аспектуальности с субкатегориями дуративности, итеративности и фазовости специфицирует речевую актуализацию категориальных значений примарного таксиса одновременности, предшествования и следования. Примарно-таксисными категориальными значениями являются хронологические значения одновременности и разновременности в «чистом виде», актуализируемые в высказываниях с темпорально-таксисными предлогами. Темпорально-таксисные предлоги способны однозначно маркировать определённую разновидность или вариант примарно-таксисной категориальной ситуации, например:

1. *Seit der Trennung von Ex-Frau Sarah Engels hat einfach kein Glück mit den Frauen* (LC).

2. *Nach der Trennung von Manager stieg Bobic schnell zur Wunschlösung der Berliner Verantwortlichen auf* (LC).

3. *Bis zur endgültigen Trennung* existierten noch ein gemeinsamer Landtag und eine gemeinsame Verfassung (LC).

4. *Bei der Trennung* war es auch zu Dissonanzen mit Reuter gekommen (LC).

5. *Mit der Trennung von Trainer Heiko Herrlich unternimmt der FCA den Versuch, den Niedergang in die Zweitklassigkeit noch zu verhindern* (LC).

В приведённых выше примерах 1–3 с темпорально-таксисными предлогами *seit, nach* и *bis* актуализованы примарно-таксисные категориальные ситуации следования и предшествования. В высказываниях 4–5 выражены примарно-таксисные категориальные значения одновременности, маркируемые темпорально-таксисными предлогами *bei* и *mit*. Событийный девербатив *die Trennung* в сочетании с темпорально-таксисными предлогами актуализирует семантику примарного таксиса.

Адвербиалы времени, выступающие в функции темпоральных квантификаторов и темпоральных делимитаторов, конкретизируют «индивидуальное внутреннее время» соотносимых между собой в рамках единого временного интервала действий, процессов, состояний или событий с точки зрения их одновременного или разновременного протекания или осуществления. В качестве темпоральных квантификаторов выступают адвербиалы времени монокомпонентной и поликомпонентной структуры *jetzt, heute, gestern, damals, im vergangenen Sommer, im vergangenen Jahr, im darauffolgenden Jahr, im Oktober, Mitte Dezember, Ende Februar* и др. В состав поликомпонентных темпоральных адвербиалов входят темпоральные прилагательные и наречия (*vergangen, vorig* и др.), а также календарные имена существительные *das Jahr, die Woche, der Sommer, Dezember, Oktober, Februar* и др., например:

6. *Nach der Trennung im vergangenen Sommer* hatte angekündigt, sich von emanzipieren zu wollen (LC).

7. *Nach der Trennung vom Energiegeschäft im vergangenen Jahr* setzt der neue Siemens-Chef Roland Busch nun voll auf Wachstum durch eine verstärkte Ausrichtung auf Digitalisierung (LC).

8. *Nach der Trennung von ihrem Ehemann, dem Schweizer Unternehmer Frank Sippel, im vergangenen Jahr* ist die gebürtige Hamburgerin frisch vergeben (LC).

9. *Nach der Trennung von Lucien Favre Mitte Dezember* habe sich unter dem neuen BVB-Trainer Edin Terzic nicht allzu viel verändert (LC).

10. *Nach ihrer Trennung im Oktober* flirtete die Beauty dann mit Model Jonathan (LC).

11. *Nach der Trennung von Markus Gisdol vor eineinhalb Wochen* hatten die Kölner Friedhelm Funkel mit der Aufgabe betraut, den Abstieg noch zu verhindern (LC).

12. *Nach der Trennung von Trainer Manuel Baum im Dezember* melden die Gelsenkirchener nun den nächsten Abschied (LC).

13. *Vor der Trennung* bewahrte ihn *damals* der Rückhalt der Kapitalseite, die ihr Mastermind auf dem Weg in die Elektromobilität nicht verlieren wollte (LC).

14. *Seit der Trennung vom bisherigen Sportvorstand Jochen Schneider Ende Februar* trägt Peter Knäbel die sportliche Gesamtverantwortung (LC).

15. *Seit der Trennung im Jahr 2016* kämpft Schauspieler Brad Pitt um das geteilte Sorgerecht für seine sechs Kinder (LC).

В высказываниях 6–12 актуализованы темпорально-примарно-таксисные значения строгого следования, маркируемые темпорально-таксисным предложением *nach*. В высказываниях 13–15 выражены темпорально-примарно-таксисные категориальные ситуации строгого предшествования и нестрогого следования. В качестве индикаторов сопряжённых темпорально-примарно-таксисных категориальных ситуаций выступают темпоральные адвербиалы *damals, im vergangenen Sommer, im vergangenen Jahr, im Oktober, Mitte Dezember, Ende Februar, vor eineinhalb Wochen, im Jahr 2016, im Dezember*.

Аспектуальные адвербиалы, выполняющие функцию дуративных делимиаторов, которые конкретизируют временной промежуток определённой (конкретной) или неопределённой (приблизительной) длительности между действиями (процессами, состояниями) глаголов и событием, обозначаемым девербативом *die Trennung* (см. адвербиалы *kurz, kürzlich, einen Tag, zwei Monate, wenige Wochen, fast 40 Jahre, drei Jahre* и др.). Ср.:

16. Die Band Wings gründet Paul McCartney *kurz nach der Trennung der Beatles* (LC).

17. *Einen Tag nach der Trennung von Bruno Labbadia* präsentiert Hertha Berlin seinen neuen Cheftrainer (LC).

18. *Schon wenige Wochen nach der Trennung* hat sie den Scherz aufgeklärt (LC).

19. *Zwei Monate nach der Trennung von Marc Hynes* hat Lewis Hamilton eine neue Beraterin (LC).

20. *Fast 40 Jahre nach der Trennung* kündigt die schwedische Popgruppe ein Album an – und Auftritte (LC).

21. *Drei Jahre nach der Trennung* erwartet Fischer nun ein Baby mit ihrem neuen Lebensgefährten Thomas Seitel (LC).

В высказываниях 16–21 с аспектуальными адвербиалами *kurz, einen Tag, zwei Monate, fast 40 Jahre, drei Jahre* актуализованы дуративно-примарно-таксисные категориальные ситуации строгого следования.

В высказываниях с итеративными квантификаторами, в качестве которых выступают итеративные адвербиалы *meist, oft, öfters, abends, häufig, immer, wieder, immer wieder* и др., а также итеративные адъективы *jeder, heftig, mehrfach, mehrmalig* и др. актуализируются итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности, строгого предшествования и строгого следования, например:

22. *Bei einem Abschied* oder gar *vor einer Trennung* sind die Küsse *meist* besonders lang (LC).

23. *Nach einer Trennung* zieht *meist* einer der Ehepartner aus der gemeinsamen Wohnung aus (LC).

24. *Nach der Trennung* habe er ihr *oft* gedroht (LC).

25. *Nach jeder Trennung* gab es einen gewissen Aufschrei ... (LC).

26. Doch *nach der Trennung* blühte sie *wieder* auf ... (LC).

27. *Seit seiner Trennung von Angelina Jolie* werden Brad Pitt *immer wieder* Beziehungen angedichtet (LC).

28. Das Mädchen habe ihn *nach der Trennung öfters abends* angerufen (LC).

Функцию индикаторов сопряжённых итеративно-примарно-таксисных категориальных ситуаций в высказываниях 22–28 выполняют итеративные наречия *meist, oft, wieder, immer wieder, öfters, abend* и итеративный атрибут *jeder*.

Фазовые экспликативы (глаголы фазовой семантики *beginnen, anfangen, enden, beenden, folgen, fortsetzen* и др., адвербиалы *endlich, schließlich, endgültig*, а также фазовый элемент *weiter*) специфицируют актуализацию категориальных значений фазово-примарного таксиса одновременности и одновременности в следующих высказываниях:

29. *Nach der Trennung von seiner Partnerin folgte* zwischen dem Sänger und der 46-Jährigen reichlich Ärger (LC).

30. *Nach der ersten Trennung der No Angels* machte Lucy gleich solo *weiter* (LC).

31. Ein Bauunternehmen *hat* inzwischen *mit der Trennung der Baurestmassen begonnen* (LC).

32. *Mit der Trennung von Vorstandsmitglied Jörg Wacker* baut der neue Vorstandsvorsitzende Oliver Kahn den FC *weiter* um (LC).

В высказываниях 29–32 выражены фазово-примарно-таксисные значения строгого следования и частичной одновременности, обусловленные фазовыми глаголами *beginnen, folgen* и фазовым элементом *weiter*, который указывает на срединный этап некоторого дуративного действия или процесса глагольного предиката. Фазовый глагол *beginnen* является индикатором ингрессивно-фазово-таксисной категориальной ситуации, а глагол *folgen* (как и фазовый элемент *weiter*) эксплицирует срединный этап протекания действия глагола и выступает в качестве соответствующей фазово-таксисной категориальной ситуации строгого следования.

Конкретно-речевая актуализация сопряжённых примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и одновременности может быть детерминирована семантическим взаимодействием ряда различных общекатегориальных языковых единиц, в частности дуративных, итеративных или фазовых адвербиалов, например:

33. *Nach monatelanger Trennung* kehrte Fürstin Charlene von Monaco *kürzlich endlich* in die Arme ihrer Familie zurück (LC).

34. *Nur wenige Tage nach der Trennung von seinem Trainer hat* Alexander Zverev auch die Zusammenarbeit mit seiner Beratungsagentur *beendet* (LC).

35. *Über ein halbes Jahr nach der Trennung* meldet sich nun aber *endlich* zu Wort (LC).

36. *Gut ein Jahr nach ihrer Trennung von Multimillionär Frank Otto* schwebt Nathalie Volk *wieder* im siebten Himmel (LC).

37. *Nach der Trennung von Fußball-Torwart Loris Karius* schwebt *endlich wieder* auf Wolke sieben (LC).

38. *Nach ihrer Trennung im darauffolgenden Jahr* entbrannte jedoch ein *heftiger* Streit um die Embryos (LC).

В высказываниях 33–35 в силу семантического взаимодействия аспектуальных, в частности дуративных, итеративных и фазовых единиц (см. эгрессивно-фазовый адвербиал *endlich*, фазовый глагол эгрессивной семантики *beenden*, дуративный атрибут *monatelang*, а также аспектуальные адвербиалы дуративной семантики *kürzlich, wenige Tage, über ein halbes Jahr*), актуализованы сопряжённые дуративно-фазово-примарно-таксисные категориальные ситуации строгого следования. В высказываниях 36–38 актуализация сопряжённых итеративно-фазово-таксисных и итеративно-темпорально-таксисной категориальных ситуаций строгого следования детерминирована такими взаимодействующими семантическими элементами как итеративный адвербиал *wieder*, итеративный адъектив *heftig*, эгрессивно-фазовый адвербиал *endlich* и темпоральный адвербиал на основе календарного имени существительного *das Jahr* (см. адвербиал *im darauffolgenden Jahr* в высказывании 38).

В следующем высказывании с семантикой субъектной множественности глагольных действий актуализована дистрибутивно-примарно-таксисная категориальная ситуация строгого следования. В качестве прототипического фактора, специфицирующего актуализацию дистрибутивно-примарного

таксиса, дистрибутивная множественность субъектных актантов (см. субъект *beide*):

39. *Auch nach der Trennung ihrer Eltern verbrachten beide viel Zeit mit beiden Elternteilen und waren regelmäßig bei Ausflügen mit ihren Eltern zu sehen* (LC).

В высказывании 40 сопряжённая итеративно-дистрибутивно-примарно-таксисная категориальная ситуация строгого следования специфицирована объектной множественностью (см. объект *mehrere Anzeigen*) и итеративным атрибутом *mehrere*:

40. *Nach der Trennung habe die Frau mehrere Anzeigen wegen Stalking und Bedrohung gegen ihren Ex-Mann erstattet* (LC).

В высказываниях с таксисными квантификаторами *direkt, unmittelbar, sofort, gleich* и др. реализуются примарно-таксисные категориальные значения уточняющего характера. Таксисные адвербиалы выступают в качестве дополнительного средства экспликации категориальных значений примарного таксиса одновременности, предшествования или следования. Например:

41. *Direkt nach der Trennung hat sich Anne gleich auf drei Dating-Apps angemeldet, um trotz des Lockdowns jemanden kennenzulernen* (LC).

Таким образом, особый центрированный ракурс рассмотрения таксиса сквозь призму межкатегориального взаимодействия позволяет констатировать, что межкатегориальное взаимодействие таксиса с семантическими категориями аспектуальности и темпоральности специфицирует актуализацию различных вариантов примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности, предшествования и следования – темпорально-таксисных, дуративно-таксисных, итеративно-таксисных, фазово-таксисных и др.

Речевая актуализация значений примарного таксиса является результатом межкатегориального взаимодействия таксиса с категориями и субкатегориями темпоральности и аспектуальности. Темпорально-таксисные предлоги, темпоральные и аспектуальные (итеративные, фазовые) адвербиалы и атрибуты являются общими языковыми единицами интегративной зоны взаимодействующих функционально-семантических категорий, участвующих в реализации семантической функции таксиса. Они выступают в качестве диагностических индикаторов сопряжённых примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности и подтверждают наличие межкатегориальных связей таксиса, темпоральности и аспектуальности.

Список источников

1. Архипова И. В. Категория таксиса в разноструктурных языках / И. В. Архипова. – Новосибирск, 2020. – 163 с.
2. Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики / А. В. Бондарко. – Москва : Языки славянских культур, 2011. – 488 с.
3. Шустова С. В. К вопросу о межкатегориальном взаимодействии (на примере категории итеративности в немецком языке) / С. В. Шустова, Е. С. Комиссарова // Евразийский вестник гуманитарных исследований. – 2015. – № 1 (2). – С. 115–118.

References

1. Arkhipova I. V. *Kategoriya taksisa v raznostrukturnykh yazykakh = The category of taxis in languages of different structures*. Novosibirsk; 2020:163.
2. Bondarko A. V. *Kategorizatsiya v sisteme grammatiki = Categorization in the grammar system*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur; 2011:488.
3. Shustova S. V., Komissarova E. S. On the issue of intercategory interaction (using the example of the category of iterativity in the German language). *Yevraziyskiy vestnik gumanitarnykh issledovaniy = Eurasian Bulletin of Humanitarian Research*. 2015;1(2):115–118.

Информация об авторе

И. В. Архипова – доктор филологических наук, профессор.

Information about the author

I. V. Arkhipova – Doctor of Philological Sciences, Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.04.2023; одобрена после рецензирования 05.05.2023; принята к публикации 10.05.2023.

The article was submitted 23.04.2023; approved after reviewing 05.05.2023; accepted for publication 10.05.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 13–20.
Humanitarian Researches. 2023;3(87):13–20.

Научная статья
УДК 81

МЕТАФОРА В МЕДИЦИНСКОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Марина Владимировна Веклич

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева,
Астрахань, Россия, mveklch@mail.ru

Аннотация. В поэзии и науке метафора выполняет разные функции, имеет разную природу и сущность. В научном дискурсе употребление метафоры, которая является когнитивным феноменом, помогает включить читателя в диалог с автором, в процесс понимания излагаемой информации, создаёт научную интригу, притягивает потенциального оппонента, встраивает новое научное знание в общую систему познания. Основой медицинской метафоры является когнитивно-психический образ, который существует в когнитивно-психической базе человека. Ведущее свойство медицинской метафоры сводится к выявлению структурного сходства сравниваемых объектов. Познание медицинской картины мира упрощается благодаря медицинской метафоре. Научное издание Ю. В. Белова апеллирует к профессиональному опыту читателя, с помощью метафор в доступной форме объясняются сложнейшие ответственные моменты сосудистых оперативных вмешательств. Выделены две группы метафор в представлении профессиональных сведений, из числа которых преобладают метафоры-термины. Метафоры сопровождения единичны, что можно объяснить следующими причинами: 1) традиция употребления метафор-терминов и 2) авторское употребление метафор сопровождения определяется как рамками отдельно взятой работы, так и языковой картиной мира отдельной языковой личности.

Ключевые слова: метафора, метафоризация, научный дискурс, медицинская метафора, метафора-термин, метафора сопровождения

Для цитирования: Веклич М. В. Метафора в медицинском научном дискурсе // Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 13–20.

Research article

METAPHOR IN MEDICAL SCIENTIFIC DISCOURSE

Marina V. Veklich

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia, veklich@mail.ru

Abstract. Metaphor has different functions, nature and essence in poetry and science. In scientific discourse, the use of metaphor, which is a co-cognitive phenomenon, helps to involve the reader in a dialogue with the author, in the process of understanding the information presented, creates scientific intrigue, attracts a potential opponent, and integrates new scientific knowledge into the general system of cognition. The basis of medical metaphor is a cognitive-psycho image that exists in the cognitive-psycho base of a person. The leading property of medical metaphor is reduced to revealing the structural similarity of compared objects. Cognition of the medical image of the world is facilitated by medical metaphor. The scientific edition of Y. V. Belov appeals to the professional experience of the reader, with the help of metaphors the most complicated responsible moments of vascular surgical interventions are explained in an accessible form. There are two groups of metaphors in the presentation of professional information, of which metaphorical terms predominate. Supporting metaphors are few, which can be explained by the following reasons 1) the tradition of using metaphor-terms and 2) the author's use of supporting metaphors is determined both by the framework of a particular work and the linguistic picture of the world of an individual linguistic personality.

Keywords: metaphor, metaphorization, scientific discourse, medical metaphor, metaphor-terminus, accompaniment metaphor

For citation: Veklich M. V. Metaphor in medical scientific discourse. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;3(87):13–20 (In Russ.).

Может ли быть метафора в научном дискурсе? Традиционно, вслед за Аристотелем, считалось, что речь, наполненная метафорами, приводит к неясности, такая речь становится загадкой [6, с. 670]. В XIX в. эту идею поддерживали позитивисты, согласно которым научная терминология должна быть очень строгая, консервативная, рационалистическая, лишённая всего метафизического, логического и эмпирически необоснованного. Эти принципы поддерживались одним из самых выдающихся «символистов» языковедения XX в. Э. Кассирером, соединившим метафоризацию понятия не с научным мышлением, а с мифологическим [16, с. 33–43].

В европейской науке одним из первых, пошатнувшим позиции рационального взгляда на язык науки, стал психолог К. Юнг. В XX в. изменяется вектор понимания и языка науки, и терминологии, её обслуживающей. Испанский философ Х. Ортега-и-Гассет, например, полагал, что метафора едва ли не единственное, с помощью чего возможно понимание высокой степени абстракции: «Метафора – необходимое орудие мышления, форма научной мысли» [23, с. 68]. Поэтому, по мнению Х. Ортеги-и-Гассета, уместнее будет говорить о двух метафорах: поэтической метафоре и метафоре научной, так как «наука лишь прибегает к метафоре, не более того, но и не менее» [23, с. 68].

Современные исследователи свидетельствуют о том, что метафора может и должна употребляться в научном дискурсе, так как, по словам Н. Д. Артюновой, «в метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа» [7, с. 6].

Исследуя функциональную специфику метафоры, В. В. Иваницкий [17, с. 73] подтверждает выводы, сформулированные ранее Х. Ортегой-и-Гассетом: метафора, с одной стороны, поэтический троп, с другой – терминологическая метафора, так как в поэзии и науке метафора выполняет разные функции, имеет разную природу и сущность.

По справедливому замечанию С. Р. Аблеева [1, с. 6], «символизация и метафоризация языка явились общими тенденциями постклассической науки». Автор статьи приводит пример из области физики, в рамках которой учёные начинают применять «квазиметафизическую терминологию», создаваемую по модели: наглядный чувственный образ-символ соединяется с рациональным термином («электронные облака», «цветность кварков», теория «суперструн», «расширяющаяся» или «раздувающаяся» Вселенная и др.) [1, с. 6].

Исследуя медицинскую метафору, О. С. Зубкова сделала вывод об особенностях существования метафоры в когнитивной базе человека. Психический образ является основой медицинской метафоры, основное свойство которой сводится к выявлению структурного сходства сравниваемых объектов. Медицинская метафора – способ познания медицинской картины мира [14, с. 47].

С. Н. Переволочанская указала на наличие метафор в научном дискурсе и определила её назначение в этом виде дискурса: включение читателя в диалог с исследователем, в процесс интерпретации смысла [24, с. 101], так как метафора – когнитивный феномен, который необходим в моделировании генотекста. По мнению автора, метафора активно используется в научном дискурсе, причины такой активности: специфика научного познания, креативность метафоры, смысловая активность метафоры, информационная ёмкость метафоры [24, с. 105]. Креативность метафоры автор видит в том, что с помощью метафорической номинации в научном дискурсе создаётся научная интрига, которая притягивает к себе внимание читателя-потенциального оппонента, то есть представляет собой некий рекламный ход в научном освещении [24, с. 105].

В последнее время появились исследования, посвящённые отдельным аспектам метафоризации в разных областях науки (Дж. Лакофф, М. Джонсон,

2004; С. А. Хахалова, 2011, 2013; Л. В. Калашникова, 2012; А. П. Чудинов, 2012; А. Н. Баранов, 2014). В ряде российских городов коллективы учёных оформились в метафорические исследовательские школы (Пермская школа метафоры, Уральская школа политической метафорологии). Вопросами метафоризации в языке медицины в разные годы занимались Л. М. Алексеева (1997–1999), С. Л. Мишланова (2002), Т. Л. Уткина (2006), О. С. Зубкова (2006, 2008, 2010) и др. Так, например, И. С. Мыльникова исследовала военную метафору в языковой картине мира медицины [22]. Целью исследования других авторов [25] стало определение специфики метафорического моделирования медицинских знаний в области физиологии сердца посредством применения фреймовой теории. Источники и модели создания метафор предметной сферы в русской анатомической терминосистеме на материале рукописного перевода учебника И. И. Пленка «Физиология или наука о действиях тела человеческого» (1780) представлены в работе «Метафоры предметной сферы в русской анатомической терминологии XVIII века» [11]. Ретроспектива медицинских дискурсов XVII–XXI вв. с применением сценарного подхода к изучению глагольных метафор в русской медицинской терминологии и синхронно-диахронный метод исследования позволили описать когнитивный сценарий глаголов врачебной помощи, который включает в общем виде три сцены и конкретизируется в значениях используемых глаголов [12].

Все исследователи единодушны в том, что в научном дискурсе метафора употребляется, но не является средством выразительности, она необходима для включения читателя в диалог с автором, в процесс понимания излагаемой информации и последующей её интерпретации. Метафора помогает автору научного текста при помощи когнитивных механизмов, основанных на аналогии, встраивать новое научное знание в общую систему познания.

В качестве источника языкового материала для нашего исследования привлечено научное издание Ю. В. Белова «Руководство по сосудистой хирургии с атласом оперативной техники» [9], в котором представлены практически все аспекты деятельности сосудистого хирурга.

Объектом исследования является метафора, функционирующая в научном медицинском дискурсе. В качестве предмета исследования мы рассмотрели семантические особенности медицинской метафоры, выделенные нами методом сплошной выборки в «Руководстве по сосудистой хирургии с атласом оперативной техники» Ю. В. Белова.

Цель нашей работы заключается в определении особенностей употребления метафоры в научном медицинском дискурсе для построения диалога автора с читателем, введения читателя в процесс понимания излагаемой информации.

В анализированном научном тексте были выделены метафоры двух видов: метафоры-термины и метафоры-не термины, которые мы квалифицируем как метафоры сопровождения. Метафоры-термины – это собственно термины: *сосудистое русло*, *сосудистый шов*, *ветви дуги аорты*. Метафоры-не термины, или метафоры сопровождения, – это слова и словосочетания метафорического характера, использованные автором для сопровождения изложения медицинского знания, то есть непосредственно с их помощью автор приглашает читателя к участию в диалоге: *окно*, *регион* (сердце, почки и т. д.), *«холодный» период*, *зона «хирургического интереса»*. Причины написания руководства, необычность подачи материала автор объясняет назревшей необходимостью доступно, научно, логично и наглядно передать накопившийся опыт: «Одной из причин написания этой книги послужили просьбы многочисленных стажёров и практикантов из многих регионов России и стран СНГ, которые хотели бы иметь у себя на столе практическое руководство по сосудистой хирургии. Их можно понять. Ведь, к сожалению, в нашей стране ещё нет такого издания, в котором в доступной и наглядной форме

излагались бы все необходимые для повседневной работы хирурга сведения, особенно касающиеся техники хирургических операций. Отечественные работы представляют собой монографии, в которые авторы стремились вложить как можно больше информационного материала, нередко дискуссионного характера, и не содержат четкой, конкретной информации о тактических и технических приемах в той или иной хирургической ситуации. Конечно, ранее вышедшие книги дали существенный... А самое главное, как я полагаю, хирургам нужно именно руководство к действию с конкретными ответами на многочисленные практические вопросы: что делать в стандартных и нестандартных ситуациях при выполнении различных сосудистых операций, как предупредить осложнения и бороться с ними, если таковые возникли» [9, с. 9].

Структура метафоры, по нашим наблюдениям, реализована двумя типами: простые и развернутые метафоры. Простые метафоры представлены однословными примерами: *русло, ствол, шов, ветвь*. Развернутые метафоры включают главное слово (как медицинский термин, так и слово из наивного дискурса) с распространителем (чаще всего – прилагательным): *клиническая картина, «критический» стеноз, сонная артерия, коронарное русло, острое заболевание, сосудистый шов, дуга аорты*. Ср.: «*Это достаточно информативные методы, используемые при диагностике патологии нисходящей части грудного отдела аорты и ее торакоабдоминального отдела, а также последствий нарушений мозгового кровообращения у больных с поражением ветвей дуги аорты*» [9, с. 40].

Такие метафоры традиционны в медицинском дискурсе, известны давно, уже были представлены в руководствах медицинского содержания в XVIII в.: *ветвь, кровеносный сосуд*. Ср.: «*... надлежит матерью исторгнуть из тесноты в пространство, то есть чтобы... в боковые пасочные ветви выступила оттуда опять в свои кровеносные сосуды, или, что тоже, в артерии*» [10, с. 56].

Выявлены и авторские метафоры разной структуры, которые представлены двумя видами. Однословные метафоры: *окно, регион*. Ср.: «*При системном подходе к диагностике заболевания, а именно этот принцип мы пропагандируем, необходимо оценить состояние артерий других регионов (сердце, головной мозг, висцеральные органы, почки, аорта и т. д.)*» [9, с. 40]; «*При выраженном атероматозе, кальцинозе, особенно аорты, необходимо сделать в ней достаточно широкое «окно» для предотвращения препятствий кровотоку в этой зоне*» [9, с. 36]. В ряде случаев авторские метафоры – это развернутые словосочетания: *хирургический интерес*. Ср.: «*Очень удобны в работе налобные светильники на основе фиброволоконной оптики, дающие мощный направленный холодный свет непосредственно в зону «хирургического интереса»*» [9, с. 24].

В работе привлечены метафоры, функционирующие не только в языке медицины, но и в быденной жизни: *холодный свет, холодный период*. Ср.: «*Операции при разрыве аневризмы сопровождаются очень высокой летальностью, поэтому больных надо оперировать в «холодный» период, после постановки диагноза*» [9, с. 41].

Наблюдается трансформация устоявшихся метафор добавлением нового лексического компонента: *ствол – ствол артерии, брахиоцефальный ствол, щитошейный ствол, чревный ствол; устье – устье артерии, устье бранши протеза; сосуд – кровеносный сосуд, подключичный сосуд, лимфатический сосуд, шиваемый сосуд, припаянные сосуды; русло – коронарное русло, артериальное русло, дистальное русло, магистральное русло; ветвь – коммуникантная ветвь, ветвь бедренного нерва, висцеральная ветвь; канал – паравенозный канал, запирательный канал, приводящий канал; мобилизация – расширенная мобилизация; артерия – сонная артерия, заинтересованная артерия.*

Основным видом переноса как при метафорическом терминологическом образовании, так и образовании метафор сопровождения является перенос названий по визуальному сходству формы (*ствол, устье, клетка, мостик, лоскут, туннель, лохмотья*) или выполняемой функции (*проток, сосуд, мешок*). Единичны примеры метафор разного вида: военная сухопутная и морская (*эвакуация воздуха, мобилизация артерии, флотирующий тромб, хирургическая тактика, вариант поражения*), архитектурная (*стенка аорты, купол плевры, ворота почки*), ландшафтная (*устье артерии, артериовенозное соустье, лимфатический проток, запирающий канал, приводящий канал, сосудистое русло, мыс крестца*), анатомическая (*ножка диафрагмы, головка ребра, шейка ребра, пятка среза*), геометрическая (*реберная дуга, полуокружность аорты, бедренный треугольник*), строительная (*ретроперитонеальный туннель*), флористическая (*корень брыжейки, ствол вены, ветвь артерии*), ремесленная (*нежизнеспособная ткань, обвивной шов, заплатка, лоскут артерии*), бытовая (*ложе протеза, футляр разгибателя, мягкие ткани, глуболежащие ткани*), психофизическое состояние человека и природы (*трепетание предсердий, мерцательная аритмия*).

Автор активно привлекает метафоры в различных медицинских сферах:

- представление анатомической реалии: *ветвь, дуга аорты, ствол артерии, коронарное русло, кровеносный сосуд, брахиоцефальный ствол, луковица аорты, артериальный круг, кожно-фасциальный лоскут, кожный мостик, возвратный нерв, восходящая аорта, сонные артерии, яремная ямка, лестничная мышца, лимфатический проток, блуждающий нерв, грудная клетка, плечевое сплетение, шейка ребра, головка ребра, купол плевры, пупартовая связка, портняжная мышца, корень брыжейки, артериальные магистрали;*

- состояние анатомической реалии: *поражение коронарного русла, поражение ветвей дуги аорты, излюбленное место (об атеросклеротических бляшках. – М. В.), синдром выхода из грудной клетки;*

- оперативные действия: *сопроводить операции, проводить операцию, отложить операцию, эвакуировать воздух (из протеза. – М. В.), делать подкожный туннель, выключение анастомоза, делать канал, эффект резки сыра, эвакуация тромбов, хирургическая тактика, ход операции, экстренное оперативное вмешательство;*

- врачебные действия: *постановка диагноза, поддерживать артериальное давление, рабочие цифры (об артериальном давлении. – М. В.), посев мокроты, пальпаторная ревизия;*

- состояние больного: *острое заболевание, обострение заболевания, медикаментозный сон, искусственная вентиляция лёгких, ретроградное давление;*

- представление заболевания: *очаг инфекции, инфекционный процесс, вытекающие последствия, развитие инфекции, критический стеноз, синдром обкрадывания (о состоянии головного мозга. – М. В.);*

- операционные атрибуты: *холодный свет, операционное поле, окончательный зажим, скачущий шунт, план операции.*

Подводя итог, отметим, что благодаря анализу метафор в медицинском дискурсе Ю. В. Белова можно представить языковой мир отдельно взятой языковой личности в поле медицины. Научное издание апеллирует к профессиональному опыту читателя, с помощью метафор в доступной форме объясняются сложнейшие ответственные моменты сосудистых оперативных вмешательств. В представлении профессиональных сведений подчеркнём преобладание метафор-терминов над метафорами сопровождения, что, на наш взгляд, можно объяснить следующими причинами: 1) традиция употребления метафор-терминов и 2) авторское употребление метафор сопровождения определяется как рамками отдельно взятой работы, так и языковой картиной мира отдельной языковой личности.

Список источников

1. Аблеев С. Р. Дискурсивные позиции в исследованиях сознания: термин против метафоры / С. Р. Аблеев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2010. – № 1. – С. 5–8.
2. Алексеева Л. М. Специфика научной метафоризации / Л. М. Алексеева // Филологический вестник. – Москва : Московский лицей, 1997. – Т. 82, № 1/2. – С. 132–141.
3. Алексеева Л. М. Метафорическое терминопорождение и функции терминов в тексте / Л. М. Алексеева. – Москва : Российский ун-т дружбы народов, 1999. – 33 с.
4. Алексеева Л. М. Термин и метафора / Л. М. Алексеева. – Пермь : Пермский гос. ун-т, 1998. – 250 с.
5. Алексеева Л. М. Пермская школа метафоры / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова // Вестник Пермского университета. – 2016. – Вып. 3 (35). – С. 122–133.
6. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. – Москва : Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 645–680.
7. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 5–32.
8. Баранов А. Н. Deskriptornaya теория метафоры и типология метафорических моделей / А. Н. Баранов. – Москва : Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.
9. Белов Ю. В. Руководство по сосудистой хирургии с атласом оперативной техники / Ю. В. Белов. – Москва : ДеНово, 2000. – 448 с.
10. Бургаве Г. Славнаго Германа Боергава публичныя лекции о глазных болезнях... В трех частях, с чертежами Перевел Василий Титовичь / Г. Бургаве. – Москва : Унив. тип. у Ридигера и Клаудия, 1798. – 273 с.
11. Веклич М. В. Метафоры предметной сферы в русской анатомической терминологии XVIII века / М. В. Веклич // Гуманитарные исследования. – 2018. – № 3. – С. 24–28.
12. Веклич М. В. Глагольные метафоры в русской медицинской терминологии / М. В. Веклич // Гуманитарные исследования. – 2021. – № 2. – С. 20–25.
13. Зубкова О. С. Медицинская метафора как результат культурной фиксации в медицинской терминологии / О. С. Зубкова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2008. – № 5 (19). – С. 127–135.
14. Зубкова О. С. Медицинская метафора-термин как ментальная репрезентация / О. С. Зубкова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 3. – С. 41–48.
15. Лебедева С. В. Медицинская метафора в современном языке / С. В. Лебедева, О. С. Зубкова. – Курск : Курский гос. ун-т, 2006. – 129 с.
16. Кассирер Э. Сила метафоры / Э. Кассирер // Теория метафоры. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 33–43.
17. Иваницкий В. В. Терминологическая метафора и лингвистическая терминология / В. В. Иваницкий // *Philologica Scandinavica* / отв. ред. Б. С. Жаров. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2003. – С. 70–79.
18. Калашникова Л. В. Метафора – инструмент познания и установления реальных связей между элементами мироздания / Л. В. Калашникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 1 (12). – С. 75–77.
19. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – Москва : Эдиториал УРСС, 2004. – 256 с.
20. Мишанкина Н. А. Метафора в терминологических системах: функции и модели / Н. А. Мишанкина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2012. – № 4 (20). – С. 32–45.
21. Мишланова С. Л. Метафора в медицинском дискурсе / С. Л. Мишланова. – Пермь : Пермский гос. ун-т, 2002. – 160 с.
22. Мыльникова И. С. Военная метафора в языковой картине мира медицины: вчера, сегодня, завтра / И. С. Мыльникова // ПРАЭНМА. – 2021. – № 3 (29). – С. 153–175.
23. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 68–81.
24. Переволочанская С. Н. Образ автора в научном дискурсе: метафоризация как средство формирования научных абстракций / С. Н. Переволочанская // Известия Вогоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. – 2019. – № 2 (135). – С. 101–105.
25. Русская Т. Н. Метафора как средство описания работы сердечной мышцы в научном медицинском дискурсе / Т. Н. Русская, Е. В. Третьякова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, вып. 9. – С. 2966–2971.

26. Уткина Т. И. Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе / Т. И. Уткина. – Пермь, 2006. – 210 с.
27. Хахалова С. А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры / С. А. Хахалова. – Иркутск : Иркутский гос. лингвистич. ун-т, 2011. – 292 с.
28. Хахалова С. А. Метафоризация: эффект наложения смыслов / С. А. Хахалова // Лингвистические исследования иркутской научной школы: приоритетные исследования метафоры. Константы. Концепты. Категории. – Иркутск : Иркутский гос. лингвистич. ун-т, 2013. – С. 92–98.
29. Хахалова С. А. Является ли сердце домом? Особенности метафорического образа сердца в медицинском дискурсе / С. А. Хахалова, Т. Н. Русская // Тенденции развития образования: педагог, образовательная организация, общество. – Чебоксары : Среда, 2020. – С. 116–123.
30. Чудинов А. П. Постулаты уральской школы политической метафорологии / А. П. Чудинов // Уральский филологический вестник. Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2012. – № 2. – С. 85–93.

References

1. Ableev S. R. Discursive positions in the study of consciousness: term versus metaphor. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika = Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism.* 2010;1:5–8.
2. Alekseeva L. M. Specificity of scientific metaphorization. *Filologicheskii vestnik = Philological Bulletin.* Moscow; Moskovskiy litsey. 1997;82(1/2):132–141.
3. Alekseeva L. M. *Metaforicheskoe terminoporozhdenie i funktsii terminov v tekste = Metaphorical term generation and functions of terms in the text.* Moscow: Peoples' Friendship University of Russia; 1999:33.
4. Alekseeva L. M. *Termin i metafora = Term and metaphor.* Perm: Perm State University; 1998:250.
5. Alekseeva L. M., Mishlanova S. L. Perm school of metaphor. *Vestnik Permskogo universiteta = Bulletin of Perm University.* 2016; 3(35):122–133.
6. Aristotel. *Poetics. Aristotel. Sochineniya: v 4 tomakh = Aristotle. Works: in 4 vols.* Moscow: Mysl; 1983:4:645–680.
7. Arutyunova N. D. Metaphor and discourse. *Teoriya metafory = Theory of metaphor.* Moscow: Progress; 1990:5–32.
8. Baranov A. N. *Deskriptornaya teoriya metafory i tipologiya metaforicheskikh modeley = Descriptor theory of metaphor and typology of metaphorical models.* Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury; 2014:632.
9. Belov Yu. V. *Rukovodstvo po sosudistoy khirurgii s atlasom operativnoy tekhniki = Guide to vascular surgery with an atlas of surgical techniques.* Moscow: DeNovo; 2000:448.
10. Burgave G. *Slavnago Germana Boergava publichnyya lektsii o glaznykh boleznyakh... V trekh chastyakh, s chertezhami Perevel Vasilii Titovich = Slavnago German Boerhave public lectures on eye diseases... In three parts, with drawings Translated by Vasily Titovich.* Moscow: Universitetskaya tipografiya u Ridigera i Klaudiya; 1798:273.
11. Veklich M. V. Metaphors of the subject sphere in Russian anatomical terminology of the 18th century. *Gumanitarnye issledovaniya = Humanitarian Research.* 2018;3:24–28.
12. Veklich M. V. Verb metaphors in Russian medical terminology. *Gumanitarnye issledovaniya = Humanitarian Research.* 2021;2:20–25.
13. Zubkova O. S. Medical metaphor as a result of cultural fixation in medical terminology. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina = Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin.* 2008;5(19):127–135.
14. Zubkova O. S. Medical metaphor-term as a mental representation. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki = Questions of cognitive linguistics.* 2010;3:41–48.
15. Lebedeva S. V., Zubkova O. S. *Meditinskaya metafora v sovremennom yazyke = Medical metaphor in modern language.* Kursk: Kursk State University; 2006:129.
16. Cassirer E. The power of metaphor. *Teoriya metafory = Theory of metaphor.* Moscow: Progress; 1990:33–43.
17. Ivanitskiy V. V. Terminological metaphor and linguistic terminology. *Philologica Scandinavica.* Ed. by B. S. Zharov. St. Petersburg: St. Petersburg State University; 2003:70–79.
18. Kalashnikova L. V. Metaphor is a tool for cognition and establishing real connections between the elements of the universe. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of theory and practice.* 2012;1(12):75–77.

19. Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafori, kotorymi my zhivem = Metaphors by which we live*. Ed. by A. N. Baranov. Moscow: Editorial URSS; 2004:256.
20. Mishankina N. A. Metaphor in terminological systems: functions and models. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Bulletin of Tomsk State University. Philology*. 2012;4(20):32–45.
21. Mishlanova S. L. *Metafora v meditsinskom diskurse = Metaphor in medical discourse*. Perm: Perm State University; 2002:160.
22. Mylnikova I. S. Military metaphor in the linguistic picture of the world of medicine: yesterday, today, tomorrow. *ПРАΞΗΜΑ*. 2021;3(29):153–175.
23. Ortega-i-Gasset H. Two great metaphors. *Teoriya metafori = Theory of metaphor*. Moscow: Progress; 1990:68–81.
24. Perevolochanskaya S. N. The image of the author in scientific discourse: metaphorization as a means of forming scientific abstractions. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki = News of the Volgograd State Pedagogical University. Philological sciences*. 2019;2(135):101–105.
25. Russkaya T. N., Tretyakova E. V. Metaphor as a means of describing the work of the heart muscle in scientific medical discourse. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2022;15(9):2966–2971.
26. Utkina T. I. *Metafora v nauchno-populyarnom meditsinskom diskurse = Metaphor in popular scientific medical discourse*. Perm; 2006:210.
27. Khakhalova S. A. *Metafora v aspektakh yazyka, myshleniya i kultury = Metaphor in aspects of language, thinking and culture*. Irkutsk: Irkutsk State linguistic University; 2011:292.
28. Khakhalova S. A. Metaphorization: the effect of overlapping meanings. *Lingvisticheskie issledovaniya irkutskoy nauchnoy shkoly: prioritnye issledovaniya metafori. Konstanty. Kontsepty. Kategorii = Linguistic studies of the Irkutsk scientific school: priority studies of metaphor. Constants. Concepts. Categories*. Irkutsk: Irkutsk State linguistic University; 2013:92–98.
29. Khakhalova S. A., Russkaya T. N. Is the heart a home? Features of the metaphorical image of the heart in medical discourse. *Tendentsii razvitiya obrazovaniya: pedagog, obrazovatel'naya organizatsiya, obshchestvo = Trends in the development of education: teacher, educational organization, society*. Cheboksary: Sreda; 2020:116–123.
30. Chudinov A. P. Postulates of the Ural school of political metaphorology. *Uralskiy filologicheskii vestnik. Yazyk. Sistema Lichnost: Lingvistika kreativa = Ural Philological Bulletin. Language. System. Personality: Linguistics of creativity*. 2012;2:85–93.

Информация об авторе

М. В. Веклич – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

M. V. Veklich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.07.2023; одобрена после рецензирования 05.08.2023; принята к публикации 18.08.2023.

The article was submitted 02.07.2023; approved after reviewing 05.08.2023; accepted for publication 18.08.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 21–28.
Humanitarian Researches. 2023;3(87):21–28.

Научная статья
УДК 81

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ-СТАТУСОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ОДНОКЛАССНИКИ»)**

Марина Валерьевна Беззубикова¹, Ирина Николаевна Кайгородова²

^{1, 2}Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева,
Астрахань, Россия

¹mv55@yandex.ru

²kin905@mail.ru

Аннотация. Интернет-среда обусловила появление сетевых жанров, обладающих признаками, характерными лишь для данного вида виртуального общения. Текст-статус относится к сетевым текстам с особой структурной организацией и семантической наполненностью. Коммуникативный потенциал локально закреплённых одноактных высказываний во много раз выше по сравнению с личным сообщением. Статус, являясь «лицом» пользователя веб-страницы, обладает высоким прагматическим потенциалом и служит средством языковой самопрезентации. Текст-статус, отражая все особенности русской речи, передаёт личностное отношение автора к своему бытию на момент размещения высказывания. Одним из способов осознания окружающего мира и себя в нём является метафора. На современном этапе развития лингвистики актуальным является рассмотрение метафоризации как отражения результатов мыслительных процессов, а метафоры – как способа выражения жизненной позиции пользователя. В статье представлены метафорические модели, наполнение которых служит инструментом для понимания реальной действительности и выражения абстрактных вещей. Примеры метафор из статусов социальной сети «Одноклассники» демонстрируют разные по структуре метафоры, для понимания которых нужны фоновые знания и мыслительная деятельность. В анализируемых текстах-статусах встречаются не только метафоры, но и метонимия, и фразеологизмы. Устойчивые сочетания могут трансформироваться, обновлять значение, считываться по внутренней форме. Лексические средства словесной образности выполняют в текстах-статусах важную роль: с помощью метафор и фразеологизмов передаются образные представления, допускаются различные переосмысления. Текст-статус является особым типом текста, в котором языковые средства отображают ситуацию речевого взаимодействия автора с неопределённым множеством адресатов.

Ключевые слова: тексты-статусы, метафора, лексические средства образности, образ, метафорический смысл

Для цитирования: Беззубикова М. В., Кайгородова И. Н. Лексические особенности текстов-статусов (на материале социальной сети «Одноклассники») // Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 21–28.

Research article

**LEXICAL FEATURES OF STATUS TEXTS
(BASED ON THE MATERIAL OF THE ODNOKLASSNIKI SOCIAL NETWORK)**

Marina V. Bezzubikova¹, Irina N. Kaigorodova²

^{1, 2}Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia

¹mv55@yandex.ru

²kin905@mail.ru

Abstract. The Internet environment has led to the emergence of network genres with features characteristic only of this type of virtual communication. Text-status refers to

network texts with a special structural organization and semantic fullness. The communicative potential of locally fixed one-act utterances is much better than a personal message. The status, being the "face" of the web page user, has a high pragmatic potential and serves as a means of linguistic self-presentation. The status text, reflecting all the features of the Russian speech, conveys the author's personal attitude to his being at the time of the statement placement. One of the ways to become aware of the world around you and yourself in it is a metaphor. At the present stage of linguistics development, it is relevant to consider metaphorization as a reflection of the results of thought processes, and metaphors as a way of expressing the user's life position. The article presents metaphorical models, the content of which serves as a tool for understanding reality and expressing abstract things. Examples of metaphors from the statuses of the Odnoklassniki social network demonstrate metaphors of different structure, which require background knowledge and mental activity to understand. In the analyzed status texts, there are not only metaphors, but also metonymy and phraseological units. Stable combinations can be transformed, update the value, read from the internal form. Lexical means of verbal imagery perform an important role in status texts: figurative representations are transmitted with the help of metaphors and phraseological units, various reinterpretations are allowed. The status text is a special type of text in which language means reflect the situation of the author's verbal interaction with an indefinite set of addressees.

Keywords: texts-statuses, metaphor, lexical means of imagery, image, metaphorical meaning

For citation: Bezzubikova M. V., Kaigorodova I. N. Lexical features of status texts (based on the material of the Odnoklassniki social network). *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;3(87):21–28 (In Russ.).

Интернет-коммуникация представляет собой важную и быстро развивающуюся сферу бытования языка. Текст-статус относится к сетевым текстам, имеет свою особую структурную организацию и семантическую наполненность. Тексты-статусы социальной сети создаются исходя из мотивов самоутверждения, самореализации и обладают высоким прагматическим потенциалом. Они не только отражают особенности русской речи. Важным является то, что информация, заложенная в них, может расширять знания о мире, трансформировать картину мира и пополнять лексикон читателя. Как правило, текст-статус представляет собой афористическое высказывание на философскую, житейскую или нравственную тему, содержит оригинальную законченную мысль, содержащую определённую идею.

К лексическим средствам образности традиционно относят метафору, метонимию, фразеологизмы. Для нас принципиально важным является мысль, что метафора в текстах-статусах является не как средство украшения речи, а как средство познания. В процесс метафоризации включается человеческое мышление, т. к. происходит сопоставление предметов, явлений и осуществляется поиск их общих свойств и признаков. Проиллюстрируем эту мысль на примере:

Самый сложный экзамен – это жизнь. Большинство проваливают его, списывая и копируя у других, не понимая, что у каждого свой билет.

В представленном тексте-статусе наблюдаем модель «жизнь – экзамен». Читателю необходимо совершить мыслительную работу и найти общие признаки. Для этого необходимы фоновые знания. Каждый человек знает, что экзамен – это форма, по которой оценивают знания, некоторая проверка, как и где он проходит. Уловив метафорический смысл, читатель понимает, что *провалить экзамен* – получить «плохую» оценку. В результате у большинства людей планы о безмятежной и идеальной жизни не осуществляются, мечты, планы и реальность часто не совпадают, и люди бывают разочарованными. Выражение *списывать и копировать у других* – нельзя прожить жизнь как у другого человека, *у каждого свой билет* – у каждого человека своя судьба, свой жизненный путь.

В следующем примере метафорическая модель немного видоизменяется и представляет собой «жизнь – задача»:

Жизнь – это трудная задача, которую ещё не один человек не решил без ошибок.

В отличие от экзамена, задача – сложный вопрос, который требует своего разрешения. При решении задач люди могут совершать ошибки. Метафорический смысл актуализируется во второй части высказывания: человеку свойственно совершать ошибки в жизни, нельзя идеально прожить жизнь.

*Жизнь – это как большой супермаркет,
бери что хочешь, но не забывай – касса впереди,
за всё придётся платить.*

В примере мы наблюдаем модель «жизнь – супермаркет». Лексема *супермаркет* отсутствует в авторитетных толковых словарях, поскольку это слово появилось в языке значительно недавно. В словаре «Языковых изменений конца XX столетия» под редакцией Г. Н. Складневской *супермаркет* – большой, обычно продовольственный магазин самообслуживания; универсам [3, с. 765]. Знания о том, что представляет собой супермаркет, помогают понять метафорический смысл: человеческая жизнь имеет свои этапы, сложности, «подводные камни». В молодости люди, как правило, не задумываются о некоторых вещах: молодость быстротечна, здоровье надо беречь, серьёзные ошибки или проступки могут повлиять на будущее человека. Подобно тому, как человек оплачивает товар на кассе, так он расплачивается за свои совершённые ошибки. Глагол *платить* употребляется в переносном значении: «возмещать, воздавать» [2, с. 522].

*Самый сильный внедорожник в мире – это родители...
Вытащат из любой ямы!!!*

Представлена метафорическая модель «родители – машина». В словаре *внедорожник* – «автомобиль (преимущественно типа джип), способный ездить по труднопроходимой местности, по бездорожью; вездеход» [3, с. 143]. В метафоре одни сущности (родители) проецируются на другие сущности (внедорожник). Такое свойство внедорожника, как вездеходность, мощь, становятся важными для метафоризации. Метафорический смысл легко декодируется: родители всегда помогут своему ребёнку в трудной ситуации. Лексема *яма* выступает символом жизненных сложностей и неприятностей. Ср.: *вытащить из ямы* – перен.: избавить от тяжёлой жизни, избавить от мрачного, порочного окружения [2, с. 918].

Хочешь узнать человека? Задень его. Человек – это сосуд. Чем наполнен, то и начнёт выплескиваться.

Метафорическая модель «человек – сосуд» передаёт яркий образ. Сосуд – «вместилище для жидких и сыпучих тел» [2, с. 751]. В данном примере есть ограничение: только жидких, т. к. есть глагол *выплёскиваться* – вылиться. Человек, подобен сосуду: он наполнен и может перелиться. Автор данного текста-статуса даёт читателю мыслительную задачу, которую он должен разгадать. Вероятно, автор этого выражения считает, что в человеке есть хорошее и плохое, и в зависимости от того, каких качеств больше у человека: плохих или хороших, в момент повышенного напряжения человек показывает свою сущность. Причастие *наполнен* актуализирует внутренний мир, сущность человека, а глагол *выплескиваться* – чувственный накал человека. Сосуд символизирует сущность человека.

В рассмотренных примерах метафора является инструментом для понимания реальной действительности и выражения абстрактных вещей, строится по модели «А есть Б». В следующем примере второй компонент метафоры не указан прямо, а передаётся с помощью лексем одной лексико-семантической группы:

Не открывай страницы своей души перед теми, кто не умеет читать.

Метафорическая модель «душа – книга». Существительное *книга* не вербализовано, но на неё есть указание через слова *страницы* и *читать*.

Генетическая метафора *страницы души* передаёт нерасчленённое представление о чём-то тайном и сокровенном в чувственном мире человека. Выражение *не умеет читать* метафорично. Его смысл заключается в следующем: не доверять людям, которых ты не понимаешь или которые не понимают тебя.

В следующей группе примеров метафора представляет собой иное структурное образование – одночленную метафору. Проиллюстрируем это на примерах.

Детям надо дать крылья и корни. Крылья – чтобы они высоко взлетели, а корни – чтобы им всегда было куда вернуться.

Назидательный текст-статус содержит метафоры *крылья* и *корни*, которые читатель должен самостоятельно понять, поскольку в тексте отсутствует основание для метафоризации. Метафора *крылья* образовалась на основании прямого значения – органы летания у птиц, метафоризация произошла на основе функции «способность летать». Подобно птицам, дети должны летать. В словаре представлено существительное *взлёт* с переносным значением: «подъём, воодушевление» [2, с. 80]. Существительное *корни* употребляется в переносном, метафорическом значении «начало, источник, истоки чего-нибудь» [2, с. 295]. Однако в контексте эта метафора символизирует место, тем самым расширяется и актуализируется метафорический смысл: родители создают своим детям все условия для успешной жизни: духовное воспитание, материальная поддержка, а если у детей возникнут сложности, родители всегда им помогут и поддержат.

В любви и в дружбе есть верёвка, но стоит раз её порвать, потом хоть свяжешь её ловко, но узел всё равно видать. Метафоры *верёвка* и *узел* номинируют непредметные сущности. В русском языке сложно найти прямые и точные обозначения чувственных ощущений. Верёвка представляет собой изделие из свивающегося материала, но важным для понимания метафоры выступает не внешняя форма, вид верёвки, а её функция – связывать что-либо. Метафорически она обозначает связь: любовные или дружеские отношения. Верёвка рвётся – связь разрушается. Узел – «место, где туго соединены концы чего-нибудь, или петля, стянутая на чем-нибудь» [2, с. 828]. Для актуализации метафорического смысла образ узла, его внешний вид имеет важное значение. Узел имеет форму выпуклости, именно этот наглядный образ становится важным в понимании метафоры. На месте гладкого места появляется узел – символ напоминания о прошлых ссорах и обидах.

Следующую метафору можно отнести к модели «человек – машина», а точнее «душа – машина»:

Жаль, что в нашей памяти нет функции «удалить человека». Фоновые знания при восприятии и понимании метафоры играют важную роль. Известно, что компьютер представляет собой устройство для автоматической обработки информации с помощью заданной, чётко определённой последовательной операции. Человек не обладает автоматизмом, он не может бесперебойно работать. Скрытые смыслы возникают при понимании метафоры: человек не машина, не компьютер, у него есть душа.

Перестань тонуть из-за людей, которые даже в воду не заходят ради тебя. В представленном тексте-статусе задействована метафора воды. Глагол *тонуть* употребляется не в прямом значении и актуализирует метафорический смысл «испытывать неприятности». Выражение *в воду не заходят* имеет переносное значение и можно декодировать как «не интересуются твоими проблемами, твоей жизнью».

Если кто-то судит твой путь ... Одолжи ему свои ботинки. Образное выражение строится на лексемах *путь* и *ботинки*. Эти слова относятся к разным лексико-семантическим группам (направление, движение – одежда). Однако с помощью мышления читатель находит общее основание: человек

идёт, на ногах у него ботинки. Это является первым этапом. Далее происходит абстрагирование, где наступает понимание фигурального смысла: путь – это жизнь, а ботинки – это сложности, трудности, с которыми сталкивается человек.

В следующем примере метафора легко осознаётся, поскольку в ней представлены три компонента: главный, вспомогательный компоненты и их основание:

Мужчина – это опора, она должна быть крепкой и надёжной в любой ситуации. Абстрактное существительное опора – ‘место, на котором можно утвердить, укрепить что-нибудь для придания прочного, постоянного положения’ [2, с. 455]. Метафора легко декодируется, поскольку между компонентами метафоры подробно описано основание сравнения таких далёких сущностей, как мужчина и опора. Человек наделяется качествами неживого, предметного мира. Подобно тому, как опора поддерживает что-либо, мужчина должен быть надёжным и крепким.

Комфорт – это не мебель, не дом, не место. Комфорт – это когда на душе спокойно. В представленном тексте-статусе автор имплицитно сравнивает материальные и духовные ценности. Существительное *комфорт* в словарном значении выступает в большей степени как материальная сущность: – ‘условия жизни, пребывание, обстановка, обеспечивающие удобство, спокойствие и уют’ [2, с. 289]. Для автора этого текста-статуса комфорт связан с душевным состоянием, с покоем. Выражение *на душе спокойно* – «о хорошем, спокойном и душевном состоянии человека».

В примере присутствуют два компонента метафоры, но нет основания для их метафоризации:

Самый тяжёлый груз, который мы тащим – это мысли в голове. Происходит метафорическая проекция двух абстрактных существительных мысли – это груз. Абстрактное существительное *мысли* приобретает физическое качество: вес. В русском языке есть выражение *тяжёлые мысли*. Существительное груз – ‘тяжесть, тяжёлый предмет’ [2, с. 147] употребляется в переносном значении и имеет отрицательную коннотацию. Нести что-либо тяжёлое значит испытывать трудности, дискомфорт. Метафорический смысл извлекается из всего контекста: мысли могут тяготить человека, испортить ему жизнь.

Не гасите свет в чужой душе... Вдруг вы вернетесь, а там будет темно. В данном тексте-статусе представлено несколько метафор: *не гасить* (свет), *чужая душа*, *темно*. Метафорическое выражение *не гасите свет* имеет смысл «не прекращать что-либо делать», чужая душа – другой человек, темно – «отсутствие чего-нибудь, пустота». Для понимания метафоры нужны фоновые знания и мыслительная деятельность. Имплицитно в этом тексте представлены метафоры света и тьмы как вечных полярных сущностей: стремление к свету и борьба с тьмой. Свет символизирует надежду и чистоту.

Чтоб сердце не стало калекой, не мучай печалью душу...

Нет смысла болеть человеком, который тобой ... не простужен!

В данном примере представлена метафорическая модель «любовь – болезнь» и употребляется лексика медицинской области: *калека*, *болеть*, *не простужен*. Метонимическая проекция слова *сердца* как главного органа человека распространяется на образ: сердце не калека. Калека – ‘человек, имеющий увечья’ [2, с. 261]. Подобно человеку с увечьем, сердце также может быть травмировано. Выражение *болеть человеком* – ‘испытывать к нему сильные чувства». Содержание слова (*болезнь*) переносится в другое содержание (*любовь*). В механизме образования этой метафоры выступает основа сопоставления *болезнь*, из которой вычленяется «состояние», точнее, отклонение от привычного физического и душевного состояния. Краткое прилагательное *не простужен* – ‘находится в нормальном, не болезненном состоянии».

При метонимии переносное значение основывается на внешней или внутренней связи двух предметов или явлений. Проиллюстрируем это на следующем примере.

Мы все у бога на ладони... На одинаковых правах... И те, что в золотой короне, и те, кто в порванных штанах. Местоимение *те* – люди, но они номинируются не прямо, а по детали одежды, которые противопоставляются по аксиологическому признаку: золотая корона – богатство, рваные штаны – бедность. В данном примере мы наблюдаем метонимическое сокращение, которое создаёт двуплановость словоупотребления: слова *золотая корона* и *порванные штаны* сохраняют свои обычные значения, но при этом выступают носителем другого содержания, ассоциативно связанного с ними по смежности. Выражения (*золотая корона* и *порванные штаны*) передают не конкретный образ предмета или явления, а образное представление всей ситуации в целом: все равны перед богом.

Фразеологизм или фразеологическая единица представляет собой «словосочетание, в котором семантическая монолитность (цельность номинации) довлеет над структурной раздельностью составляющих его элементов, вследствие чего оно функционирует в составе предложения как эквивалент отдельного слова» [1, с. 503–504].

В анализируемых текстах-статусах фразеологизмы встречаются, однако они могут трансформироваться, обновлять значение, считываться по внутренней форме. Проиллюстрируем это следующими примерами.

Такое ощущение, что как только я пытаюсь сделать ход конем, откуда-то появляются цыгане. В данном тексте-статусе используется крылатое выражение *ход конем*, которое пришло из шахматной игры. В шахматах конь является важной фигурой, и на шахматной доске эта фигура ходит буквой Г. Метафорически *ход конем* означает хитрый ход, неожиданный поворот событий или обходной манёвр для победы в противостоянии. Юмористический эффект достигается в конце фразы, когда слово *цыгане* разрушает смысл фразеологизма. Как известно, жизнь у цыган кочевая, и конь (лошадь) является важным в их хозяйственной деятельности. Знание о том, что цыгане часто воруют коней: в русском языке есть слово конокрад – вор, занимающийся конокрадством.

Вот только вчера стреляла глазками, а сегодня стреляет в поясице! Юмористический текст-статус построен на обыгрывании фразеологизма *стрелять глазами* и имеет два значения: 1) бросать кокетливые взгляды; 2) бросать короткие быстрые взгляды. Во второй части глагол *стрелять* употребляется в прямом значении: ‘о повторяющейся, колющей боли’ [2, с. 773]. Смысл данного статуса не показан эксплицитно, игра слов основана на глаголе, который входит в состав фразеологизма и является свободным. Актуализируются смыслы о быстротечности времени и превосходством молодости над зрелостью.

В следующем юмористическом статусе происходит контаминация фразеологизмов:

Мастер на все руки женился на больной на всю голову ... Теперь дурная голова рукам покоя не даёт. Фразеологическое выражение *мастер на все руки* имеет положительную коннотацию и значение: человек, умеющий всё делать, способный на всякое дело. Однако мы наблюдаем разрушение фразеологизма: *мастер женился*. Во фразеологизме *дурная голова ногам покоя не даёт* меняется состав: вместо слова *ноги* употребляется *руки*.

*А в жизни нам приходится за всё платить,
и только «грязью» поливают нас бесплатно!*

В представленном статусе-тексте используются фразеологизмы: *платить* – ‘пострадать в наказание или в отместку за что-либо; поплатиться’ [4, с. 472], *поливать грязью* – ‘незаслуженно оскорблять, поносить кого-либо’

[4, с. 497], которые имеют разговорную и экспрессивную окраску. Единство и противопоставление поддерживают слова *платить* и *бесплатно*.

«*Мелочей не бывает*», – сказала капля и переполнила чашу. В данном примере происходит обыгрывание фразеологизмов: *последняя капля* – факт, какое-либо событие в числе других, ставшее причиной ссоры, открытой вражды [4, с. 499], *переполнилась чаша* – нет больше никакой возможности выносить, терпеть что-либо [4, с. 740]. Метафорический смысл возникает из знания фразеологизмов, житейского опыта и фоновых знаний: любое, даже незначительное явление или событие может серьёзно изменить жизнь человека.

Никогда подкова не принесёт тебе счастья и удачи, пока не прибьёшь её к своему копыту и не начнёшь пахать как лошадь. В тесте-статусе можно отметить языковую игру, в которую вовлечены метафорические слова и фразеологизированное сравнение *пахать как лошадь* – усердно трудиться. Подкова в русской культуре выступает символом достатка, обычно в русских домах её вешают над дверью. Метафорическое выражение *прибить подкову к копыту* приобретает значение: «начинать работать, а не ждать достатка, ничего не делая». Вместо человеческой конечности нога автор выбирает номинацию конечности млекопитающего. Такой выбор поддерживает компонент фразеологизма – лошадь. Слово копыто приобретает яркую коннотацию.

Если в твоей жизни что-то не клеится, брось клей и переходи на гвозди! Забей на всё и живи счастливо! Устойчивое выражение *клеится* – ‘ладится, идёт на лад’; *не клеится* – ‘не удаётся’. В первой части осмысляется переносное значение глагола (*не клеится*), однако во фразе *брось клей и переходи на гвозди* идёт отсылка к прямому значению этого глагола. Глагол в повелительном наклонении *забей* используется в молодёжном сленге в значении «забудь, не обращай внимания, игнорируй». Своеобразный смысловой переход связан с существительным *гвозди* – ‘заострённый стержень, обычно железный, со шляпкой на тупом конце’ [2, с. 127]. Общеизвестно, что гвозди забивают, вбивают. Фоновые знания о том, что гвозди и клей применяются в хозяйственной деятельности человека, помогают понять образный смысл этого текста-статуса.

Таким образом, лексические средства словесной образности выполняют в текстах-статусах важную роль: с помощью метафор и фразеологизмов передаются образные представления, допускаются различные переосмысления. Метафора, в которой представлены два компонента, заставляет читателя находить общие свойства, точки соприкосновения двух далеких друг от друга сущностей. Текст-статус является особым типом текста, в котором языковые средства отображают ситуацию речевого взаимодействия автора с неопределённым множеством адресатов.

Список источников

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : А ТЕМП, 2004. – 944 с.
3. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / ИЛИ РАН ; под ред. Г. Н. Складневской. – Москва : Астрель : АСТ, 2001. – 944 с.
4. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. – 3-е изд., испр. – Москва : Астрель : АСТ, 2008. – 878 с.

References

1. Akhmanova O. S. *Slovar lingvisticheskikh terminov = Dictionary of linguistic terms*. Moscow: Editorial URSS; 2004:576.
2. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka = Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow: A TEMP; 2004:944.

3. Tolkovyy slovar sovremennogo russkogo yazyka. Yazykovye izmeneniya kontsa XX stoletiya = xplanatory dictionary of the modern Russian language. Language changes at the end of the twentieth century. Ed. by G. N. Sklyarevskaya. Moscow: Astrel: AST; 2001:944.

4. Fedorov A. I. *Frazeologicheskiy slovar russkogo literaturnogo yazyka* = *Phraseological dictionary of the Russian literary language*. 3rd ed., rev. Moscow: Astrel: ACT; 2008:878.

Информация об авторах

М. В. Беззубикова – кандидат филологических наук, доцент;

И. Н. Кайгородова – доктор филологических наук, профессор.

Information about the authors

M. V. Bezzubikova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor;

I. N. Kaigorodova – Doctor of Philological Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.07.2023; одобрена после рецензирования 28.08.2023; принята к публикации 30.08.2023.

The article was submitted 23.07.2023; approved after reviewing 28.08.2023; accepted for publication 30.08.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 29–36.
Humanitarian Researches. 2023;3(87):29–36.

Научная статья
УДК 81-26

ДИСКУРСИВНЫЙ ПОРТРЕТ АКТЁРА-КОМИКА В ЖАНРЕ «СТЕНДАП»

Юлия Владиславовна Вербоватая

Донской государственной технической университет, Ростов-на-Дону, Россия,
verbovataya.yuliasick@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5456-1362>

Аннотация. Актёры-комики, выступающие в жанре «стендап», ведут повествование от первого лица, т. е. являются персонажами собственных юмористических историй. Они обнародуют перед целевой аудиторией определённый опыт постижения повседневных событий, высказывают по этому поводу индивидуальные мнения. Эти переживания и мнения предназначены для того, чтобы рассматриваться как правдивые, и аудитория сама определяет, какая истина стоит за ними. Однако похожие на легенды свидетельства и рассказы о личном опыте постижения действительности смешиваются с небылицами, шутками. Зрители попытаются определить, что является правдой, а что игрой воображения актёра. Комик инициирует реплики и подсказки, определяет, какими оптимальными способами направить аудиторию к предпочтительной интерпретации. Его перлокутивная цель состоит не в том, чтобы помочь зрителям распознать истину, а в том, чтобы преподнести событие так, чтобы оно вызвало по ходу представления. Иллокутивная сила выступления актёра-комика предопределяется его дискурсивным мастерством, а поэтому стендап в данном исследовании интерпретируется как жанр, основанный на том, что зрители формируют психологическое Я исполнителя по мере разворачивания юмористического повествования, что заметно выделяет подобные выступления среди жанров сольного исполнения. Актёры-комики бросают вызов стереотипным статичным представлениям о социальной и психологической идентичности человека, нарушают множество норм, укоренившихся в современном социуме. Посредством критических комментариев и публичного обсуждения запретных тем они фокусируют внимание зрителей на необходимости ослабления социальной идентичности, закреплённой жёсткими правилами языка и культуры. При исполнении шуток стендап-комики используют контекст шутки и контекст в шутке. Контекст шутки основан на взаимопонимании, существующем между актёрами и зрителями. Контекст шутки, который является динамичным, относится к ситуации, освещаемой в выступлении, меняется по мере того, как актёры переходят от одной шутки к другой.

Ключевые слова: стендап, фатический контакт, комическое содержание суждений, юмористическое воздействие, эффект обманутого ожидания, коммуникативная стратегия

Для цитирования: Вербоватая Ю. В. Дискурсивный портрет актёра-комика в жанре «стендап» // Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 29–36.

Research article

THE ACTOR-COMEDIAN'S DISCURSIVE PORTRAIT IN THE GENRE OF "STAND-UP"

Yulia V. Verbovataya

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia,
verbovataya.yuliasick@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5456-1362>

Abstract. Comedians acting in the genre of "stand-up" narrate in the first person, i.e. they are the characters of their own humorous stories. They make public to the target audience their specific experience of comprehending everyday events, express individual opinions. These experiences and opinions are meant to be interpreted as truthful, and the

audience determines for themselves what truth is concealed behind them. However, legend-like testimonies and stories about personal experience of comprehending reality are mixed with imagined tales and jokes. The audience try to determine what is true and what is a figment of the actor's imagination. The comedian initiates cues and hints, determines which optimal ways to direct the audience to the preferred interpretation. His perlocative goal is not to help the audience recognize the truth, but to present the event in such a way that it causes while performing. The illocutionary power of a comedian's discursive activity is predetermined by his / her communicative artistry, and therefore stand-up performance is treated as a genre based on the fact that the spectators presuppose the actor's discursive and psychological "Self" while the comic judgments are realized. This noticeably distinguishes such performances among the genres of solo performance. Comedians repudiate flatly the stereotypical static conceptions on a personality's social and psychological identity; annihilate numerous conventions rooted in contemporary society. Based upon critical commentaries and open discussing the taboo problems, they try to focus spectators' current attention on the urgent need to neutralize the social identities, anchored by strict rules of language and culture. When initiating facetious tales, actors activate the contextual parameters of the valued judgments and the contextual surrounding of the judgments. From the point of view of the contextual parameters the facetious tale is based on the communicants' mutual understanding. The dynamic contextual surrounding of the facetious tale refers to the original situations covered in the spectacle. This kind of surrounding is constantly changing while the comics make a move from one humorous judgment to the next one.

Keywords: stand-up, phatic contact, comic content of judgments, humorous impact, the effect of deceived expectations, communicative strategy

For citation: Verbovataya Yu. V. The actor-comedian's discursive portrait in the genre of "stand-up". *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;3(87): 29–36 (In Russ.).

Массовые мероприятия, связанные с пантомимой, стендап-комедией, концертами популярной музыки, относятся к массовому искусству, которое воплощается в специфических перформативных пространствах: в театре, на сценах кафе и даже на аренах стадионов. Профессиональные и самодеятельные актёры, выполняя серию определённых движений, озвучивая спонтанные или заранее отрепетированные вербальные реплики, выступают перед аудиторией, чтобы подчеркнуть свою индивидуальность, вовлечь зрителей в архитектуру воспроизводимого спектакля. Совместное присутствие актёров и целевой аудитории сиюминутно порождает уникальное перформативное пространство, которое миметически воспроизводит объективную социально-политическую реальность, как правило, в гиперболизированных тонах. Подобные живые выступления сопровождаются интерактивным обменом жизненного опыта между участниками коммуникативного события. В свою очередь, зрители осмысливают повседневность под определённым углом зрения, активируют воображение за счёт стимулирующих намеков на потенциальную возможность гармонии и отсутствия конфликтов в современном мире.

Комедийные выступления одного актёра в стиле «стендап» представляют собой жанровую разновидность непредвзятого критического освещения широкого спектра актуальных проблемных узлов перед массовой аудиторией. Некоторые исследователи обращают внимание на непристойно-светское содержание комедийных постановок в жанре «стендап», которые не являются предметом публичного обсуждения в официальных сферах общения [6, с. 37]. Подобная тематика обуславливается, как правило, культурными стереотипами и убеждениями широких социальных слоёв современного общества.

Онтологической основой тематики выступлений становится текущая событийность, хорошо известная зрителям, а поэтому между собеседниками устанавливается тесный фатический контакт, который, в свою очередь, поддерживается юмористическим прагматическим эффектом стимулирующих суждений. Этот эффект предопределяется как различного рода синтагматическими и парадигматическими особенностями иницируемых высказываний,

так и высоким профессиональным уровнем актёра в непринуждённом обмене мнениями, апеллированием к эмоционально-волевой и интеллектуальной сфере целевого адресата. В подобном контексте межличностного взаимодействия актёр-комик реализует коммуникативную стратегию, нацеленную на активацию критического мышления зрителей.

При этом юмористическое обыгрывание текущей повседневности сопровождается стремлением убедить аудиторию в действительности, на первый взгляд, абсурдных суждений. Для освещения тех или иных тем в юмористическом ключе актёр избирает индивидуальный дискурсивный регистр, делает попытку достичь консенсуса между собственной жизненной позицией и точкой зрения аудитории [3; 4].

Комедийные выступления актёров в жанре «стендап» становятся одной из наиболее популярных форм развлекательного времяпрепровождения. Эти актёры создают соответствующие сообщества, в которых поддерживается, как правило, единый взгляд на повседневные культурные, социальные и политические реалии. Это единство во многом поддерживается за счёт сходных моделей реализации юмористического эффекта в рамках одного и того же сообщества актёров-комиков, спонтанной трансформации данной интеллектуальной способности из личностно-индивидуального явления в коллективный (массовый) феномен. При этом юмористические суждения актёров-комиков о текущей повседневности потенциально оспаривают эпистемические основания тех убеждений, которые доминируют в современном социуме.

Юмористический потенциал суждений актёра программирует внезапный когнитивный сдвиг в сознании зрителей, который порождается несоответствием между воспринимаемыми смыслами и общепринятыми ментальными моделями экспликации значений из языковых единиц, эффектом обманутых ожиданий. Зритель переживает неожиданную смену психологического состояния за счёт спонтанных изменений в интерпретации отдельно взятых слов, фраз или актёрского повествования в целом. При этом шутки актёра не всегда соответствуют жанру комедии, как правило, приобретают глубоко трагическое содержание.

Актёр реконструирует фрагменты своего жизненного опыта, доносит его до аудитории посредством приёма игры слов, иронического или саркастического сжатия / расширения их семантического потенциала, комбинирования несвязной и / или противоречивой информации и т. д. Все эти дискурсивные манипуляции с системой языка призваны оказывать юмористическое воздействие на зрителя.

Лингвистическое исследование юмора формулирует принципы явной / имплицитной реализации комического содержания с опорой на системные языковые средства [7]. Как универсальный феномен общечеловеческой культуры и цивилизации юмор описывается в самых разнообразных жанровых регистрах в терминах соответствующих лингвистических средств, а также способов передачи иными семиотическими каналами (например, язык тела). В контексте комедийных выступлений в жанре «стендап» актёры задействуют как вербальные, так и невербальные форматы выражения юмористического содержания.

Специфическим образом комбинируемые языковые единицы порождают юмористический эффект с опорой на творческие вербальные действия и забавные жесты актёра-комика. В формате стендап-выступлений юмор определяется нами как следствие универсального использования разговорного языкового регистра, подкрепляемого невербальными действиями исполнителя, которые синхронизируются с соответствующими комическими высказываниями и оптимально интерпретируются целевой аудиторией.

В структурно-прагматическом плане стендап-выступления можно уподобить рассказыванию шуточных историй в непринуждённом спонтанном

общении, в котором преобладают иллокуции насмешки, подтрунивания, розыгрыша. В подобном контексте межличностного взаимодействия можно говорить о трёх фазах реализации шутки как малого речевого жанра: 1) вводная часть (зачин); 2) непосредственный юмористический текст; 3) реакция адресата [2].

В стендап-спектаклях аналогичным образом актёр-комик делает преамбулу (например, сообщает о ситуации, которая послужила основой для данного выступления), даёт ироническую или саркастическую интерпретацию события, кульминацией которой является юмористический эффект, тем самым вызывает спонтанное реагирование зрителей в форме смеха. Если шутка оказалась неэффективной, аудитория выражает протест, который сопровождается различными проявлениями неодобрения и недовольства. В основе подобных негативных реакций лежит коммуникативная стратегия зрителей, нацеленная на предъявление настоятельных требований к достижению своих перлокутивных целей взаимодействия с актёром-комиком [1, с. 27].

Как только аудитория реагирует негативным образом, актёр-комик меняет манеру выступления, чтобы реанимировать фокус зрительского внимания [5]. В отличие от адресанта, повествующего шуточную историю небольшой группе собеседников в неформальной коммуникации, актёр-комик не располагает временем для фиксирования всей совокупности реагирующих реплик из зала, хотя по возможности он может устанавливать обратную связь с отдельно взятыми зрителями (сюжетный план некоторых выступлений предполагает подобный диалогический формат). Реагируя на реактивные суждения зрителей, актёр выявляет точки соприкосновения между ситуационными и культурными различиями стендап-сообщества и зала, задействует эксплицируемую информацию в своих дальнейших выступлениях, детализациях своего дискурсивного и психологического Я, нацеленных на эффективное воздействие на целевую аудиторию.

Избрав в качестве отправной точки исследования краткое обсуждение феноменов дискурсивной деятельности, юмора и стендап-выступлений, мы определяем юмористический дискурс актёров-комиков, выступающих в жанре «стендап» как интерактивную речевую деятельность, подкрепляемую специфическими телодвижениями, которая реализуется для критического воспроизведения текущей повседневности и, в конечном счёте, развлечения целевой аудитории. Детализация представлений о прагматической специфике стендап-выступлений основывается в данном исследовании на интерпретации дискурса как абстрактной теоретической системе функционирования языка в контексте межличностного взаимодействия. Теоретическая новизна и значимость проводимого анализа предопределяется тем, что в исследовании системно описываются дискурсивные техники порождения юмористического эффекта в жанре стендап-выступлений на английском языке.

По своей сути стендап-выступления являются прежде всего риторической дискурсивной деятельностью актёра-комика, который в развлекательной манере делает попытку убедить зрителей в действенности альтернативного взгляда на текущую действительность. На примере конкретной ситуации актёр фактически предлагает целевой аудитории проследить комические онтологические основания современной повседневности.

При этом шутка является конструктивным средством реализации персуазивной тактики, а оригинальный стиль комического повествования приобретает критическое значение для успешного выступления. Вслед за актёром-комиком зритель, сводя повседневные явления к их диаметральной противоположности, иронии и сарказму, выходит за рамки своей собственной рациональной логики, преодолевает «ограничения» стереотипной системы мышления и стандартных методов наблюдения за окружающим миром. Следующий иллюстративный фрагмент инкорпорирует

юмористический дискурс актёра-комика, порождаемый риторической речью: *"... Could you imagine traveling without your phone? Leaving tomorrow, going to the airport, getting on a plane and leaving for three days without your phone? Terrifying idea. How did you even get to the airport? That's a good question. How did you get to the airport? Is Uber responding to smoke signals now? What happens once you're at the airport and they change your flight or gate? How are you gonna know? You're not. You're not gonna know. You're just gonna wander the halls of the airport until you die. You're going to die at the airport on the floor outside of a Hudson News... that's filled with things that could save you if only you had Apple Pay. That'd be a good ending to the story. Or would it? What happens if you die, and you go up to Heaven, and they're like, "We weren't gonna let you in, but you did your best." "You get in. Welcome to Heaven. Congratulations." "What's your username and password?" I don't have it, I don't have it"* [11].

В данном фрагменте обнаруживаются диаметрально несоответствия между послылками, содержащимися в вопросительных стимулирующих репликах и ответах-реакциях на них. Обе эти послылки основываются на стереотипах о важности мобильного телефона в повседневной жизни человека. Первый – это социокультурный стереотип о том, что мобильный телефон даёт возможность решать целый ряд проблем в процессе перемещения человека в пространстве, второй – что отсутствие телефона блокирует саму эту возможность. Указанные стереотипы связываются в последовательных вопросно-ответных блоках через логику абсурда, что порождает юмористический эффект.

В свою очередь, логически не стыкующиеся послылки стимула и реакции в контексте употребления детализуют смысловое содержание актуализуемых стереотипов. Риторика – это искусство актёра-комика убеждать целевую аудиторию: экспликация юмористического смысла из логически диаметральных соответствий вопросно-ответных единств оказывается конструктивным механизмом убеждения зрителей в потенциальности воспроизводимых ситуаций в объективной реальности. При этом смех аудитории вызывает не столько предмет «критического» анализа актёра-комика, сколько его дискурсивная техника создания юмористического (иронического) эффекта.

Ключом к осознанию роли актёра-комика в процессе утверждения и одновременного ниспровержения культурных и социальных стереотипов является признание его дискурсивных стратегий убедить зрителей в абсурдности повседневного бытия, которые реализуются с опорой на самовыражение дискурсивного и психологического Я. Традиционно комик в чём-то психологически ущербен, но его естественные слабости вызывают зрительскую жалость и, что более важно, освобождают аудиторию от ожиданий общепринятых поведенческих норм и конвенций.

Актёр предстает перед целевой аудиторией как яркий представитель маргинальных слоёв общества, неспособный к надлежащим действиям в нестандартной ситуации. Зритель прощает поведенческие «ошибки» комику, маргинальность которого порождает завораживающую двусмысленность и амбивалентность. Ср.: *"... I love just pouring ketchup on a hot dog... I like that I think I'm being real punk rock by doing a ketchup on a hot dog joke... I don't know where I'm at politically. I really don't... I'm not a gambler, but I like playing craps, not because of the gambling aspect, but just because, if you're playing craps, and you're the one rolling the dice, you know, and you got a real hot hand, and everybody's winning money 'cause you're doing real good with the dice, that means you get to yell out whatever you want, in the name of luck, to test the greed of the people around you..."* [9]. Выступая в роли отрицательного примера, актёр-комик вызывает смех зрителей, он воплощает вербальные / невербальные поведенческие стимулы, достойные реакциям осмеяния и отторжения. Последующий смех аудитории фиксирует явное превосходство, психологическое облегчение от того, что «уязвимых мест» у актёра больше, чем «слабостей»

у зрителей. И всё же зритель отождествляет себя с психологическим Я актёра-комика, возможно, втайне признавая, что оно отражает естественные тенденции в повседневной деятельности незаурядного человека. Комик играет дискурсивную роль «отрицательного» образца, выставляемого для всеобщего подражания. Им разыгрываются неприемлемые и высмеиваемые черты характера шута, негодяя, лжеца, труса, эгоиста, слабака, невротика, от которых аудитория символически отрекается, одновременно признавая их естественность.

Собственные недостатки, выставляемые актёрами-комиками на всеобщее обозрение, являются гиперболизированным преувеличением всего того, что зритель боится и отвергает в собственном социальном самоопределении, но считает естественным проявлением современного человека. А поэтому двусмысленность является неотъемлемым прагматическим параметром реакции целевой аудитории на юмористические образы актёра-комика.

Все эти уязвимые места личности преобразуются актёром-комиком таким образом, что нечестность, эгоизм, агрессивное поведение и распущенность воспринимается зрителем как своего рода «добродетели», которым можно аплодировать. Удовольствие, которое аудитория получает от разыгрывания подобного санкционированного поведенческого отклонения, может быть связано с ритуальным нарушением табу, инверсией ритуала, часто встречающимся в разнообразных культурных традициях.

3. Фрейд утверждает, что между человеческими инстинктами и социально выработанными правилами поведения наблюдается перманентное состязание [8, с. 274]. В этом плане выступления в жанре «стендап» формируют потенциальную площадку для сценического воплощения подобного антагонизма. Тезис – первородные черты человеческого характера – сталкивается с антитезисом – вежливыми манерами и социальными ограничениями. В сознании зрителей данные тезис и антитезис синтезируются, внешним проявлением чего выступает реакция смеха, выражающая толерантность, ослабление враждебности по поводу поведенческих «вольных» проявлений актёра-комика.

Комик начинает выступление с того, что определяет «фактор адресата». Эта преамбула осуществляется в целях дискурсивной разминки. Проецируя реакцию в виде смеха, актёр призван продемонстрировать зрителям, что они представляют собой однородное сообщество. «Работа с залом», как называют эту дискурсивную процедуру сами комики [10, p. 76], раскрепощает аудиторию: смех становится выражением общих ценностей, а не личностного пристрастия отдельно взятого зрителя. Ср.: *“Ladies and gentlemen! Give it up for Tom Papa! Thank you very much. Look at you. Look at you, still alive. Good job. I'm proud of you. Oh, thank you so much for that. This is so nice to be here. We're gonna have a good time, I hope. They say these are very exciting times. They are. Some people say scary times. I disagree. I think these are very exciting times. When they're changing all the rules, we can do anything we want now”* [11]. Зрители сопровождают появление комика аплодисментами и возгласами восхищения. Актёр воспринимает эти реакции не как выражение признательности, а способ манифестации согласия аудитории стать адресатом последующих юмористических историй, поддержания фокуса текущего зрительского внимания на его сценический образ.

Зрители смеются и получают удовольствие, но они также выражают своё мнение, кивая в знак согласия, аплодируя и предлагая актёру словесную поддержку. Сочетая в психологическом климате межличностного взаимодействия эмпатию и интимность, актёр-комик усиливает глубину юмористического впечатления. Между участниками взаимодействия создаются условия для интенсивного обмена жизненным опытом, что, в свою очередь, приводит к спонтанному проявлению эмоциональных реакций аудитории, оптимальной концентрации внимания зрителей, их доброжелательному отношению к образу

комика, который начинает испытывать меньшее давление со стороны адресата, обеспечивает насыщенное смехом шоу.

В рамках данного исследования затрагиваются дискурсивные и прагматические аспекты выступлений актёров в жанре «стендап». Оно не охватывает всех лингвистических аспектов сценической деятельности актёров-комиков. Для дальнейших исследований мы определяем следующие перспективы. Как отмечалось выше, каждый актёр-комик характеризуется индивидуальным стилем юмористического выступления, а поэтому необходима последующая сравнительно-сопоставительная детализация использования актёрами коммуникативных стратегий. Кроме того, предпочтительная стратегия, используемая теми или иными актёрами, может быть идентифицирована посредством квантитативного анализа.

Список источников

1. Бочкарев А. И. Эмоциональная реакция аудитории как способ оценки комического и ценностного статусов различных явлений / А. И. Бочкарев // Вопросы психолингвистики. – 2023. – № 1 (55). – С. 24–35.
2. Герасименко И. А. Особенности структуры текстов в жанре стендап-комедии / И. А. Герасименко, А. М. Решетарова // Восточнославянская филология. Языкознание. – 2019. – № 9 (35). – С. 22–26.
3. Дубровская П. Д. Лингвокультурологический анализ механизмов создания юмора в жанре «стендап» (на материале русского и немецкого языков) / П. Д. Дубровская, К. В. Манёрова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2019. – Т. 5, № 4. – С. 62–74.
4. Иванова С. А. Особенности формирования прагматического потенциала выступлений в жанре «стендап-комедия» (на материале английского языка) / С. А. Иванова, Н. Г. Вельдина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13, № 3. – С. 141–144.
5. Козлова Е. А. Стендап-комедия как медийная среда самореализации сильной дискурсивной личности / Е. А. Козлова, О. И. Колесникова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2023. – № 1. – С. 51–61.
6. Лазарев В. А. Медийное пространство американского социума как портретирование национально-культурной информации / В. А. Лазарев. – Ростов-на-Дону, 2021. – 92 с.
7. Мусийчук М. В. Юмор на грани или грани современного юмора в современных социально-коммуникативных процессах / М. В. Мусийчук // Мир науки. Социология. Филология. Культурология. – 2018. – Т. 9, № 3. – С. 3.
8. Фрейд З. Основной инстинкт / З. Фрейд. – Москва, 1997. – 656 с.
9. Kyle Kinane: Loose In Chicago (2016) | Transcript. – URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/kyle-kinane-loose-in-chicago-transcript/> (accessed: 17.05.2023).
10. Levy S. In on the joke: the original queens of standup comedy / S. Levy. – New York, 2022. – 371 p.
11. Tom Papa: What a day! (2022) | Transcript. – URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/tom-papa-what-a-day-transcript/> (accessed: 17.05.2023).

References

1. Bochkarev A. I. Emotional reaction of the audience as a way to assess the comic and value status of various phenomena. *Voprosy psikholingvistiki = Questions of psycholinguistics*. 2023;1(55):24–35.
2. Gerasimenko I. A., Reshetarova A. M. Features of the structure of texts in the genre of stand-up comedy. *Vostochnoslavjanskaya filologiya. Yazykoznanie = East Slavic Philology. Linguistics*. 2019;9(35):22–26.
3. Dubrovskaya P. D., Manyorova K. V. Linguistic and cultural analysis of the mechanisms of creating humor in the stand-up genre (based on the Russian and German languages). *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika = Theoretical and Applied Linguistics*. 2019;5(4):62–74.
4. Ivanova S. A., Veldina N. G. Features of the formation of the pragmatic potential of performances in the genre of “stand-up comedy” (based on the material of the English

language). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2020;13(3):141–144.

5. Kozlova E. A., Kolesnikova O. I. Stand-up comedy as a media environment for the self-realization of a strong discursive personality. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki = Questions of cognitive linguistics*. 2023;1:51–61.

6. Lazarev V. A. *Mediynoe prostranstvo amerikanskogo sotsiuma kak portretirovanie natsionalno-kulturnoy informatsii = The media space of American society as a portrait of national and cultural information*. Rostov-on-Don. 2021:92.

7. Musiychuk M. V. Humor on the verge or verge of modern humor in modern social and communicative processes. *Mir nauki. Sotsiologiya. Filologiya. Kulturologiya = World of Science. Sociology. Philology. Culturology*. 2018;9(3):3.

8. Freyd Z. *Osnovnoy instinct = Basic instinct*. Moscow; 1997:656.

9. Kyle Kinane: *Loose In Chicago (2016) | Transcript*. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/kyle-kinane-loose-in-chicago-transcript/> (accessed: 17.05.2023).

10. Levy S. *In on the joke: the original queens of standup comedy*. New York; 2022:371.

11. *Tom Papa: What a day! (2022) | Transcript*. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/tom-papa-what-a-day-transcript/> (accessed: 17.05.2023).

Информация об авторе

Ю. В. Вербоватая – аспирант.

Information about the author

Yu. V. Verbovataya – postgraduate student.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.08.2023; одобрена после рецензирования 04.09.2023; принята к публикации 06.09.2023.

The article was submitted 02.08.2023; approved after reviewing 04.09.2023; accepted for publication 06.09.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 37–41.
Humanitarian Researches. 2023;3(87):37–41.

Научная статья
УДК 81

ТЕКСТОБРАЗУЮЩИЕ ФУНКЦИИ СУБСТАНТИВОВ В ЯЗЫКЕ
РАННЕЙ ПРОЗЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Галина Николаевна Горлова

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева,
Астрахань, Россия, alexgalin@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена изучению субстантивации – активного процесса в русском литературном языке начала XIX в. и функционирования узуальных и окказиональных субстантивов в текстах ранней прозы Михаила Юрьевича Лермонтова. Проанализировав историю изучения данного вопроса в трудах А. А. Потебни, В. В. Виноградова и в работах современных исследователей, таких как О. С. Иссерс, И. А. Стернин, А. Х. Барашев, автор предпринял попытку рассмотреть грамматическую природу субстантивов, а также специфику их функционирования в текстах художественного дискурса. Кроме того, статья ориентирована, исходя из идей Л. А. Булаховского, на описание роли и значения данных языковых единиц в становлении и формировании литературного русского языка первой трети XIX в., в частности, на то, как происходило формирование языка художественной прозы того времени. Как нельзя актуально для художественного дискурса того времени явление смешения литературно-книжного и устно-бытового языка, поэтому попытка определить значение использования и описать некоторые текстообразующие функции субстантивов, как книжных, так и разговорных, как узуальных, так и окказиональных, в художественных текстах на примере ранней прозы М. Ю. Лермонтова определяет научную новизну данного исследования. Анализ специфики функций субстантивов в незавершённых романах М. Ю. Лермонтова «Княгиня Лиговская» и «Вадим» даёт возможность подойти к рассмотрению многоаспектного вопроса способах языковой организации смыслового пространства художественного текста, что предполагает возможность дальнейшего исследования как идиостиля М. Ю. Лермонтова, так и принципов формирования языка и стиля отечественной художественной прозы.

Ключевые слова: субстантивация, узуальные и окказиональные субстантивы, номинативная, компрессивная, стилистическая функции

Для цитирования: Горлова Г. Н. Текстообразующие функции субстантивов в языке ранней прозы М. Ю. Лермонтова // Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 37–41.

Research article

TEXT-FORMING FUNCTIONS OF SUBSTANTIVES IN THE LANGUAGE
OF EARLY M. YU. LERMONTOV'S PROSE

Galina N. Gorlova

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia, alexgalin@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the study of substantivation – an active process in the Russian literary language of the beginning of the XIX century and the functioning of usual and occasional substantives in the texts of the early prose of Mikhail Yuryevich Lermontov. After analyzing the history of the study of this issue in the works of A. A. Potebnya, V. V. Vinogradov and in the works of modern researchers such as O. S. Issers, I. A. Sternin, A. Kh. Barashev, the author made an attempt to consider the grammatical nature of substantives, as well as the specifics of their functioning in the texts of artistic discourse. In addition, the article is oriented, based on the ideas of

L. A. Bulakhovsky, to describe the role and significance of these language units in the formation and formation of the literary Russian language of the first third of the XIX century, in particular, to how the formation of the language of artistic prose of that time took place. The phenomenon of confusion could not be more relevant for the artistic discourse of that time. Therefore, an attempt to determine the meaning of the use and describe some text-forming functions of substantives, both book and colloquial, both usual and occasional, in literary texts on the example of the early prose of M. Yu. Lermontov determines the scientific novelty of this study. The analysis of the specifics of the functions of substantives in the unfinished novels of M. Yu. Lermontov "Princess Ligovskaya" and "Vadim" makes it possible to approach the consideration of the multifaceted issue of the ways of linguistic organization of the semantic space of a literary text, which suggests the possibility of further study of both the idiostyle of M. Yu. Lermontov and the principles of the formation of the language and style of Russian artistic prose.

Keywords: substantiation, usual and occasional substantives, nominative, compressive, stylistic functions

For citation: Gorlova G. N. Text-forming functions of substantives in the language of early M. Yu. Lermontov's prose. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;3(87):37–41 (In Russ.).

Вопрос о субстантивации как продуктивном способе словообразования рассматривался в отечественной лингвистике на протяжении не одного столетия. В трудах А. А. Потебни раскрывается синтаксическая природа субстантивов, поскольку, как отмечал учёный, грамматическое значение слова в полном объёме проявляется только в тексте. Также учёный первым описал причины субстантивации, он полагал, что функции обозначения предмета переходят к прилагательным, которые определяли признак существительного до его утраты при постоянном употреблении в сочетании с прилагательным-определением.

В. В. Виноградов в своём фундаментальном труде «Русский язык. Грамматическое учение о слове» указал на степень вовлечения прилагательных в круг имён, обозначающих предметы за счёт выполнения ими синтаксических функций «заместителей» существительных, чаще всего субъектов и объектов. Это, в свою очередь, влечёт изменение морфологической природы имён – их словоизменительная парадигма соответствует парадигматике имён существительных, заместителями которых они стали. Так, субстантив *горничная* относится к женскому роду, как и существительное *девушка*, которое оно ранее определяло, а субстантив *лесничий* – мужского рода, поскольку этот вид деятельности относился исключительно к сильному полу, следовательно, исходное прилагательное могло заместить такие существительные, как *слуга*, *работник*. Особенный интерес вызывает тот факт, что субстантивы могут относиться как к существительным *singularia tantum* (*жаркое*, *заливное*), так и к *pluralia tantum* (*родные* и *близкие* в значении родственники).

Современные исследователи вопрос о субстантивации рассматривают в различных аспектах: степень субстантивации прилагательных стала предметом изучения С. Г. Ильенко, о прозрачности границ между частями речи писал П. А. Лекант: «Между частями речи нет и не может быть границ: у них есть не только различные, противоположные, но и общие признаки», поэтому наличие «гибридных» и «блуждающих» слов, не нашедших ещё своей части речи или покинувших её под влиянием различных языковых и речевых факторов, неизбежно» [4, с. 19]. Е. А. Курилович определяет субстантивацию как результат морфологической и синтаксической деривации, такие известные учёные, как О. С. Иссерс и И. А. Стернин в своих работах рассматривают проблемы субстантивов как текстообразующих ресурсов языка.

1830-е гг. определяются как время активного развития языка художественной прозы. Формирование грамматического и лексического строя языка и его стилей непосредственно связано с творчеством таких писателей этого времени, как А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов.

В данной статье мы сделаем попытку проанализировать текстообразующие функции субстантивов в художественном тексте на примере ранней прозы М. Ю. Лермонтова, а именно в неоконченных романах «Княгиня Лиговская» и «Вадим». Среди этих функций в текстах ранней прозы Лермонтова можно выделить номинативную, конструктивную, компрессивную, экспрессивную и стилистическую.

Традиционно компрессивную функцию выполняют субстантивы, появление которых связано с утратой существительных в словосочетаниях, где эти имена подразумеваются при прилагательных для обозначения родовидовых отношений: столовая, гостиная (комнаты), гончая, борзая (собаки), ловчий, стремянный (слуги), шампанское, бургундское (вина). Впоследствии существительные утрачиваются, поскольку основной смысл уже полностью выражается именами прилагательными. Этот процесс в современных исследованиях принято называть переходностью (омонимизацией) или узуальной субстантивацией. Проиллюстрируем это примерами из лермонтовских текстов: «Дети ложились спать в 10 часов, их сменяли на паркете *большие*», «...славный *малый!* поёт, как бочка» (Вадим). Однако в прозе М. Ю. Лермонтова встречаются как субстантивированные прилагательные, полностью заменившие мотивирующие их имена существительные, так и те, которые употребляются в функции определения при именах (узуальные субстантивы): «...в это время на стенных часах в *приемной* пробило одиннадцать» (Вадим); «Вскоре встали из-за стола и пошли в *приёмные комнаты*» (Княгиня Лиговская); «Хор затянул *плясовую*», «...то были отрывистые звуки *плясовой песни*», «...уж не наши ли это из *села Красного?*», «одним *старым*, седым *наездником*» – «Я отгадал, *старый*, что ты, верно, в *Красном* пировал...» Это подтверждает наблюдения Л. А. Булаховского, что окказиональная субстантивация была в начале XIX в. активным словообразовательным процессом, характеризующим грамматический и лексический строй языка того времени [1].

Рассмотрим субстантивы как единицы номинации. Для характеристики номинативной функции субстантивов в ранней художественной прозе М. Ю. Лермонтова распределим наиболее интересные и частотные из них по лексико-семантическим группам:

- 1) наименования лиц по их характерному признаку (слепой, горбатый, больной, увечные, погорелые, рыжий, безумный);
- 2) наименования лиц по профессии, должности (военный, штатский, квартальный, десяцкий, стряпчий, стремянный, ловчий, певчие, горничная, ученый, доезжачий);
- 3) наименования лиц по социальному статусу, религиозной принадлежности (нищий, вольный, неверный, погорелые);
- 4) наименования лиц по како-либо отличительной черте характера, чаще в восприятии других лиц (неблагодарная, жестокий, любопытный, несчастный, новобрачные);
- 5) названия помещений по их предназначению (столовая, гостиная, проходная, кондитерская, приёмная, парадная, уборная, детская);
- 6) названия вин (шампанское, бургундское, кахетинское, египетское);
- 7) названия музыкальных терминов (колыбельная, плясовая, польский);
- 8) названия отвлечённых понятий (странное, оригинальное, неизвестный, противное, земное и небесное, провидение, неизбежное);
- 9) названия временных промежутков (прошедшее, минувшее, будущее, настоящее).

Субстантивированные прилагательные, изменяя грамматические признаки, как правило, сохраняют лексические значения в полном объёме, следовательно, выполняют ту же номинативную функцию, что и производящее сочетание прилагательного с существительным. По основному мотивировочному

признаку можно выделить такие типы номинации, как локативный (приёмная, кахетинское, Петровский, Морская), possessивный (девичья, детская), квалитативный (всенощная, несчастный) и некоторые другие. Таким образом, полагаем, что уже ранняя проза М. Ю. Лермонтова, которая вполне соответствует западноевропейской романтической традиции (в большей степени это относится конечно же к роману «Вадим»), всё же «определяется широким и не вполне организованным использованием русской языковой стихии, как книжной, так и устной народной [3, с. 540].

Представляют также интерес и стилистические функции субстантивов, как узуальных, так и окказиональных.

Памятуя, что писал В. В. Виноградов о стиле Лермонтова: «Сближение повествования с живой речью предоставляет автору широкие возможности стилистического смешения литературно-книжного и устно-бытового языка» [3, с. 545], покажем на примерах из текстов неоконченных романов «Княгиня Лиговская» и «Вадим» то, как субстантивы литературно-книжные употреблялись наряду с разговорными в авторской речи: «...но в моих понятиях женщина на бале составляет с своим нарядом нечто *целое, нераздельное, особенное*; женщина на бале совсем не то, что женщина в своём кабинете...»; «...несметное число *несчастных*, которые хотят вам понравиться...»; «*минувшее* как сон проскользнуло в его воображении» – «... не нуждалась в *приданом* и могла занять высокую степень в обществе», «...к великому соблазну *квартильных*», «...ко *всенощной* молиться, слушать *певичих*». И наиболее показателен пример многократного (5 раз) использования общеязыкового слова горничная (как вариант там же горничная) в одном небольшом отрывке шуточного рассуждения, который начинается словами: «погодите!.. теперь она взшла в свою спальню и кликнула *горничную* Марфушу – толстую, рябую девицу!..» Столь же иронично рассуждает автор и по поводу светских дам Петербурга, спользуя субстантивные прилагательные: «Дамы высокого тона составляли особую группу на нижних ступенях парадной лестницы, смеялись, говорили громко и наводили золотые лорнетки на дам без тона, обыкновенных русских дворянок, — и одни другим тайно завидовали: *необыкновенные* красоте обыкновенных, *обыкновенные* увы! гордости и блеску *необыкновенных*». В. В. Виноградов отмечает, что это субстантивация неполная, контекстуально мотивированная.

Поскольку стилистически субстантивы связаны со стихией живой разговорной речи, их использование в художественном тексте определяется как приём создания речевой характеристики персонажей. М. Ю. Лермонтов нечасто, но пользуется этим приёмом для создания речевого портрета литературных персонажей. Прежде всего обращают на себя внимание субстантивы с ярко выраженной эмоционально-экспрессивной коннотацией. Покажем это на нескольких самых ярких примерах: «Да пусть, пусть меня, *окаянный!*», «*Жестокий!*», «Матушки, батюшки! помилуй!.. *золотая, серебряная...* не буду!», «*Неблагодарная*, змея! – воскликнул Юрий», «...а вы там, чай, *родимые...*»

По мнению В. В. Виноградова, который внёс неоценимый вклад в изучение языка и идиостиля М. Ю. Лермонтова, «в романтической культуре художественного слова Лермонтов нашёл новые средства психологического изображения личности» [3, с. 624]. В романе «Вадим» для описания ярких, контрастных образов романтических персонажей Юрия и Вадима автор использует такие субстантивы: «...*притеснённый* делается *притеснителем* и платит сторицею – и тогда горе *побеждённым!*..» Так Лермонтов характеризует жизненное кредо Вадима, который «из *вольного* согласился стать рабом», мечтал «повелевать себе *подобными*», мог не обращать внимание «ни на сестру, ни на *мёртвого*», им «*убитого*». И такой психологический портрет главного персонажа дополняет авторская ремарка «в его глазах было столько огня и ума, столько *неземного...*» Образ Юрия представляет типичный

образец героев романтической поэмы. Вот как, используя субстантивы, Лермонтов описывает чувства героя: он не мог «оторвать свою мысль от грозных картин *будущего*... обратил её на *прошедшее*..., не удостоив *будущего* ни единым вопросом», «*настоящее* отравило прелесть *минувшего*». А подчас автор наделяет персонажа и чертами героев так называемого «неистового романтизма»: «*Неблагодарная*, змея! – воскликнул Юрий»; а также использует «романтический трафарет» (В. В. Виноградов): «... о как он упитает кровью *неверных* свою острую шпагу».

Стилистика текста предполагает анализ функционирования в тексте языковых единиц и стилистических приёмов их использования зависимости от авторского замысла. В данной работе мы сделали попытку описать основные функции субстантивов в ранних прозаических текстах М. Ю. Лермонтова и проанализировали их использование как приёмы психологических описаний и средств речевой характеристики персонажей, т. е. способах организации смыслового пространства художественного текста.

Список источников

1. Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX в.: Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис / Л. А. Булаховский. – Москва : Учпедгиз, 1954. – 492 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов; под. ред. Г. А. Золотовой. – 4-е изд. – Москва : Русский язык, 2001. – 720 с.
3. Виноградов В. В. Стиль прозы Лермонтова / В. В. Виноградов // М. Ю. Лермонтов / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – Москва : АН СССР, 1941. – Кн. 1. – С. 517–628.
4. Лекант П. А. Грамматические категории слова и предложения / П. А. Лекант. – Москва, 2007. – С. 19.
5. Курилович Е. Очерки по лингвистике / Е. Курилович. – Москва : Иностранная литература, 1962. – 456 с.

References

1. Bulakhovskiy L. A. *Russkiy literaturnyy yazyk pervoy poloviny XIX v.: Fonetika. Morfologiya. Udarenie. Sintaksis = Russian literary language of the first half of the 19th century: Phonetics. Morphology. Emphasis. Syntax.* Moscow: Uchpedgiz; 1954:492.
2. Vinogradov V. V. *Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) = Russian language (Grammatical doctrine of the word).* Ed. by G. A. Zolotova. 4th ed. Moscow: Russkiy yazyk; 2001:720.
3. Vinogradov V. V. Lermontov's prose style. *M. Yu. Lermontov.* Moscow: AS URSS; 1941;1:517–628.
4. Lekant P. A. *Grammaticheskie kategorii slova i predlozheniya = Grammatical categories of words and sentences.* Moscow; 2007:19.
5. Kurilovich Ye. *Ocherki po lingvistike = Essays on linguistics.* Moscow: Inostrannaya literature; 1962:456.

Информация об авторе

Г. Н. Горлова – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

G. N. Gorlova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.07.2023; одобрена после рецензирования 20.08.2023; принята к публикации 25.08.2023.

The article was submitted 23.07.2023; approved after reviewing 20.08.2023; accepted for publication 25.08.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 42–47.
Humanitarian Researches. 2023;3(87):42–47.

Научная статья
УДК 821.112.2
doi: 10.54398/18184936_2023_2_42

**КОММУНИКАТИВНАЯ ДИНАМИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИАЛОГА
В РОМАНЕ Б. КЕЛЛЕРМАНА «ГОЛУБАЯ ЛЕНТА»**

Тамара Михайловна Денисова

Костромской государственной университет, Кострома, Россия,
tamaradenisova@yandex.ru

Аннотация. С целью выявления коммуникативной динамики художественного диалога был проанализирован роман известного немецкого писателя Б. Келлермана «Голубая лента». Диалог персонажей в художественном тексте представляет собой акт естественного речевого взаимодействия, он помогает выявить эмоциональный фон текста, а также определить статусные роли участников общения. Исследование диалогов в романе Б. Келлермана «Голубая лента» позволило раскрыть своеобразие речевой характеристики каждого из персонажей, а также выявить динамику диалогов, с помощью которых автор создает напряжённую атмосферу повествования. Проведённый анализ позволяет утверждать, что распределение коммуникативных ролей в процессе речевого акта не зависит от отношений коммуникантов. Более важную роль при этом играет тема беседы, а также тот факт, имеют ли собеседники своей целью сообщить что-то, побудить к какому-либо действию, обменяться сведениями или вступить в спор. Во время спонтанного разговора собеседники легко переходят от одного объекта обсуждения к другому, что способствует смене коммуникативных ролей, а также оказывает влияние на развитие и динамику диалога.

Ключевые слова: коммуникативная динамика, художественный диалог, Б. Келлерман, коммуниканты

Для цитирования: Денисова Т. М. Коммуникативная динамика художественного диалога в романе Б. Келлермана «Голубая лента» // Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 39–47. http://doi.org/10.54398/18184936_2023_2_42.

Research article

**COMMUNICATIVE DYNAMICS OF ARTISTIC DIALOGUE
IN B. KELLERMAN'S NOVEL "THE BLUE RIBBON"**

Tamara M. Denisova

Kostroma State University, Kostroma, Russia, tamaradenisova@yandex.ru

Abstract. The novel "The Blue Ribbon" by the famous German writer B. Kellermann was analyzed in order to reveal the communicative dynamics of the artistic dialogue. The dialogue of characters in a literary text is an act of natural speech interaction, it helps to reveal the emotional background of the text and also to determine the status roles of the participants in communication. The study of the dialogues in B. Kellerman's novel "The Blue Ribbon" made it possible to reveal the originality of the speech characteristics of each characters, as well as to reveal the dynamics of the dialogues, with the help of which the author creates a tense atmosphere of the narrative. The analysis carried out allows us to assert that the distribution of communicative roles in the process of a speech act does not depend on the relations of communicants. An important role is played by the topic of the conversation and also the fact whether the interlocutors aim to communicate something, encourage action, exchange information or enter into an argument. During a spontaneous conversation, the interlocutors easily move from one object of discussion to another, which

contributes to the change of communicative roles, and also influences the development and dynamics of the dialogue.

Keywords: communicative dynamics, artistic dialogue, B. Kellerman, communicants

For citation: Denisova T. M. Communicative Dynamics of artistic Dialogue in B. Kellerman's novel "The Blue Ribbon". *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;3(87):42–47 (In Russ.). http://doi.org/10.54398/18184936_2023_2_42.

Диалогическая речь как широко распространённая форма речевой деятельности затрагивает все сферы жизни. Исследовательский материал, посвящённый диалогу, свидетельствует о сложной природе этого явления, так как диалог является одной из форм проявления языка. Диалог является неотъемлемой частью текста художественных произведений, как прозаических, так и драматических. В художественном произведении он сохраняет особенности бытового языка, характеризующегося большим количеством разговорных выражений, просторечий, а также использованием эмоционально-экспрессивной лексики.

Диалог персонажей в художественном тексте помогает выявить эмоциональный фон текста, динамику развития событий, а также определить статусные роли участников общения. В данной статье рассматривается коммуникативная динамика художественного диалога на материале романа Б. Келлермана «Голубая лента».

Творчество Бернхарда Келлермана принадлежит к значительным явлениям немецкой литературы XX в. В ранних романах писателя сказалось влияние на него модного в то время неоромантизма и других модернистских течений. Однако от неоромантиков Келлермана отличал повышенный интерес к современной социальной тематике. Мировую славу писателю принёс роман «Туннель», в котором автор раскрывает противоречия технического прогресса. Необычность сюжета, острота социальной проблематики, динамическое развитие действия – всё это способствовало огромному успеху романа.

Реальной основой для романа «Голубая лента», изданного в 1938 г., послужили факты трагической гибели английского лайнера «Титаник» в апреле 1912 г. при столкновении в Атлантике с айсбергом. Действие романа происходит в другое время, события и люди, изображённые в нём, являются результатом творческой фантазии автора. В романе несколько сюжетных линий, все они объединены одной общей темой – крушение лайнера «Космос».

«Космос» – восьмизатяжное океанское судно, оборудованное по последнему слову техники и провозглашённое непотопляемым. Но чем ярче описывает Келлерман творение талантливых кораблестроителей, тем страшнее становится гибель «Космоса» в водах океана. Одной из причин становится тот факт, что владельцы паровой компании гонятся за так называемой «голубой лентой океана» – международной эмблемой быстроходности.

Повествование начинается с прославления достижений технического прогресса, но постепенно становится прозаичным. Друзья и родственники пассажиров, журналисты, фотографы и прочие посетители спешно прощаются, обмениваются пожеланиями и устремляются на берег. Большинство пассажиров отправляется в Америку по делам. Пассажиры корабля представляют все слои современного общества. Его совладельцы, создатели, газетчики в состоянии оплатить самые комфортабельные каюты, они ожидают сенсации и победы корабля в соревновании за звание самого быстроходного судна. Пассажиры нижних палуб отправляются в путешествие в поисках счастья и лучшей доли на другом конце света. Но все они становятся единым целым в условиях замкнутого пространства, вынуждены общаться и выстраивать определённые отношения.

Роскошный трансатлантический корабль так и не завершил свой первый и единственный переход через Атлантику. Во время рейса корабль столкнулся с айсбергом и через несколько часов затонул. Свою лепту в цепь трагических

ошибок внёс и директор судовладельческой компании, который, грубо нарушая правила безопасности, заставил капитана мчаться на высокой скорости, а после столкновения с айсбергом он одним из первых бросился к лодке прибывшего на помощь судна. Капитан также виноват в гибели судна. Получив несколько радиogramм об опасности, он тем не менее не снизил скорость. Матрос, дежуривший на наблюдательном посту также не смог вовремя заметить роковой айсберг, несмотря на то, что это был человек со стажем, опытный моряк. Предотвратить столкновение было невозможно, так как не оставалось времени для маневра. Это роковое стечение обстоятельств привело в дальнейшем к гибели лайнера.

Чаще всего участниками диалогического общения в романе становятся персонажи, которые плохо понимают друг друга, так как относятся к разным слоям общества, иногда из-за странного поведения некоторых персонажей, которые находятся в состоянии вражды, что также влияет на структуру диалога и на его принадлежность к определённому функционально-содержательному типу. Это позволяет писателю создавать яркие, контрастные диалоги, что связано с замыслом произведения: представить широкую палитру взглядов литературных героев на жизнь, создать их языковой портрет и, таким образом, соответствующую стилистическую тональность произведения.

Исследование диалогов в романе Б. Келлермана «Голубая лента» позволяет раскрыть своеобразие речевой характеристики каждого из персонажей, а также выявить динамику диалогов, с помощью которых автор создаёт напряжённую атмосферу повествования. Все сюжетные линии эмоционально окрашены, так как в этом романе показана экстремальная ситуация крушения огромного лайнера.

В соответствии с классификацией А. К. Соловьёвой [2], в ходе исследования среди проанализированных 375 диалогов были выявлены четыре вида диалога: диалог-спор, диалог – конфиденциальное объяснение, диалог – эмоциональный конфликт (ссора), диалог-унисон.

Структура каждого из них определяется функционально-содержательным типом диалога. Например, если один из участников речевого взаимодействия испытывает недостаток сведений по какому-либо вопросу, то, как правило, между персонажами возникает диалог-объяснение.

Диалог – конфиденциальное объяснение является самым распространённым видом диалога в романе «Голубая лента» и, по нашим данным, составляет наибольшее количество – 150 диалогов.

Пример:

Prince: „Sie reisen nach New York?“ – fragte Prince neugierig und sachlich, als wolle er Kinsky interviewen.

Kinsky: „Ja, nach New York.“

Prince: „In Geschäften, wenn ich fragen darf?“

Kinsky: „Nein, nicht in Geschäften.“

Prince: „Also wohl zu Studien?“

Kinsky: „Nein, auch nicht zu Studien,“ – sagte Kinsky ausweichend.

Prince: „Sie reisen also als Tourist?“

Kinsky: „Nein. Auch nicht als Tourist eigentlich. Aber vielleicht könnte man sagen als Tourist“ [3, с. 27].

Принс: «Вы едете в Нью-Йорк», спросил Принс деловито, словно намереваясь взять интервью.

Кинский: «Да, в Нью-Йорк».

Принс: «Позвольте спросить, по делам?»

Кинский: «Нет, не по делам».

Принс: «С научной целью?»

Кинский: «Нет, и не с научной», – уклончиво ответил Кинский.

Принс: «Стало быть, вы просто путешественник?»

Кинский: «Нет, не совсем. Хотя, пожалуй, можно сказать и так» [4, с. 42].

Диалог-объяснение представляет собой попытку узнать мнение собеседника или получить какую-либо информацию. Партнёры выражают готовность вести диалог, поэтому эмоциональная обстановка довольно спокойная. Этот диалог напоминает мирную беседу симпатизирующих друг другу людей. Спрашивающий не комментирует ответы, он спокойно и объективно воспринимает их. Ответ на вопрос рождает последующий вопрос. На этом этапе может возникать напряжение, если собеседник не расположен продолжать беседу. Большую роль играют реплики-повторы, когда в ответе повторяется часть вопроса или часть предыдущего ответа.

Диалог-унисон предполагает полное взаимопонимание участников диалога, согласованность коммуникативных стратегий собеседников – в тексте выявлено 129 диалогов.

Пример:

Im gleichen Augenblick klopfte es an die Tür.

Marta sagte: „Es ist Zeit, Eva!“

Eva war glücklich! Diese eine Nacht mit ihren heiteren Träumen schien sie wundervoll verjüngt und erneut zu haben.

Eva: „Wie ist das Wetter heute?“ – fragte sie Marta, die etwas griesgrämig aussah und sie mit ihrem Spionensblick belauerte.

Marta: „Es ist heute weniger stürmisch. Die Sonne scheint“ [3, с. 186].

В это же мгновение постучались в дверь.

Марта сказала: «Время пришло, Ева!»

Ева была счастлива! В эту ночь она с её буйными мечтами казалась удивительно спокойной и помолодевшей.

Ева: «Какая сегодня погода?» – спросила она Марту, которая выглядела несколько угрюмой и смотрела на неё шпионским взглядом.

Марта: «Сегодня немного штормит. Но светит солнце» [4, с. 194].

В диалог-унисоне коммуникативная динамика осуществляется путём спокойного обмена репликами, причинно-следственные связи выражены слабо или вовсе отсутствуют. Это своего рода обмен информацией без конкретной цели. Диалог развивается в режиме нормативного общения, эмоционально окрашенные конструкции практически отсутствуют.

Если речь идёт о персонажах, которые испытывают взаимную неприязнь друг к другу, то, скорее всего, она будет реализовываться в эмоциональном диалог-споре. Диалог-спор нечасто встречается в произведении «Голубая лента», так как этот тип диалога более свойственен бытовым ситуациям, которым отводится весьма значительное внимание в художественных произведениях – 66 примеров.

Пример:

Warren: „Alles in allem – Sie schätzen die Presse offenbar nicht? Das kann ich wohl sehen.“

Kinsky: „Nein, nein, ich schätze sie keineswegs in dem Maße wie Sie es wohl erwarten, Herrn Prince. Im Übrigen gestehe ich Ihnen, dass ich nur selten Zeitungen lese.“

Warren: „Nehmen Sie an, mein Herr. Messina wird von einem Erdbeben zerstört, ein Dampfer zerschellt, der Krebsbazillus wird entdeckt. Das alles interessiert Sie nicht?“

Kinsky: „Der Krebsbazillus wird nur selten entdeckt“ [3, с. 24].

Уорен: «Итак, о прессе вы не весьма высокого мнения? Это весьма не трудно заметить».

Кинский: «Во всяком случае, я её не ценю так, как вы это от меня ожидали господин Принс. А впрочем, признаюсь вам, я вообще очень редко читаю газеты».

Уорен: «Как же сударь, как же. Вот, например, разрушена землетрясением Мессина, разбился о скалы пароход, открыта бацилла рака. И вас все это не интересует?»

Кинский: «Да, но бациллу рака открывают не каждый день» [4, с. 39].

Диалог-спор отличается определённым эмоциональным накалом, убеждённой уверенностью собеседников в правоте своей позиции. Собеседники имеют целью доказать свою компетентность или выслушать противоположную точку зрения и затем оспорить её. Коммуникативная обстановка при этом достаточно спокойна и не требует подробных авторских пояснений.

Самым близким к бытовому диалогу считается диалог – эмоциональный конфликт (ссора). Этот тип диалога является одним из самых редких в произведении Б. Келлермана «Голубая лента» – 30 примеров.

Пример:

Eva: „Du bist doch schließlich nicht der liebe Gott!“

Reifenberg: „Nein, das nicht, aber sein Stellvertreter dir gegenüber. Verlüdere! Wie ein Schwein wirst du in einem Monat singen. Weißt du denn überhaupt, was Kunst ist?“ [3, с. 98].

Eva: «Ты ведь, в конце концов, не господь Бог!»

Райфенберг: «Нет, конечно, но для тебя я его наместник на земле. Ну и пропади ты пропадом! Через месяц ты будешь не петь, а хрюкать. Знаешь ли ты вообще, что такое искусство?» [4, с. 115].

По своему содержанию этот диалог является достаточно динамичным. В нём можно отметить наличие большого количества эмоционально окрашенной лексики. Эмоциональный фон диалога автор выражает через обилие восклицательных и вопросительных предложений.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что распределение коммуникативных ролей в процессе речевого акта не зависит от отношений коммуникантов. Более важную роль при этом играет тема беседы, а также тот факт, имеют ли собеседники своей целью сообщить что-то, побудить к какому-либо действию, обменяться сведениями или вступить в спор. Во время спонтанного разговора собеседники легко переходят от одного объекта обсуждения к другому, что способствует смене коммуникативных ролей, а также оказывает влияние на развитие и динамику диалога.

Было также установлено, что среди языковых средств, которые оформляют диалог в динамичный и быстро развивающийся речевой акт, наиболее часто встречающимися являются эллиптические структуры предложения, фонетическая редукция, замена слов, словосочетаний или целых реплик на местоимения, наречия или местоименные наречия.

Условия развёртывания диалога, причины и цели его порождения, а также личные качества и положение в обществе его участников влияют на выбор автором определённого типа диалога. Обстоятельства, при которых протекает диалог, оказывают на него менее существенное воздействие. Развёртывание ситуации может быть настолько существенным, что сообщение становится понятным только с опорой на реальное окружение говорящих. Если время разговора ограничено, то ускоряется темп, отбирается наиболее важное, опускаются детали. Когда речь становится динамичной, исключаются пространственные рассуждения, реплики сокращаются до необходимого минимума, активизируются междометия.

Список источников

1. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И. Н. Борисова. – 2-е изд. – Москва : URSS, 2007. – 317 с.
2. Соловьева А. К. О некоторых общих вопросах диалога / А. К. Соловьева // Вопросы языкознания. – 1965. – № 6. – С. 103–110.
3. Kellermann B. Das blaue Band / B. Kellermann. – Moscow : Tsitadel, 2001. – 350 S.

4. Келлерман Б. Голубая лента / Б. Келлерман. – Калининград : Калининградское книжное издательство, 1989. – 431 с.

References

1. Borisova I. N. *Russkiy razgovornyy dialog: struktura i dinamika = Russian conversational dialogue: structure and dynamics*. 2nd ed. Moscow: URSS; 2007:317.
2. Soloveva A. K. On some general issues of dialogue. *Voprosy yazykoznaniiya = Questions of linguistics*. 1965;6:103–110.
3. Kellermann B. *Das blaue Band = The blue ribbon*. Moscow: Tsitadel; 2001:350.
4. Kellerman B. *Golubaya lentа = Blue Ribbon*. Kaliningrad: Kaliningrad Books Publishing House; 1989:431.

Информация об авторе

Т. М. Денисова – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

T. M. Denisova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.05.2023; одобрена после рецензирования 15.06.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted 09.05.2023; approved after reviewing 15.06.2023; accepted for publication 22.06.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 48–54.
Humanitarian Researches. 2023;3(87):48–54.

Научная статья
УДК 81
doi: 10.54398/18184936_2023_2_48

**КАТЕГОРИЯ ТАКСИСА В СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ
С ОТНОСИТЕЛЬНЫМ ПРИДАТОЧНЫМ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

Елена Валентиновна Донченко

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева,
Астрахань, Россия, edontchenko@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена теме дальнейшего изучения функционирования сложных предложений с относительным придаточным с целью определения их основных структурно-семантических характеристик в современном французском языке. Среди множества лингвистических исследований сложного предложения с относительным придаточным во французском языке нет единой точки зрения о семантике, функциональной нагрузке относительного придаточного предложения, его связи с главным предложением, структуре сложного предложения. Является ли наличие антецедента в главном предложении необходимым условием употребления относительного придаточного? Семантика антецедента и относительного местоимения оказывают влияние на особенности выражения таксисных отношений в сложноподчинённом предложении с относительным придаточным. Кроме того, с реализацией таксисной функции связаны вопросы взаимодействия грамматического значения морфологических глагольных форм главного и придаточного предложений, взаимосвязи конструктивных свойств относительных местоимений с лексическим значением глаголов-сказуемых, характера семантических отношений между ними. Выявление закономерностей взаимодействия разнородных средств, выражающих таксисные отношения в сложном предложении, а также установление системной организации этих средств на парадигматическом уровне является целью данного исследования. Достижение этой цели предполагает определение закономерностей взаимодействия относительных местоимений, лексико-грамматической семантики антецедента. Взаимодействие категорий на уровне текста создаёт обязательные отношения временной взаимозависимости. Таксисные отношения в сложном предложении с относительным придаточным также определяются как отношения временной зависимости. Связь между временными формами главного и придаточного предложений подчёркивает единство действий, а согласование времен – не только хронологию событий, но и коммуникативную напряжённость.

Ключевые слова: сложноподчинённое предложение, антецедент, относительное придаточное предложение, относительное местоимение, наклонение, синтаксическая функция

Для цитирования: Донченко Е. В. Категория таксиса в сложноподчинённых предложениях с относительным придаточным во французском языке // Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 48–54. http://doi.org/10.54398/18184936_2023_2_48.

Research article

**THE TAXIS CATEGORY IN COMPOUND SENTENCES
WITH A RELATIVE SUBORDINATE CLAUSE IN FRENCH**

Elena V. Donchenko

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia, edontchenko@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the topic of further study of the functioning of complex sentences with a relative clause in order to determine their main structural and

---

© Донченко Е. В., 2023.

semantic characteristics in modern French. Among the many linguistic studies of a compound sentence with a relative clause in French, there is no single point of view on the semantics, functional load of the relative clause, its connection with the main clause and the structure of the compound sentence. Is the presence of an antecedent in the main clause a necessary condition for the use of a relative clause? The semantics of the antecedent and the relative pronoun influence the features of expressing taxis relations in a complex sentence with a relative clause. In addition, the implementation of the taxis function is related to the interaction of the grammatical meaning of morphological verbal forms of the main and subordinate clauses, the relationship of the constructive properties of relative pronouns with the lexical meaning of verbs-predicates, the nature of the semantic relations between them. The purpose of this study is to reveal the patterns of interaction of heterogeneous means expressing taxis relations in a complex sentence, as well as to establish the systemic organization of these means at the paradigmatic level. Achieving this goal involves determining the patterns of interaction of relative pronouns, the lexical and grammatical semantics of the antecedent. The interaction of categories at the level of the text creates an obligatory relationship of temporal interdependence. Taxical relations in a compound sentence with a relative adjective are also defined as relations of temporal dependence. The connection between the temporal forms of the main and appendage sentences emphasizes the unity of action, and the coordination of tenses emphasizes not only the chronology of events, but also the communicative tension.

Keywords: complex sentence, antecedent, relative clause, relative pronoun, mood, syntactic function

For citation: Donchenko E. V. The taxis category in compound sentences with a relative subordinate clause in French. *Gumanitarnye issledovaniya = Humanitarian Studies*. 2023;3(87):48–54 (In Russ.). http://doi.org/10.54398/18184936_2023_2_48.

Изучение функционирования сложных предложений предполагает использование методов структурно-семантического и синтаксического анализа. Относительное придаточное предложение связано с главным предложением различной степенью смысловой зависимости.

Существует множество различных структур сложноподчинённого предложения с относительным придаточным. В сложном предложении они выполняют различные функции в зависимости от наличия или отсутствия антецедента в главном предложении. Если антецедент отсутствует, то относительное придаточное выполняет функции подлежащего. Оно становится предикативным ядром сложного предложения: *Voilà qui est bien !* Если же относительное придаточное связано с антецедентом в главном предложении, то оно играет роль прилагательного и выполняет все его функции.

По мнению А. Сешэ, функция относительных предложений в рамках сложного предложения легко определяется исследователями как функция определения [6, с. 187]. Используя сравнение синтаксических функций прилагательного и относительного предложения в одном контексте, Э. Бенвенист приходит к аналогичному выводу (*Le premier utilisa un ton plus doux et qui n'a pas ces élans oratoires*) [2, с. 208], что придаточное предложение выполняет функцию определения, как и прилагательное *doux*, что подчеркнуто сочинительной связью между ними.

Сходство относительного предложения с прилагательным отмечается и на семантическом уровне. По мнению А. Сешэ, относительное придаточное дополняет семантику антецедента, что отличает этот вид предложений от других придаточных: *La subordonnée relative est complément de l'antécédent*. При этом оно не обязательно выражает качество антецедента [6, с. 188].

Французские учёные Р. Л. Вагнер и Ж. Пэншон отмечают, что относительное придаточное предложение принадлежит к тому же синтагматическому классу, что и прилагательное-определение, но не является определением [9, с. 569]. Такой же точки зрения придерживается К. Туратье. Учёный утверждает, что сравнивать относительное придаточное и прилагательное можно, если предложение выполняет функцию именной части сказуемого (*attribut*),

поскольку эта функция подобна функции определения. Чаще всего относительное придаточное выполняет функцию именной части сказуемого, которое выражено глаголом восприятия или наблюдения [8, с. 36].

- *Ça me fend le cœur, de voir cette bonne terre qui se gâte* (Zola, Terre, с. 164).

Некоторые исследователи утверждают, что относительное придаточное можно причислить к разряду сложных прилагательных, так как оно выполняет функцию определения [2, с. 210]. Другие же считают, что даже частичное уподобление предложения прилагательному-определению неправомерно, так как прилагательное не имеет монополии на функцию определения [8, с. 52], а эту функцию прекрасно выполняет и существительное (*le style gendarme, des manières peuple, la question argent*) [1, с. 308]. Функция определения, которую выполняет относительное придаточное предложение, не делает из этого предложения прилагательного-определения. К. Туратье утверждает, что семантико-логические связи, которые существуют между относительным придаточным предложением и прилагательным-определением, не становятся от этого менее тесными.

- *Le très gentil petit enfant anglais qui est extrêmement poli, dont on m'avait parlé mais que je voyais pour la première fois, vint m'ouvrir la porte* [8, с. 28–29].

Учёные задаются вопросом, правомерно ли давать синтаксическое объяснение семантико-логическому сходству между относительным придаточным предложением и прилагательным-определением. По мнению К. Туратье, связь между прилагательным-определением и относительным предложением носит семантико-логический характер. Впрочем, подтверждением семантической природы эквивалентности между прилагательным и относительным придаточным предложением является их принадлежность к одному парадигматическому классу, характеризующему имя существительное, так как они выполняют одну и ту же синтаксическую функцию определения [8, с. 62]. Этого достаточно, чтобы объяснить, что после имени существительного прилагательное можно всегда заменить на относительное предложение, и, с другой стороны, говорящий может выразить относительным предложением понятие, которое невозможно передать прилагательным. Если согласиться с утверждением, что семантическая составляющая интерпретирует высказывание на основании семантики входящих в неё морфем, становится понятным, что прилагательное и относительное придаточное предложение имеют одинаковые логико-семантические свойства, так что, выполняя одинаковые функции, они приобретают подобную семантику. Относительное придаточное – это определительное предложение из числа придаточных, и оно принадлежит к одной парадигме с прилагательным.

Возможность установления сочинительной связи между относительным придаточным и прилагательным подтверждается примером Л. Вагнера и Ж. Пеншон: *Il tendit à Frédéric le porte-cigares encore plein et qu'il avait gardé religieusement avec l'espoir de le rendre* (G. Flaubert). Л. Теньер называет эту связь метафорически (« en quelque sorte un ciment qui lie des nucléus de la même nature ») [7, с. 31]. Сходства между относительным предложением и прилагательным позволили Ш. Балли сделать вывод, что относительное местоимение способствует транспозиции придаточного предложения в разряд прилагательных, связанных с существительным через согласование. При этом относительное местоимение сохраняет в предложении своё лексическое значение, модифицируя свою грамматическую семантику, но передаёт лексическую функцию прилагательного всему предложению. Л. Теньер предлагает подобную теорию транспозиции, под которой он понимает изменение синтаксической природы лексических единиц [7, с. 32]. Переход относительного предложения в разряд прилагательных Л. Теньер называет транспозицией второй степени, после транспозиции отдельных частей речи между

собой (явление, которое учёный определяет как транспозицию первой степени). Например: *jeune – un jeune, périodique – un périodique, verticale – la verticale, vrai – le vrai*. По мнению К. Туратье, использование теории транспозиции в отношении придаточных предложений является привлекательной для учёных, так как позволяет соотнести придаточные предложения с различными частями речи, сопоставляя их лексическую и грамматическую семантику и функционирование в дискурсе. Э. Бенвенист утверждает, что синтаксические единицы, такие как предложение, благодаря своей функции могут быть причислены к различным разрядам слов. Однако какой привлекательной не показалась бы эта теория, её использование по отношению к предложениям представляет определённые трудности [2, с. 222].

Однако, по мнению А. Сеше, есть достаточно оснований утверждать, что относительное придаточное предложение не всегда эквивалентно прилагательному [6, с. 187]. Учёный считает, что видеть в относительном придаточном предложении определительное, значит, рассматривать только прилагательные-определения и делать поспешные выводы.

Относительному придаточному, которое является расширением номинальной синтагмы [8, с. 20], предшествует не только имя существительное, но и целая синтагма.

- *Tu oses affirmer cette chose impossible que personne n'a vue jusqu'ici, qu'un même homme peut être en deux endroits à la fois, en même temps* [8, с. 20].

В некоторых случаях относительные придаточные предложения выполняют функцию именной части сказуемого, что позволяет их отнести к именной части сказуемого, употребленного без глагола-связки: *Je voyais dans les rangs les amis du malheureux Modí. Les uns célèbres, les autres qui allaient l'être*. К. Туратье считает, что придаточное относительное выполняет функцию приложения [8, с. 39–40] или обособленного определения.

Французский язык располагает различными формами определённого и неопределённого артиклей, которые позволяют включить относительное придаточное предложение в синтагму имени существительного – антецедента.

Существует ли связь между относительным предложением и прилагательным-определением? В отличие от Э. Бенвениста, который считает, что функции относительного придаточного и прилагательного-определения одинаковы [2, с. 46], К. Туратье утверждает, что предложение не может выполнять все функции прилагательного [8, с. 52]. Существительное может быть определением в следующих случаях: *le style gendarme, des manières peuple, la question argent, Cicéron orateur est supérieur à Cicéron philosophe*. Действительно, в предложении: *Cicéron orateur est supérieur à Cicéron philosophe* – существительное функционирует как определение, что тождественно высказыванию: *Cicéron avec ses qualités d'orateur est supérieur à Cicéron avec ses qualités de philosophe*. Отсутствие паузы и знаков препинания говорит о том, что это не приложение. Можно также согласиться с мнением К. Туратье, который считает, что в предложении: *La fontaine devant la maison*, употреблённом в значении: *La fontaine qui est devant la maison*, предложная конструкция выполняет функцию определения [1, с. 39].

Эквивалентность между относительным придаточным и прилагательным, по мнению Н. Хомского, носит не только синтаксический, но и семантический характер [8, с. 58]. В основе этого сходства лежат глубинные структуры, семантическое тождество которых является базовым в трактовке теории Н. Хомского [3, с. 193]. Каждая составляющая имеет семантико-синтаксическую наполняемость. Таким образом, упрощение структуры предложения с целью его трактовки как прилагательного-определения должно выявить и семантическое сходство между сравниваемыми компонентами.

Относительное придаточное предложение получило своё название благодаря относительному местоимению, которое вводит это предложение и дополняет имя существительное или местоимение, являющееся антецедентом. Ж. Муанье называет относительное местоимение именем, лишённым понятийной основы [5, с. 13].

Функционирование относительных придаточных предложений всё же тесно связано с относительными местоимениями, которые играют двойную роль: роль местоимения, выполняющего свою функцию в придаточном предложении, и роль союза, объединяющего два предложения. В этом состоит его двойная природа. Л. Теньер утверждает, что относительное местоимение в индоевропейских языках – это результат доисторической агглютинации двух элементов, один из которых имеет устойчивую форму и сему подчинения, а другой, изменяемый, передаёт семантику отношения, откуда возникла следующая этимология формы: *lat*. que + is*, где *qui* – это латинское относительное местоимение. В процессе функционального анализа Л. Теньер приходит к выводу, что относительное местоимение – это транслятор, выражающий внутреннее подчинение одного предложения другому, в рамках которого оно находится, передавая, таким образом, иерархию предложений в сложноподчинённом предложении [7, с. 560–561]. Вслед за Л. Теньером К. Туратье подтверждает, что относительные местоимения – это служебные слова, которые наполняются смыслом только становясь частью предложения, функционируя как именная синтагма.

Выражение таксисных отношений в сложноподчинённом предложении с относительным придаточным – это отношения одновременности / разновременности – осуществляется через систему разнородных морфологических, лексических, синтаксических средств, взаимодействие которых образует функционально-семантическое поле таксиса. Ядром этого поля является грамматическая глагольная категория перфектности, представленная сочетанием простых и сложных форм глагола, связанных между собой категориальным значением временной отнесённости. В рамках предложения соотносятся глаголы-сказуемые главного и придаточного предложений. При этом происходит взаимодействие семантики антецедента, относительного местоимения с морфологическими глагольными формами.

Употребление наклонения в придаточном относительном во многом определяется грамматической семантикой антецедента, которая является определяющей в выборе наклонения придаточного предложения. Употребление форм изъявительного наклонения является самым распространённым: *J'entrevois une solution qui pourra vous satisfaire*.

В целом выбор наклонения зависит от намерения говорящего:

- *Il était le premier homme que je rencontrais et pour qui comptait plus que tout la vie de l'esprit* (F. Mauriac).

Употребление сослагательного наклонения в относительном придаточном свидетельствует о наличии семы вероятности, ограничения, исключительности или цели в семантике антецедента:

- *Le seul homme supérieur qu'elle crût connaître, c'était son père* (F. Mauriac).

Соотношение между формой и её значением изменяется в тексте. Этим изменениям подвержена и семантика относительных времён. Несмотря на широкую разветвлённость глагольной системы во французском языке, каждая грамматическая форма несёт свою смысловую нагрузку, и это помогает выразить всё многообразие речевой семантики, формируемой в процессе взаимодействия лексической и грамматической наполняемости временных форм.

В отличие от русского языка, каждое сложное предложение во французском языке характеризуется двойной – внутренней и внешней – корреляцией времён, где внешняя корреляция выражает соотносённость действий главного

и придаточного предложений с моментом речи (настоящим, прошлым или будущим), а внутренняя – линейную последовательность действий. Глагольная форма главного предложения выражает абсолютное согласование времени действия с реальным временем, а придаточного – относительное ко времени действия главного предложения.

Насколько правомерной является та или иная грамматическая форма в языке? Х. Вайнрих утверждает, что в главном предложении употребляется либо *le Présent*, либо *le Passé simple / l'Imparfait*. Грамматическое время придаточного предложения выражает время относительно действия главного предложения: как предшествующее, если это сложное глагольное время, и не предшествующее, если форма простая. Таким образом, в каждом предложении действует принцип матрицы [10, с. 22]. С другой стороны, грамматические времена выражают взаимодействие глагольных категорий времени, вида и наклонения, так как все глагольные морфемы грамматически полисемантны, и каждая категория может быть выражена и на уровне морфологии, и на уровне синтаксиса.

Взаимодействие категорий на уровне текста создаёт обязательные отношения временной взаимозависимости. Таксисные отношения в сложном предложении с относительным придаточным также определяются как отношения временной зависимости. Употребление наклонений и времени в придаточном предложении определяется природой антецедента. Связь между временными формами главного и придаточного предложений подчёркивает единство действий, а согласование времён подчёркивает не только хронологию событий, но и коммуникативную напряжённость. Для выражения таксиса французский язык располагает целым комплексом временных форм, коррелирующих между собой. Сложные формы выражают как абсолютное, так и относительное время, которое передаётся оппозицией форм: *Imparfait / Présent*; *Passé simple / Présent*; *Passé simple / Passé composé*; *Plus-que-parfait / Passé composé*.

Список источников

1. Bally Ch. *Linguistique générale et linguistique française* / Ch. Bally. – Berne, Suisse : A. Franck, 1965. – 416 p.
2. Benveniste E. *La phrase relative, problème de syntaxe générale* / E. Benveniste. – Paris, 1957. – 356 p.
3. Chomsky N. *Aspect de la théorie syntaxique* / N. Chomsky. – Paris : Editions du Seuil, 1966. – 165 p.
4. Martinet A. *Eléments de linguistique générale* / A. Martinet. – A. Colin, 1970. – 336 p.
5. Moignet G. *Le pronom personnel français. Essai de psycho-systématique historique* / G. Moignet. – Paris : Klincksieck, 1965. – 192 p.
6. Sechechaye A. *Essais sur la structure logique de la phrase* / A. Sechechaye. – Paris : Champion, 1950. – 260 p.
7. Tesnière L. *Eléments de syntaxe structurale* / L. Tesnière. – Paris : Klincksieck, 1966. – P. 103–108.
8. Touratier Ch. *La relative. Essai de théorie syntaxique* / Ch. Touratier. – Paris : Librairie C. Klincksieck, 1980. – 516 p.
9. Wagner R. L. *Grammaire du français classique et moderne* / R. L. Wagner, J. Pinchon. – Paris, 1962. – 648 p.
10. Weinrich H. *Le Temps* / H. Weinrich. – Paris : Edition du Seuil, 1989. – 338 p.

References

1. Bally Ch. *Linguistique générale et linguistique française = General linguistics and French linguistics*. Bern: A. Franck; 1965:416.
2. Benveniste E. *La phrase relative, problème de syntaxe générale = The relative sentence, problem of general syntax*. Paris; 1957:356.
3. Chomsky N. *Aspect de la théorie syntaxique = Aspect of syntactic theory*. Paris: Editions du Seuil; 1966:165.

4. Martinet A. *Eléments de linguistique générale = Elements of general linguistics*. A. Colin; 1970:336.
5. Moignet G. *Le pronom personnel français. Essai de psycho-systématique historique = The French personal pronoun. Essay on historical psycho-systematics*. Paris: Klincksieck; 1965:192.
6. Sechechaye A. *Essais sur la structure logique de la phrase = Essays on the logical structure of the sentence*. Paris: Champion; 1950:260.
7. Tesnière L. *Eléments de syntaxe structurale = Elements of structural syntax*. Paris: Klincksieck; 1966:103–108.
8. Touratier Ch. *La relative. Essai de théorie syntaxique = The relative. Test of syntactic theory*. Paris: Librairie C. Klincksieck; 1980:516.
9. Wagner R. L., Pinchon J. *Grammaire du français classique et moderne = Grammar of classical and modern French*. Paris; 1962:648.
10. Weinrich H. *Le Temps = Time*. Paris: Edition du Seuil; 1989:338.

Информация об авторе

Е. В. Донченко – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

E. V. Donchenko – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.06.2023; одобрена после рецензирования 29.07.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted 28.06.2023; approved after reviewing 29.07.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 55–60.
Humanitarian Researches. 2023;3(87):55–60.

Научная статья
УДК 81

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ
ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ НИУ «БЕЛГУ»

Татьяна Сергеевна Жигулина¹, Елена Григорьевна Озерова²

^{1, 2}Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

¹zhigu.tatyana@yandex.ru

²ozerova@bsu.edu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6159-113X/>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению ценностно-смыслового пространства публицистических текстов НИУ «БелГУ». В результате проведенного исследования выявлено, что порождение публицистических текстов обусловлено экстралингвистическими и лингвистическими факторами и аккумулирует, как правило, воспитательные и научно-образовательные ценности. Проведенное исследование позволяет сделать следующий вывод: языковые средства репрезентации воспитательного процесса выполняют эмотивную функцию и способствуют формированию позитивного восприятия в сознании читателя; языковые средства репрезентации научно-образовательного процесса моделируются с помощью многовекторного метафорического осмысления, заключающегося в разнообразии источников когнитивных метафор, благодаря чему вуз осмысливается как активный участник инновационных сфер научной деятельности.

Ключевые слова: ценностно-смысловое пространство, публицистический текст, когнитивная метафора

Для цитирования: Жигулина Т. С., Озерова Е. Г. Ценностно-смысловые универсалии публицистических текстов периодических изданий НИУ «БелГУ» // Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 55–60.

Research article

VALUE AND MEANING UNIVERSALITIES OF PUBLICISTIC TEXTS
OF NRU "BELSU" PERIODICALS

Tatyana S. Zhigylina¹, Elena G. Ozerova²

^{1, 2}Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

¹zhigu.tatyana@yandex.ru

²ozerova@bsu.edu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6159-113X/>

Abstract. The article is devoted to the consideration of the value-semantic space of journalistic texts of the National Research University "BelSU", as a result of the study, it was revealed that the generation of journalistic texts is due to extralinguistic and linguistic factors and accumulates, as a rule, educational and scientific and educational values. The conducted research allows us to draw the following conclusion: the linguistic means of representing the educational process perform an emotive function and contribute to the formation of a positive perception in the mind of the reader; language means of representation of the scientific and educational process are modeled with the help of multi-vector metaphorical comprehension, which consists in a variety of sources of cognitive metaphors, due to which the university is comprehended as an active participant in innovative areas of scientific activity.

Keywords: value-semantic space, journalistic text, cognitive metaphor

For citation: Zhigylina T. S., Ozerova E. G. Value and meaning universalities of publicistic texts of NRU "BelSU" periodicals. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;3(87):55–60 (In Russ.).

© Жигулина Т. С., Озерова Е. Г., 2023.

Введение. Актуальность исследования ценностно-смыслового пространства публицистических текстов НИУ «БелГУ» связана с особой ролью духовного фактора в жизнедеятельности социума. В трудах С. Н. Виноградова ценности понимаются как «идеальное образование, представляющее собой важность (значимость, значительность) предметов и явлений реальной действительности для общества и индивида и выраженное в различных проявлениях деятельности людей» [5, с. 93]. «Ценностно-смысловое пространство как раз и является предметом лингвокультурологии», – отмечает Н. Ф. Алефиренко [1, с. 16]. Солидаризируемся с автором в понимании взаимодействия ценности и оценки: «оценка – форма существования ценностей». По мнению А. Вежбицкой, «человеческая концептуализация эмоций является системой неосознаваемых противопоставлений невероятной чувствительности, тонкости и точности» [4, с. 71]. На наш взгляд, данная мысль отражает специфику выбора языковых средств, с помощью которых репрезентируются ценностные установки. Н. Д. Арутюнова отмечает неуловимость и вездесущность оценки, относит её как к области реакции, так и к области стимулов и считает, что ценности «в одно и то же время зависят от внешнего мира и независимы от него» [3, с. 183].

Таким образом, границы оцениваемой действительности определяются не только индивидуально-авторскими факторами порождения публицистического текста, но и мотивацией фиксации научно-образовательных, воспитательных, культурных и социальных событий. В интерпретации А. И. Пригожина под ценностями понимаются «такие представления о совершенстве чего-то значимого, на которые постоянно ориентируются те, кто к такому совершенствованию стремятся. Иначе говоря, это глубинные векторы жизнедеятельности, направляющие активность людей на всех ее вторичных, третичных и т. д. уровнях» [7, с. 3].

Следует отметить, что для порождения публицистического текста значимыми представляются экстралингвистические аспекты, поскольку ценности обусловлены динамикой идеологических доминант и выявляют статику национально-культурных универсалий.

Рассмотрим функционирование ценностных доминант в публицистических текстах периодических изданий НИУ «БелГУ», своеобразии которых актуализировано научно-образовательной и воспитательной деятельностью вуза.

Специфика функционирования воспитательных ценностей детерминирована трудовым воспитанием. Рассматривая амбивалентное отношение к труду в русской культуре, Н. Н. Зарубина отмечает: «С одной стороны, труд на себя осуществляется с величайшим напряжением сил, а с другой стороны, труд может осуществляться без полной отдачи» [6, с. 441]. Особенности экспликации лексем «труд» позволяют сделать вывод о безусловной значимости труда в жизни студентов и преподавателей БГПИ им. М. С. Ольминского, что находит отражение в публицистических текстах конца XX в.: *Жизнь студента в нашем институте очень напряжённая. Приходится много трудиться и головой, и руками* (1992). Данная мысль подкрепляется наличием инфинитивов в функции повелительного наклонения в клятве студентов-ольминцев: *Всегда быть на уровне требований времени, решительно бороться против отсталости, косности, рутин; Не стоять на месте, идти вперед! Дерзать, искать, познавать новое; отдавать полученные знания, свою энергию, инициативу делу воспитания подрастающего поколения; быть активными борцами за мир на земле, отстаивать его, не щадя своей жизни, чтобы вечно жила наша планета Земля; всю свою жизнь посвятить самому светлому на земле – МИРУ И ДЕТАМ* (1987). Ценностное отношение к труду подтверждается в следующих контекстах: *Наш вклад в продовольственную программу; Это и будет самым важным и реальным вкладом в общую копилку трудовых дел в преддверье 70-летия Октября*

(1987). Специфика труда, обусловленная конкретным временем и заключающаяся в массовом характере деятельности, соответствует стратегическим целям вуза в соответствии с государственной политикой страны: *1 Мая 1991 г. будет днём, когда мир увидит, что трудящиеся массы во всех странах планеты по-прежнему активны, способны действовать по-боевому, остаются приверженными целям и лозунгам, сплотившим их во имя свободы, равенства и братства*. Подтверждением того, что воспитание молодёжи в XX в. было одним из основных направлений деятельности государства, является заголовок «Комсомольский наказ», в тексте статьи говорится, что выпускники (будущие учителя) должны выполнить важную задачу – вырастить достойных ленинцев. Таким образом, цель трудового воспитания осуществлялась при взаимодействии с учениками и формировала преемственность поколений. Публицистические тексты данного периода частотно информируют читателей о трудовой помощи колхозам и совхозам: *Хорошо работают на полях «Зари»; стараются студенты*. Лексемы со значением одобрения формируют представление о трудовой деятельности как о сознательном и добровольном полезном деле.

Традиционным для трудового воспитания является и проведение субботников: *Студенты и сотрудники Белгородского государственного университета ... приняли активное участие в ежегодном общегородском субботнике* (2018). Заголовок данной статьи «Добрые дела» способствует смысловому развертыванию и выполняет эмотивную функцию, что свидетельствует о намерении адресанта сформировать в сознании читателя представление о труде как о добром деле. Таким образом, приведённые контексты из публицистических текстов периодических изданий НИУ «БелГУ» демонстрируют преемственность воспитательной деятельности и готовность студентов к труду как обязательному условию формирования нравственных ценностей личности.

Осмысление роли ответственности в процессе становления человеческой личности носит эволюционный характер и репрезентируется риторическими вопросами: *А преподаватели, обладающие и жизненным опытом, и широтой кругозора, считают ли своей профессиональной обязанностью быть в это сложное время рядом с ними [студентами]?* (1988). Приведённый контекст имплицитно указывает на ответственность как профессиональную обязанность преподавателя. Таким образом, в текстах периодических изданий вуза ответственность выступает ключевым нравственным стимулом регулирования взаимодействия студентов и преподавателей.

Преемственность поколений иллюстрируют публицистические тексты, посвящённые исторической памяти и патриотизму, нами выделены тематические направления, определяющие смысловое пространство памяти в текстах газет XX и XXI вв.:

1. Память-подвиг, память о ветеранах и героях России: *День великой радости (о празднике 9 Мая); Принять активное участие в поисковой экспедиции «Летопись Великой Отечественной»; звезды, хранящие Россию (о торжественном открытии мемориальных стендов, посвящённых памяти Героев России)* (2014–2016, 2018);

2. Память об исторических событиях: *30 декабря – День образования СССР (1986); Часы тревог, отвоёванные у смерти; здесь жизнь ходила рука об руку со смертью; Остров свободы в моём сердце (об издании сборника воспоминаний белгородцев, проходивших службу на Острове свободы);*

3. Память-воспоминание: *Не забыть этих дней (о Всемирном фестивале, проходившем под лозунгом «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу», 1985).*

Следует отметить, что специфика репрезентации памяти как ценностной универсалии осуществляется как с помощью выявленных адгерентных коннотативных значений, которые, по мнению В. Н. Телия, «сопряжены со способностью человеческого сознания к познанию мира за счёт аналогии» [9, с. 231], так и языковых единиц, обладающих ингерентной коннотацией. В данном случае коннотация является способом воздействия на адресата с целью демонстрации важности оцениваемой действительности. Следовательно, смысловое значение памяти в текстах газет НИУ «БелГУ» демонстрирует специфику национально-культурного восприятия действительности.

Образовательная и научная деятельность вуза детерминирована стратегической целью НИУ «БелГУ» как глобального исследовательского университета с высокой международной академической репутацией, обеспечивающего значимый вклад в научно-технологический прорыв России и социально-экономическое развитие Белгородской области.

Наиболее частотно функционирование данных ценностей осуществляется при помощи метафоры, которая, как отмечает Н. Д. Арутюнова, «не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нём» [2, с. 13]. Нами выявлены метафоры, с помощью которых моделируется представление о характере действий, направленных на достижение научных и образовательных результатов. Идиостилевая специфика авторов публицистических текстов периодических изданий НИУ «БелГУ» выявляется с помощью когнитивных метафор как «способ непрямого отражения мира в сознании, репрезентированный в языке в системах образных номинаций» [8, с. 26]. Именно когнитивные метафоры являются наиболее частотными, поскольку позволяют обозначить активную позицию университета, зафиксировать интенсивность и динамизм происходящих событий: *Прицел – на улучшение свойств* (о создании высокоэффективных термоэлектрических композиционных наноматериалов); *лаборный плацдарм* (об участии в инновационном проекте); *Интеллектуальные баталлии* (об игре «Научная провокация»); *Научный прорыв: от теории к практике* (о завершении конкурса инновационных проектов); *Победа над старостью в наших руках* (о научно-практической деятельности вуза в области геронтологии); *Покорители солнечной энергии* (о получении первого иностранного патента); *Химический десант*; *Экологический десант*; *Филологический десант*; *Химическая броня* (о важной роли химии в укреплении обороноспособности страны).

Следующую группу составляют метафоры, номинирующие стремление к первенству: *Удачный «старт»* (о проекте, который получил финансирование для дальнейших исследований); *Движение вверх* (об улучшении позиций в рейтинге); *На старте к профессиональным успехам и достижениям*; *В НИУ «БелГУ» стартовал масштабный проект «Карьерный прорыв»* (о проекте по обучению перспективных молодых специалистов); *Золотой хет-трик* (об обладателях золотых медалей, представивших проекты, отвечающие приоритетам НОЦ «Инновационные решения в АПК»). Приведённые контексты выявляют вовлечённость университета в мероприятия научно-образовательной направленности и демонстрируют стремление к получению более высокого статуса вуза. С помощью метафоры «Чувствовать пульс времени» актуализируется смысловое значение 'высокий профессионализм работников университета'.

В публицистических текстах периодических изданий НИУ «БелГУ» зафиксированы метафоры, которые номинируют обучение специалистов как условие карьерного роста и развития: *Будем растить своих нанотехнологов*; *Модернизирована структура управления исследованиями и разработками под задачи наращивания студенческого предпринимательства*; *Станем*

акулами бизнеса (о прошедшем практическом семинаре, посвящённом проблемам и перспективам развития малого бизнеса в Белгородской области).

Специфика следующей группы метафор состоит в ассоциативном сопряжении смысловой триады *основа – прочность – надёжность: Инновационный фундамент будущего НИУ «БелГУ»* (о планах развития университета); *Фундамент будущих побед* (о новых возможностях реализации научных и социокультурных проектов). Следовательно, деятельность университета репрезентируется как достойное основание для научного совершенствования.

Заключение. Проведённое исследование позволяет сделать следующий вывод: 1) языковые средства репрезентации воспитательного процесса выполняют эмотивную функцию и способствуют формированию позитивного восприятия в сознании читателя. Зафиксированные контексты из публицистических текстов периодических изданий НИУ «БелГУ», посвящённые исторической памяти и патриотизму, представляют триаду *Память-подвиг – Память об исторических событиях – Память-воспоминание* и выявляют специфику национально-культурного восприятия действительности; 2) языковые средства репрезентации научно-образовательного процесса моделируются с помощью разнопланового метафорического осмысления, заключающегося в разнообразии источников когнитивных метафор. Метафорическая репрезентация научно-образовательного потенциала в текстах газет НИУ «БелГУ» выявляет приоритетные направления деятельности университета и является ценностным аспектом культуры университета. Таким образом, благодаря метафорическому представлению научно-образовательной деятельности вуз осмысливается как активный участник, при помощи которого осваиваются инновационные сферы научной деятельности и происходят значимые события в научно-образовательном пространстве.

Список источников

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Флинта : Наука, 2010. – 288 с.
2. Арутюнова Н. Д. Теория метафоры / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Прогресс, 1990. – 512 с.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 895 с.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – Москва : Русские словари, 1997. – 411 с.
5. Виноградов С. Н. К лингвистическому пониманию ценности / С. Н. Виноградов // Русская словесность в контексте мировой культуры. – Нижний Новгород : Нижегородский ун-т, 2007. – С. 93–97.
6. Зарубина Н. Н. Труд в русской культуре / Н. Н. Зарубина // Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты. – Москва, 2001. – 544 с.
7. Пригожин А. И. Дезорганизация: причины, виды, преодоление / А. И. Пригожин. – Москва : Альпина Бизнес Букс, 2007. – 400 с.
8. Резанова З. И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения / З. И. Резанова // Вестник Томского государственного университета. Сер. «Филология». – 2010. – № 1 (9). – С. 26–43.
9. Телия В. Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – Москва : Наука, 1981. – 269 с.

References

1. Alefirenko N. F. *Lingvokulturologiya: Tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka = Linguoculturology: The value-semantic space of language*. Moscow: Flinta: Nauka; 2010:288.
2. Arutyunova N. D. *Teoriya metafory = Theory of metaphor*. Moscow: Progress; 1990:512.
3. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka = Language and the world of man*. 2nd ed. Moscow: Yazyki russkoy kultury; 1999:895.
4. Vezhbitskaya A. *Yazyk. Kultura. Poznanie = Language. Culture. Cognition*. Moscow: Russkie slovari; 1997:411.

5. Vinogradov S. N. *K lingvisticheskomu ponimaniyu tsennosti. Russkaya slovesnost v kontekste mirovoy kultury = Toward a linguistic understanding of value // Russian literature in the context of world culture*. Nizhniy Novgorod: Novgorod State University; 2007:93–97.

6. Zarubina N. N. Labor in Russian culture. *Rossiyskaya tsivilizatsiya: Etnokulturnye i dukhovnye aspekty = Russian civilization: Ethno-cultural and spiritual aspects*. Moscow; 2001:544.

7. Prigozhin A. I. *Dezorganizatsiya: prichiny, vidy, preodolenie = isorganization: causes, types, overcoming*. Moscow: Alpina Biznes Buks; 2007:400.

8. Rezanova Z. I. Metaphorical fragment of the Russian language picture of the world: ideas, methods, solutions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya" = Bulletin of Tomsk State University. Series "Philology"*. 2010;1(9):26–43.

9. Teliya V. N. *Tipy yazykovykh znacheniy: Svyazannoe znachenie slova v yazyke = Types of linguistic meanings: Associated meaning of a word in a language*. Moscow: Nauka; 1981:269.

Информация об авторах

Т. С. Жигулина – аспирант;

Е. Г. Озерова – доктор филологических наук, профессор.

Information about the authors

T. S. Zhigulina – postgraduate student;

E. G. Ozerova – Doctor of Philological Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.07.2023; одобрена после рецензирования 30.08.2023; принята к публикации 04.09.2023.

The article was submitted 26.07.2023; approved after reviewing 30.08.2023; accepted for publication 04.09.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 61–66.
Humanitarian Researches. 2023;3(87):61–66.

Научная статья
УДК 81

**ПОВТОРЫ КАК ПРИЁМ ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ФРАНЦУЗСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ**

Елена Вениаминовна Кузнецова¹, Ирина Вячеславовна Богомолова²

^{1, 2}Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева,
Астрахань, Россия

¹Lena_kouznetsova@mail.ru

²Bogira2014@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется одно из средств экспрессивного синтаксиса – повтор. Повтор является одним из основных приёмов передачи дополнительной экспрессивности и стилизации. Это явление встречается в текстах различных жанров и стилей. Авторы в данной работе акцентируют внимание на повторе как стилистическом приёме с позиций экспрессивного синтаксиса и рассматривают некоторые типы повторов на материале произведений современных французских писателей, отличающихся друг от друга в стилевом и тематическом аспектах, но являющимися яркими представителями современной французской литературы. В работе представлены результаты сравнительно-сопоставительного исследования, даётся их анализ. По итогам функционально-стилистического анализа повторов выявлено, что две основные функции – эмоционально-усилительная и усилительно-логическая – имеют мало расхождений в количестве их употребления в указанных произведениях. Авторы классифицировали выявленные функции повтора на основные и второстепенные. Проведённый статистический анализ позволил наглядно увидеть частотность употребления данными писателями этого средства экспрессивного синтаксиса. Даётся объяснение разницы использования этого приёма в указанных произведениях.

Ключевые слова: повтор, экспрессивный синтаксис, эмоциональность, анафора, симплока, анадиплосис эпифора

Для цитирования: Кузнецова Е. В., Богомолова И. В. Повторы как прием экспрессивного синтаксиса в произведениях современных французских писателей // Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 61–66.

Research article

**REPETITIONS AS A TECHNIQUE OF EXPRESSIVE SYNTAX
IN THE WORKS OF CONTEMPORARY FRENCH WRITERS**

Elena V. Kuznetsova¹, Irina V. Bogomolova²

^{1, 2}Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia

¹Lena_kouznetsova@mail.ru

²Bogira2014@mail.ru

Abstract. The article explores one of the means of expressive syntax – repetition. Repetition is one of the main techniques for conveying additional expressiveness and stylization. This phenomenon is found in texts of various genres and styles. The authors in this work focus on repetition as a stylistic device from the point of view of expressive syntax and consider some types of repetitions based on the material of the works of contemporary French writers, which differ from each other in style and thematic aspects, but are prominent representatives of modern French literature. The paper presents the results of a comparative study, and analyzes these results. As a result of the functional and stylistic analysis of repetitions, it was revealed that the two main functions – emotionally intensifying and intensifying-logical, have little discrepancy in the number of their use in these works.

© Кузнецова Е. В., Богомолова И. В., 2023.

The authors classified the identified repeat functions into major and minor. The performed statistical analysis made it possible to visually see the frequency of use by these writers of this means of expressive syntax. An explanation is given of the difference in the use of this technique in these works.

Keywords: repetition, expressive syntax, emotionality, anaphora, simplot, anadiplosis, epiphora

For citation: Kuznetsova E. V., Bogomolova I. V. Repetitions as a technique of expressive syntax in the works of contemporary French writers. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;3(87):61–66 (In Russ.).

Экспрессивность является одной из наиболее изучаемых лингвистических категорий и привлекает внимание многих исследователей, так как воздействует на языковую личность, её действия, её духовную активность. С её помощью обрисовывается степень воздействия автора на читателя. Экспрессивность можно трактовать как индивидуальную черту говорящего, которая выражается в оценках, чувствах и эмоциях. Такая авторская экспрессия представляет собой явление языковой личности и её собственных намерений.

Экспрессивность передаётся на лексическом и синтаксическом уровнях, но в данной статье мы остановимся на синтаксическом уровне, а именно на «экспрессивном синтаксисе».

К составным элементам экспрессивности можно отнести: эмоциональность, оценочность, образность и интенсивность. Синтаксические средства – это особые обороты речи, строй предложения, которые используются автором с целью усиления выразительности, украшая и уточняя готовые конструкции.

Одним из частых приёмов структурной и семантической организации литературного текста является «повтор». Повторы многофункциональны и исследуются с разных точек зрения, на разном материале. Вслед за Н. Н. Кохтевым и Л. А. Введенской мы считаем, что повтором является стилистический приём, придающий высказыванию определённую экспрессивность, выразительность [1, с. 114], а также добавляем, что повтор использует одну или более лексических единиц, тем самым показывая текст под другим углом для лучших рецепции и понимания.

Следует отметить, что не существует единого подхода к исследованию этого вопроса, так как мнения учёных расходятся как в названиях, так и в составляющих типологии повторов. Мы придерживались мнения Ю. М. Скребнева [4, с. 60–65] с некоторыми нашими дополнениями. Эта типология легла в основу проведённого нами анализа повторов в обозначенных французских произведениях современных писателей – Анны Гавальды, Пьера Пежо и Филиппы Делермы. Критерием отбора данных писателей послужили их принадлежность к разным литературным течениям и различия в стилях каждого писателя. Но, прежде всего, они привлекли наше внимание своеобразием стиля. И главное, что их объединяет, – это пристальное внимание к эмоциональной сфере, поэтому нас заинтересовало, как эмоциональность выражена в этих произведениях.

Например, характерной чертой постмодернистских произведений Анны Гавальды является лёгкость, тонкость, а вместе с тем эмоциональная и психологически глубокая манера написания текста. Она искренне и красочно изображает простые житейские моменты, которые находят отражение в душах читателей. Анна Гавальда очень точно показывает переживания и страхи, мечты и желания обычных людей, любовь и ненависть во всех её проявлениях, находя их в самых различных ситуациях. Её книга «Je voudrais que quelqu'un m'attende quelque part» («Мне бы хотелось, чтоб меня кто-нибудь где-нибудь ждал...») имела огромный успех, была удостоена французской литературной премии «Le grand prix RTL-Lire» и премии журнала «Les Inrockuptibles», переведена более чем на 30 языков мира, издана тиражом более 900 000 экземпляров и была неоднократно переиздана. А. Гавальда

нацелена на то, чтобы заинтересовать читателя, вызывая у него желание дочитать до конца. Данный сборник содержит в себе двенадцать коротких рассказов о людях, об их хороших или плохих поступках, об утратах или приобретениях, о любви и ненависти, и о том, о чём обычно умалчивают. Персонажи изображены в необычных, порой гротескных ситуациях. Благодаря этим двенадцати текстам мы можем прочувствовать эмоции и надежды каждого из них. Эти рассказы обнажают человеческую слабость и в то же время надежды и самые безумные и сокровенные мысли. Читатель легко может узнать себя в главных героях и понять их жизненные побуждения.

Следующий писатель, Пьер Пежо, является на сегодняшний день одним из самых популярных французских рассказчиков и эссеистов. Будучи модернистом, его стиль отличается особым вниманием к переживаниям главных героев. Получив философское образование и опыт преподавания в Сорбонне, Пежо с предельной чуткостью передаёт эмоции главных персонажей, которые плавно перетекают в философию и показывает весь трагизм ситуации. Стоит отметить, что именно эти характеристики очень хорошо прослеживаются в его книге «La petite chartreuse» («Маленькая Обитель»), которая принесла автору всемирную популярность и была удостоена премии «Livres Inter», а также экранизирована Жаном-Пьером Дени. Сюжет захватывает читателя с первых страниц, описывая трагичную ситуацию, произошедшую с девочкой, которая была сбита грузовиком. Автор показывает, как одно событие переворачивает жизни сразу нескольких человек: один персонаж сбрасывает груз ответственности на того, кто не готов его принять. Пьер Пежо раскрывает неординарное поведение героев. Автор прежде всего сосредоточен на их чувствах и внутреннем мире, что характеризует стиль писателя – глубокие философские мысли, трагизм и раскрытие внутреннего мира героя.

Говоря о современной французской литературе, нельзя обойти вниманием писателя-минималиста Филиппа Делерма, его короткие рассказы о кратком фрагменте жизни наполнены яркими и приятными воспоминаниями о детстве, о том, что было когда-то. Писатель в нескольких строках передаёт всё, что когда-то чувствовал и пережил сам читатель в своей жизни, всё то, что оставило неизгладимые впечатления на всю жизнь: знакомые запахи, старая телепередача, люди и т. п.

Его произведение «La première gorgée de bière et autres plaisirs minuscules» («Первый глоток пива и прочие мелкие радости жизни») завоевало премию «Grandgousier» и имело тираж более 100 000 экземпляров. Писатель находит солнечный свет в каждом моменте жизни. Можно сказать, что основной мотив его рассказов – это созерцание каждой мелочи и каждого мгновения жизни, как будто каждый день предстаёт как грандиозное открытие и праздник мира.

В каждом отобранном произведении данных авторов повторы используются по-разному. Статистический анализ типов повтора выявленных в указанных произведениях показал, что самым употребляемым типом является анафора (69 примеров), за ней следуют симплока (30 примеров) и анадиплосис (22 случая), а наименее употребляемым типом является эпифора (14). Исследуя функциональный аспект повтора (на 138 примерах), мы выявили, что наиболее употребляемыми функциями (94,93 %) являются: эмоционально-усилительная, усилительно-логическая, функция уточнения, акцентирования, раскрытия смысла и конкретизации, а второстепенными являются ритмообразующая функция и функция концентрации внимания, так как были употреблены меньше всего (5,07 %).

Анна Гавальда, прибегает к повторам чаще других авторов (71 раз). Мы объясняем это тем, что одним из основных критериев постмодернизма является «игра», с помощью которой читатель погружается в мир текста посредством слов, знаков, значений и т. п., а в данном случае у Гавальда это повторы.

Принадлежность Пьера Пежо к модернизму полностью оправдывает количество использованных повторов – 48 примеров. Трагический сюжет романа «Маленькая Обитель» наполнен глубокими переживаниями и раскрытием внутреннего мира героев, что является одной из важных черт модернизма и объясняет эмоциональный накал тональности текста.

В рассказах Филиппа Делерма мы нашли всего 16 повторов, такая экономия выразительных средств объясняется минимализмом и простотой формы произведения. Делерм находит другие средства изобразить ощущения своих пресонажей.

Результаты проведённого нами анализа мы представляем в таблице.

Таблица

Типы повторов	Общее количество	Пьер Пежо	Анна Гавальда	Филипп Делерм
Анафора	69	Количество отдельных типов		
		30	9	10
Эпифора	14	3	9	2
Анадиплосис	22	7	11	4
Симглока	30	8	22	0

Как видно, анафора является наиболее популярным экспрессивным способом передачи той или иной мысли у этих писателей. Мы можем предположить, что такое количество анафор было употреблено авторами, потому что данный приём, появляясь именно в начале предложения, служит для привлечения внимания читателя.

Например, в произведении Анны Гавальда: *Une Parisienne qui se respecte sur le boulevard Saint-Germain ne traverse jamais sur les lignes blanches quand le feu est rouge. Une Parisienne qui se respecte guette le flot des voitures et s'élance tout en sachant qu'elle prend un risqué* [6, с. 8] (*Уважающая себя парижанка на бульваре Сен-Жермен не станет переходить проезжую часть по белой «зебре» на зелёный свет. Уважающая себя парижанка дожидается плотного потока машин и ринется напрямик, зная, что рискует* [8, с. 35]). Мы видим собственное отношение автора к образу парижанки: она показана как опрометчивая, но уважающая себя женщина, реализуется эмоционально-усилительная функция.

В примере из произведения Пежо анафора выполняет усилительно-логическую функцию, чтобы показать повторяемость рутинных дней работы в книжной лавке главного героя. Для этого автор повторяет слово «chaque jour»: *Chaque jour, habitant le vieil appartement situé juste au-dessus du Verbe Être, il descendait vendre des livres. Chaque jour, du moins avant l'accident, Volland le libraire venait s'asseoir au chevet de la littérature* [7, с. 70] (*Каждый день, поскольку жил в старой квартире, расположенной непосредственно над лавкой Глагол Быть, он спускался и продавал книги. Каждый день, по крайней мере, до несчастного случая, книготорговец Воллар приходил и усаживался у ложа литературы* [10, с. 72]).

Следующим наиболее распространённым типом повтора является симглока. Основной её функцией можно назвать функцию акцентирования внимания, так как в исследованных нами произведениях она встречалась восемнадцать раз, в отличие от функции конкретизации. У Анны Гавальда больше других авторов данный тип повтора реализовал эту функцию. В её произведении функция акцентирования внимания реализуется четырнадцать раз. Например: *Peut-être qu'elle avait un post-it rose fluo collé devant les yeux: « Si A.G appelle, être TRÉS charmante! » souligné deux fois. Peut-être...* [6, с. 147] (*Может быть, перед глазами у девушки приклеен розовый листочек-*

памятка: «Если позвонит А. Г., быть с ней ОЧЕНЬ милой» – дважды подчеркнута? Все может быть... [8, с. 150]). В данном контексте мы видим, как, связавшись с секретаршей издательства, героиня нашла её достаточно милой, но не была в этом уверена. Именно поэтому в этом примере симплока имеет функцию акцентирования внимания на идеи неуверенности. Что касается симплоки, мы обнаружили, что не у всех авторов используется этот тип повтора. Так, если у Анны Гавальда можно встретить двадцать два случая употребления симплоки, у Пьера Пежо – восемь, то у Филиппа Делерма данный тип отсутствует, так как автор не нуждался в настаивании на определённой мысли путём её «обрамления».

К функциям анадиплосиса можно отнести функцию раскрытия смысла и концентрации внимания. Например у Делерма: *C'est fort comme le pluie d'été, ce petit vague à l'âme qui s'invite, ce petit mal et bien qui revient, familier – c'est le dimanche soir. Tous les dimanches soir sont là, dans cette fausse bulle où rien n'est arrêté* [5, с. 52] (Тебя пронзает, захватывает врасплох, как летний ливень, этот маяющийся душевный ток, эта радость и боль, привычная, родная... так всегда бывает в воскресенье вечером. Каждое воскресенье вечером – тщетная попытка остаться в капсуле, в надутым пузыре, но стенки его не выдержат напора [9, с. 55]).

В рассказах Анны Гавальда анадиплосис встречается одиннадцать раз, в романе Пьера Пежо – семь раз, у Филиппа Делерма – четыре раза. Как мы видим, Анна Гавальда чаще, чем Пежо и Делерм, прибегает к анадиплосису, который имеет функцию концентрирования внимания читателя, её авторская интенция направлена на то, чтобы читатель желал продолжать чтение. К наименее употребляемому типу повторов относится эпифора, так как встречается всего лишь четырнадцать случаев её употребления, из которых девять – у Гавальда, три – у Пежо и два – у Делерма.

Функционально-стилистический анализ повторов показал, что две основные функции – эмоционально-усилительная и усилительно-логическая – имеют мало расхождений в количестве их употребления в указанных произведениях: эмоционально-усилительная функция реализуется 32 раза, а усилительно-логическая – 37 раз, что говорит о равнозначном употреблении обеих функций. Исходя из функционально-стилистического анализа повторов разобрав каждую функцию, мы выявили, что каждая функция была употреблена, но не все были равнозначно использованы авторами. Таким образом, мы разделили их на основные функции, к которым можно отнести: эмоционально-усилительную, усилительно-логическую, уточнение, акцентирование, раскрытие смысла и конкретизацию, и на второстепенные, к которым относятся ритмообразующая и концентрация внимания. В процентном соотношении употребление основных функций представляет 94,93 %, а второстепенных – всего 5,07 %.

Учитывая распространённый факт, что женщины более эмоциональны, чем мужчины, допустимо предположить, что это и явилось основополагающим критерием употребления большого количества повторов в произведении Анны Гавальда.

Что касается Пьера Пежо, следует сказать, что сюжет книги «Маленькая Обитель» наполнен трагизмом, что вызывает огромное количество эмоций и отражается в способе передачи информации автором, поэтому он прибегнул к 48 разным повторам.

Наименьшее количество повторов в сборнике Делерма может говорить о том, что писатель принадлежит к такому литературному течению, как минимализм, характеризующийся простотой форм и экономией выразительных средств.

Список источников

1. Введенская Л. А. Культура речи / Л. А. Введенская. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2001. – 448 с.
2. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – Синтаксис. – Москва : Высшая школа, 1986. – 391 с.
3. Кохтев Н. Н. Популярная стилистика русского языка / Н. Н. Кохтев, Д. Э. Розенталь. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Русский язык, 1988. – 207 с.
4. Скребнев Ю. М. Тропы и фигуры как объект классификации / Ю. М. Скребнев // Проблемы экспрессивной стилистики. – Ростов : Ростовский ун-т, 1987. – С. 60–65.
5. Delerm Ph. La première gorgée de bière et et autres plaisirs minuscules / Ph. Delerm. – Paris : Gallimard, 1997. – P. 96.
6. Gavalda A. Je voudrais que quelqu'un m'attende quelque part / A. Gavalda. – Paris : J'ai lu, 2008. – P. 157.
7. Péju P. La Petite Chertreuse / P. Péju. – Paris : Gallimard, 2002. – P. 208.
8. Гавальда А. Мне бы хотелось, чтобы меня кто-нибудь где-нибудь ждал / А. Гавальда ; пер. с фр. Е. Ключова, Н. Хотинская. – Москва : Флюид, 2008. – 160 с.
9. Делерм Ф. Первый глоток пива и прочие мелкие радости жизни / Ф. Делерм ; пер. с фр. Н. Мавлевич, А. Василькова, Н. Васильков. Москва : Текст, 2013. 192 с.
10. Пежю П. Маленькая Обитель / П. Пежю ; пер. с фр. В. Жукова. – Москва : Эксмо, 2010. – 192 с.

References

1. Vvedenskaya L. A. *Kultura rechi = Culture of speech*. Rostov-on-Don: Feniks; 2001:448.
2. Gak V. G. *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka. Sintaksis = Theoretical grammar of the French language. Syntax*. Moscow: Vysshaya shkola; 1986:391.
3. Kokhtev N. N., Rozental D. E. *Populyarnaya stilistika russkogo yazyka = Popular stylistics of the Russian language*. 2nd ed. Moscow: Russliy yazyk; 1988:207.
4. Skrebnev Yu. M. Paths and figures as an object of classification. *Problemy ekspressivnoy stilistikim = Problems of expressive stylistics*. Rostov: Rostov State University; 1987:60–65.
5. Delerm Ph. *La première gorgée de bière et et autres plaisirs minuscules = The first sip of beer and other tiny pleasures*. Paris: Gallimard; 1997:96.
6. Gavalda A. *Je voudrais que quelqu'un m'attende quelque part = I would like someone to wait for me somewhere*. Paris: J'ai lu; 2008:157.
7. Péju P. *La Petite Chertreuse = The Little Chartreuse*. Paris: Gallimard; 2002:208.
8. Gavalda A. *Mne by khotelos, chtoby menya kto-nibud gde-nibud zhdal = I would like someone to wait for me somewhere*. Moscow: Flyuid; 2008:160.
9. Delerm F. *Pervyy glotok piva i prochie melkie radosti zhizni = The first sip of beer and other small joys of life*. Moscow: Tekst; 2013:192.
10. Pezhyu P. *Malenkaya Obitel = Little Abode*. Moscow: Eksmo; 2010:192.

Информация об авторах

Е. В. Кузнецова – кандидат педагогических наук, доцент;
И. В. Богомолова – кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the authors

E. V. Kuznetsova – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor;
I. V. Bogomolova – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author contributions: all authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.05.2023; одобрена после рецензирования 20.06.2023; принята к публикации 24.06.2023.

The article was submitted 16.05.2023; approved after reviewing 20.06.2023; accepted for publication 24.06.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 67–73.
Humanitarian Researches. 2023;3(87):67–73.

Научная статья
УДК 811.124

**КАЛЬКИРОВАНИЕ ЛАТИНСКИХ И ГРЕЧЕСКИХ СЛОВ
КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ**

Елена Владимировна Лапочкина

Ивановская государственная медицинская академия, Иваново, Россия,
el-lapo4kina@yandex.ru

Аннотация. В статье осуществлено исследование лексических единиц русской медицинской терминологии, образованных путём заимствований из латинского и древнегреческого языков, рассмотрены причины и значение заимствований, а также проанализированы различные виды калькирования медицинских терминов: структурные, семантические, лексические и фразеологические кальки. Термины, полученные при помощи калькирования, составляют большую половину всей терминологической системы медицинской науки. Авторитетность латинского и древнегреческого языков в качестве источников формирования терминологии любой науки, в частности медицинской, не вызывает сомнений, так как эти языки на протяжении многих веков служат основой для создания новых научных терминов. Теоретические выводы, представленные в данной статье, основаны на большом количестве примеров, используемых автором в практике преподавания латинского языка и основ медицинской терминологии.

Ключевые слова: медицинская терминология, латинский язык, заимствование, калька

Для цитирования: Лапочкина Е. В. Калькирование латинских и греческих слов как способ формирования медицинской терминологии // Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 67–73.

Research article

**LOAN-TRANSLATION OF LATIN AND GREEK WORDS AS WAY
OF FORMING MEDICAL TERMINOLOGY**

Elena V. Lapochkina

Ivanovo State Medical Academy, Ivanovo, Russia, el-lapo4kina@yandex.ru

Abstract. The article studies the lexical units of Russian medical terminology, formed by linguistic borrowings from Latin and ancient Greek, discusses the causes and meaning of borrowings, considers various types of loan-translation of medical terms: structural, semantic, lexical and phraseological calques. The terms derived by loan-translation make up the majority of the entire terminological system of medical science. The authority of Latin and Ancient Greek as sources for the formation of terminology of any science, in particular medical, is beyond doubt, since these languages for many centuries serve as the basis for the creation of new scientific terms. The theoretical conclusions presented in this article are based on a large number of examples used by the author in the practice of teaching Latin and the basics of medical terminology.

Keywords: medical terminology, Latin, linguistic borrowing, loan-translation

For citation: Lapochkina E. V. Loan-translation of latin and greek words as way of forming medical terminology. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;3(87):67–73 (In Russ.).

Одной из характерных черт развития современного общества является, с одной стороны, стремление к установлению диалога культур, стран, государств, а с другой – осознание и культивирование национальной принадлежности,

своеобразие и уникальность которой в наибольшей степени проявляются в сопоставлении с другими культурами. Язык выступает в роли главного признака идентичности, но в то же время обеспечивает взаимопонимание на разных уровнях между представителями различных культур.

Заимствованием, как известно, является слово, которое происходит из другого языка. Чем больше новых понятий, явлений и предметов распространяется в обществе, тем больше заимствований, в свою очередь, приобретают известность и укореняются в лексике. Современные языки всё более тесно взаимодействуют, более точно переводят друг друга, в них встречаются похожие конструкции, обороты и фразы, слова родного языка, особенно в молодёжной среде, часто заменяют иноязычными. Эти иноязычные слова для языка-реципиента сначала являются неологизмами, которые формируются либо прямым заимствованием, этимологический анализ которого даёт информацию о происхождении слова, либо деривацией (отклонением от основного значения), либо композицией (строение, соотношение и расположение частей слова, членение на смысловые элементы, порядок их следования и взаимосвязь между ними). Заимствования имеют неоспоримую историческую ценность, так как благодаря им мы можем проследить последовательность и глубину контактов, которые установлены между несколькими странами и культурами. Русский язык богат заимствованиями из языков тех государств, с которыми наша страна поддерживала активные политические, экономические и культурные связи или вступала в военные конфликты. Заимствование является важнейшим социолингвистическим явлением во всех языковых взаимодействиях. Наличие заимствований не констатирует некую слабость и несостоятельность языка, невозможность обходиться собственными языковыми ресурсами, а наоборот, является признаком открытости, готовности воспринять новую лексику. Кальки, являясь одним из видов заимствований, представляют собой либо строгую, либо приблизительную транспозицию слов или языковых конструкций из одного языка в другой. Это имитация, выражение иноязычной модели собственными лингвистическими средствами. Лингвистическая значимость калек заключается в обогащении словарного запаса заимствующего языка без внедрения иностранной оболочки, а также в сближении образов мышления двух народов и их восприятия языковой картины мира [1, с. 5]. Что касается разницы между заимствованием и калькой, то они различаются по своей внешней форме, и незначительно по своему происхождению и фундаментальным признакам, они имеют равное влияние на формирование лексики.

Вопросу соотношения калек и заимствований посвящено много работ (О. В. Матвеева, А. П. Крысин, Г. А. Бортагаев, Л. П. Ефремов, И. А. Арнольд, В. В. Иванов, А. Я. Матвеев, И. П. Наркевич и др.). Различные точки зрения по этому вопросу представлены в работе Ж. Багана [1, с. 5–9]. Одни исследователи считают, что кальки – это один из видов заимствования, другие относят их к одному из видов перевода. Между внешними (заимствованиями) и внутренними средствами (образование новых слов путем деривации, композиции и т. д.) некоторые авторы помещают языковые кальки посередине, мотивируя это тем, что они частично или полностью имитируют модель: это своеобразное клише по иностранному слову или группе слов, копирующее его формальную лексическую, или семантическую структуру. Созданные в процессе перевода кальки являются результатом контакта между двумя языками, который произошёл в определённом историческом контексте. По словам Н. Б. Мечковской, «кальки проникают в языки незаметно в качестве едва ощутимой речевой небрежности или смелости и распространяются быстро» [3, с. 109].

По нашему мнению, заимствование и калька являются разными уровнями одного и того же явления, которое представляет собой перенесение

из одного языка в другой либо готовых единиц – слов, либо морфем и их значения. Кальки можно назвать «скрытым заимствованием», так как любое иноязычное слово сначала воспринимается как заимствование, нечто инородное, непривычное. Квалифицировать заимствование как кальку можно лишь при условии хорошего знания языка-источника и с дальнейшим привлечением структурного и этимологического анализа слова. Не вдаваясь в подробности дискуссии хорошо это или плохо, должен ли язык отстаивать своё своеобразие, пользуясь собственными средствами для обозначения тех или иных понятий, отметим, что медицинская терминология – особый языковой пласт, формировавшийся на протяжении многих веков и имеющий свою чёткую, логичную и законченную структуру. Состав современной русской медицинской терминологии, по сравнению с литературным языком, отличается значительным количеством иноязычной лексики, а термины, полученные различными способами заимствования, составляют большую половину всей терминологической системы медицинской науки. Наряду с кальками в употреблении существуют медицинские термины, состоящие из компонентов русского языка: веносечение / флеботомия, бесформенный / аморфный, водолечение / гидротерапия, сочувствие / симпатия, бесчувствие / апатия, микроцефалия / малоголовость, однако в рамках терминосистемы употребление первых является более предпочтительным и оправданным. Кроме этого, возникает вопрос: какой из терминов появился раньше, на основе греческих компонентов в античности или в русской или другой медицинской терминологии, а потом путём калькирования был создан латинизированный термин, прочно вошедший в словарь медицинской терминологии. Отметим, что история возникновения тех или иных медицинских терминов, а также вопрос о порядке появления заимствований непосредственно из древних языков или через западноевропейские не являются предметом исследования в данной работе. Многие термины, появившись первоначально в английском, французском или немецком языковом оформлении, часто подвергаются формальной латинизации; впрочем, этот процесс может развиваться и в обратном направлении: от латинизированного по форме термина – к его аналогу, адаптированному к особенностям того или иного языка.

Известный учёный, специалист в области терминоведения Д. С. Лотте одной из причин заимствований указал «авторитетность языка – источника», что иногда приводит к заимствованиям многими языками из одного и появлению интернационализмов [2, с. 112]. Авторитетность латинского и древнегреческого языков в качестве источников формирования терминологии любой науки, в частности медицинской, не вызывает сомнений, эти языки на протяжении многих веков служат основой для создания новых научных терминов, называя те или иные действия, явления, приборы и инструменты.

Собственно кальки заслуживают особого внимания, потому что они являются проявлением продолжающейся в течение многих десятилетий гомогенизации, потому что их труднее обнаружить и потому что они сыграли важную роль в развитии всех европейских языков и в формировании терминологий различных наук.

Калька (франц. *calque* – копия, подражание) – слово или выражение, представляющее собой перевод по частям иноязычного слова или оборота речи с последующим сложением переведённого в одно целое [7, с. 103]. Кальки по своей сути являются переводными заимствованиями, но семантические кальки отличаются от заимствований в чистом виде тем, что производят новое слово. Структурные кальки вводят в язык новую конструкцию, имитируя исходную, заимствуя внутреннюю форму иностранного слова; средства организации звукового комплекса воспроизводятся таким образом, что он соответствует значению, которое выражает слово. Калькирование оправдано при соблюдении следующих условий: слово-калька не должно нарушать

гармонию языка, в который оно заимствуется; оно должно быть оправдано с точки зрения семантики; оно не должно быть длинным по структуре; а главное – оно должно подчиняться грамматическим законам языка-реципиента.

При семантическом калькировании заимствуется значение слова. Обязательным критерием выделения семантической кальки является тот факт, что новое значение слова должно отражать новое для данного языка понятие. В своё время такой семантической калькой явилось понятие 'клетка'. В медицинской терминологии – простейшая структурно-функциональная элементарная единица строения и жизнедеятельности всех организмов, хотя изначально это была небольшая комната для рабов в римском доме, кладовая для хранения съестных припасов; часть храма, в нише которой стояло изображение божества (лат. *cella*, уменьш. *cellula*) [6, с. 88–89]. В русском языке 'клеть' – кладовая при избе или в отдельной постройке, а 'клетка' – коробка, помещение со стенками из поставленных с промежутками прутьев для птиц и животных [5, с. 225]. Примером семантической кальки в медицинской терминологии является также слово 'мышца' (лат. *musculus*). Своё название данный анатомический орган получил ещё в Античности, именно древнегреческие учёные дали ему название *mys*, *mysos* (греч.) – 'мышь', т. к. некоторые мышцы показались им похожими на данное животное. При заимствовании данного понятия латинским языком этот ассоциативный признак сохранился, а данный орган получил своё название от лат. '*mus*, *muris* m' – 'мышь', путём прибавления уменьшительного суффикса *-cul-* и окончания *-us*, в результате чего получилось слово '*musculus*' – мышка, мышонок. Следует отметить, что в русском языке до XVIII в. наряду со словом 'мышца' также употребляли и 'мышка'. Отсюда и слово 'подмышка' в русском языке – место под 'мышкой', ограниченное с передней стороны большой грудной мышцей (*musculus pectoralis major*), с задней – широчайшей мышцей спины (*musculus latissimus dorsi*). По причине сходства с грызуном у данного анатомического органа анатомы различают головку (*caput musculi*), брюшко (*venter musculi*), хвост (*cauda musculi*). И если некоторые кальки из латинского и древнегреческого языков вполне понятны, т. к. вызывают определённые ассоциации: ключица (*clavicula* уменьш. от лат. *clavis* – ключ); сетчатка (*retina* от лат. *rete* – сеть), воспаление (*inflammatio* от лат. *flamma* – пламя, жар; слав. *палить* – 'заставлять гореть'), то некоторые из них нельзя рассматривать вне ситуации, причин и мотивов их образования. Иногда значение тех или иных терминов, пришедших в русскую анатомическую терминологию путём заимствований из древних языков, дают ложное представление о назначении и функциях тех органов или частей тела, которые они обозначают. Например, *артерия* (*arteria*) происходит от греч. *aer* – воздух и *tereo* – держать, т. е. буквально артерия 'держит воздух'. Автором данного термина, по одним источникам, является Гиппократ, по другим – его последователи Герофил и Эразистрат. В любом случае этимология термина отражает уровень знаний в области анатомии того времени. Несмотря на то, что значительно позднее было установлено, что в артериях движется кровь, а не воздух, название, полученное путём калькирования этого древнейшего термина, осталось прежним и используется в настоящее время. Как любое заимствование, кальки являются результатом не только языкового, но и культурного взаимодействия, сочетания экстра- и интралингвистических факторов.

Полукальки получают при заимствовании либо аффикса, либо основы слова. Это процесс, с помощью которого одна часть иностранного слова переводится, а другая (-ие) часть(и) заимствуется(ются): *interphalangeus* – межфаланговый; *paracentralis* – околоцентральный, *subacromialis* – подакромиальный, *supermedialis* – верхнемедиальный и т. д.

О полной кальке можно говорить в том случае, если переводятся все составные части заимствованного слова, и аффиксы и основа (основы), т. е. заимствуется внутренняя форма, структура слова, а звуковой комплекс

заменяется полностью средствами другого языка: *subcutaneus* – подкожный, *suprasternalis* – надгрудный, *retroperitonealis* – забрюшинный; *intramuscularis* – внутримышечный; *intervertebralis* – межпозвоночный и т. д. Подобные словообразовательные (лексические) кальки представляют наибольший интерес для исследователей. Словообразовательные кальки – это слова, полученные поморфемным переводом слова, т. е. берётся иноязычный образец, по этому образцу подбираются части слов другого языка (морфемы, приставки, суффиксы) и создаётся новое слово. Например: *epidermis* (*epi-* – над- + *derma* – кожа) – надкожница; *sympathia* (*sym-* – со-, соединение + *pathos* – чувство, *-ia* – состояние) – сочувствие; *transplantatio* (*trans-* – через, пере- + *plantatum* – посаженное + *-io* – действие) – пересадка; *infusio* (*in-* – в- + *fusus* – разлитый + *-io* – действие) – вливание; *analgesia* (*an-* – отсутствие + *algosis* – боль + *-ia* – состояние) – обезболивание; *interdentalis* (*inter-* – между + *dentalis* – зубной) – межзубный и др. Данные словообразовательные кальки не воспринимаются в языке-реципиенте как заимствованные слова, так как составлены по иноязычной модели, но из материала данного языка (например, русского). Отметим, что вся клиническая терминология – это кальки из греческого (реже латинского) языков. Но парадокс состоит в том, что цель обучения клинической терминологии в медицинских вузах – избегать калек, научить студентов собирать слова по частям, выделять словообразовательные элементы (приставки, терминологические суффиксы), объяснять значение каждой из составляющих термин частей и термина в целом.

Если лексические кальки имитируют структуру одного слова, то фразеологические кальки предполагают воспроизведение структуры и значения группы слов, образующих единицу, выражают общее содержание и образуют фразеологическую единицу. Это, как правило, дословный перевод идиоматического выражения. Примерами в медицинской терминологии могут служить: *tendo Achillis* – ахиллово сухожилие; *pomum Adami* – адамово яблоко, выступ гортани, кадык; *cornu Ammonis* – аммонов рог, гиппокамп; *arbor vitae* – древо жизни (в мозжечке, в канале шейки матки); *cauda equina* – конский хвост (входит в состав спинно-мозговых нервов); *faux lupina* – волчья пасть, расщелина нёба; *crista galli* – петушиный гребень (часть решётчатой кости черепа); *dens sapientiae* – зуб мудрости и др. Составляющие данные сочетания слова могут существовать в терминологии и автономно, и в сочетании с другими словами: *tendo* – сухожилие (*tendo cricoesophageus* – перстне-пищеводное сухожилие); *cornu* – рог, рожок (*cornu coccycygeum* – копчиковый рог, *cornu scrae* – крестцовый рог и др.); *crista* – гребень (*crista colli costae* – гребень шейки ребра, *crista lacrimalis posterior* – задний слёзный гребень и др.); *faux* – глотка, зев; *dens* – зуб (*dens lacteus, incisivus, molaris* – зуб молочный, резцовый, большой коренной и др.). Приведённые в качестве примеров фразеологические кальки – это конструкции, специфичные для одного языка, которые переходят в другой язык и остаются там в виде лексических сочетаний с определённым смыслом и со своей семантической автономией, фиксированным порядком составляющих элементов и невозможностью их разделения. Они воспринимаются как единое целое.

Одно и то же греческое или латинское слово в некоторых случаях может быть источником для двух понятий в русском языке. Одно из них появилось в языке-реципиенте прямым (либо косвенным) путём, другое – путём калькирования. В некоторых случаях получившиеся слова остаются тождественными по лексическому значению и употреблению, слова в парах могут выступать как синонимы, но часто калька приобретает либо несколько иное значение, либо иную стилистическую окраску. Например, термин '*sympathia*', как калька с греческого '*sym-*' – 'со-', вместе' и '*pathos*' – 'чувство' переводится как 'сочувствие', т. е. чувство сострадания по отношению к проблемам и несчастьям других людей. Однако в русском языке «симпатия» трактуется более

широко, как чувство устойчивой эмоциональной предрасположенности к кому-либо или чему-либо, повышенный интерес к человеку, доброжелательность, т. е. 'симпатия' и 'сочувствие' не являются тождественными, синонимами к первому слову будут 'любовь, благосклонность', ко второму – 'жалость, сострадание'.

Как известно, лексика является областью языка, наиболее открытой для всякого рода внешних влияний, это область, в которой находят отражение все изменения, происходящие в социальной жизни общества. В последние десятилетия активно идёт процесс заимствования путём калькирования, а в большей степени транслитерирования англоязычной лексики, что вызвано развитием технологий и распространением интернета (файл, сайт, онлайн, скриншот, дедлайн, браузер, дисплей, логин, менеджер, прайс-лист и т. д.). Использование англицизмов и заимствований из современных иностранных языков обусловлено в большей степени экстралингвистическими причинами, такими как придание экспрессивности речи, демонстрация знания иностранного языка окружающим, частое употребление заимствований в СМИ. Многие носители того или иного языка часто считают иностранное слово более престижным по сравнению с соответствующим словом родного языка. Заимствования же из древних языков (латинского и древнегреческого) обусловлены, как показало наше исследование, интралингвистическими причинами: отсутствие эквивалента в родном языке, точность и однозначность понятия, разграничение синонимов. Отсутствие в языке эквивалентного слова является наиболее частой причиной лексического заимствования и в медицинской терминологии. Так, например, названия медицинских инструментов и приборов, которые невозможны без калькирования (транслитерирования) из латинского и греческого языков, т.к. в русском языке отсутствуют эквиваленты слова или понятия (термометр, тонометр, эндоскоп, томограф, кардиограф и др.), а также другие слова медицинской терминологии (инсульт, инфаркт, диабет, холера, ангина и др.), требуют объяснения значений терминов, а не перевода. Это же можно сказать и о некоторых прилагательных, используемых в медицинской терминологии: *supramastoideus* – расположенный над сосцевидным отростком, *retrobuccalis* – расположенный за щекой, *parapancreaticus* – расположенный около поджелудочной железы и др. В отличие от транслитерированных, созданные путём калькирования термины, сохраняют структурно-лингвистические особенности принимающего языка и в то же время обеспечивают узнаваемость их содержания в других языках.

Традиция использования классического фонда для терминообразования имеет свои исторические корни в каждом отдельном языке. За многие века существования эта традиция доказала свою жизнеспособность и преимущество перед другими способами словообразования [4, с. 276–277]. Многие слова латинского и греческого происхождения прочно вошли в русский язык и являются элементами интернационального языкового фонда научной лексики, в том числе и медицинской терминологии.

Список источников

1. Багана Ж. Калька и заимствование как результат иноязычного влияния / Ж. Багана и др. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. – 2007. – № 1 (9). – С. 5–10.
2. Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / Д. С. Лотте. – Москва : Наука, 1982. – 152 с.
3. Мечковская Н. Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков / Н. Б. Мечковская. – 2-е изд. – Москва : Флинта: Наука, 2001. – 312 с.
4. Новодранова В. Ф. Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии. *Laterculi vocum Latinarum et terminorum* / В. Ф. Новодранова ; Рос. академия наук ; Ин-т языкознания. МГМСУ. – Москва : Языки славянских культур, 2008. – 328 с.

5. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 19-е изд., испр. – Москва : Русский язык, 1987. – 750 с.
6. Петрученко О. Латинско-русский словарь / О. Петрученко. – Репринт IX-го издания 1914 г. – Москва : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1994. – 810 с.
7. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Просвещение, 1985. – 399 с.

References

1. Bagana Zh. et al. Tracing and borrowing as a result of foreign language influence. *Vestnik RUDN. Seriya Lingvistika = Bulletin of RUDN University. Series Linguistics.* 2007;1(9):5–10.
2. Lotte D. S. *Voprosy zaimstvovaniya i uporyadocheniya inoyazychnykh terminov i terminoelementov = Issues of borrowing and organizing foreign language terms and term elements.* Moscow: Nauka; 1982:152.
3. Mechkovskaya N. B. *Obshchee yazykoznanie: Strukturnaya i sotsialnaya tipologiya yazykov = General linguistics: Structural and social typology of languages.* 2nd ed. Moscow: Flinta: Nauka; 2001:312.
4. Novodranova V. F. *Imennoe slovoobrazovanie v latinskom yazyke i ego otrazhenie v terminologii. Laterculi vocum Latinarum et terminorum = Nominal word formation in the Latin language and its reflection in terminology. Laterculi vocum Latinarum et terminorum.* Moscow: Yazyki slavyanskih kultur; 2008:328.
5. Ozhegov S. I. *Slovar russkogo yazyka = Dictionary of the Russian language.* Ed. by N. Yu. Shvedova. 19th ed. Moscow: Russlii yazyk; 1987:750.
6. Petruchenko O. *Latinsko-russkiy slovar = Latin-Russian dictionary.* Reprint of the 9 ed. of 1914. Moscow: Greko-latinskiy kabinet Yu. A. Shichalina; 1994:810.
7. Rozental D. Ye., Telenkova M. A. *Slovar spravochnik lingvisticheskikh terminov = Dictionary-reference book of linguistic terms.* 3rd ed. Moscow: Prosveshhenie; 1985:399.

Информация об авторе

Е. В. Лапочкина – кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the author

E. V. Lapochkina – Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.02.2023; одобрена после рецензирования 20.05.2023; принята к публикации 26.05.2023.

The article was submitted 03.02.2023; approved after reviewing 20.05.2023; accepted for publication 26.05.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 74–79.
Humanitarian Researches. 2023;3(87):74–79.

Научная статья
УДК 81'373.43=111

НЕОЛОГИЗМЫ В ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

София Христофоровна Липириди

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
sofa.lipiridi@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2049-5923>

Аннотация. В статье анализируются лексические изменения, происходящие на текущем этапе развития английского языка. Лексическая система любого языка является наиболее подвижной и быстро развивающейся его частью. Именно лексика первой реагирует на все изменения в истории народа, она меняется по мере развития языкового сообщества, насыщаясь новыми лексическими единицами и находя отражение современных социальных тенденций. Поскольку процесс неологизации является отражением реальности, которая характерна для определённого сообщества, то, соответственно, возникающая новая лексика формирует определённое мышление народа. Одна из причин возникновения обозначена как мировая глобализация, включающая социальные, профессиональные, возрастные и групповые изменения. Несмотря на количество возможных классификаций неологизмов, большинство из возникших за последние десятилетия связано с развитием информационных технологий, онлайн коммуникации и науки.

Объектом изучения данной статьи стали новые слова в сфере экономики и бизнеса, а также их дефиниции, перевод и адаптации в русском языке. В статье также представлен анализ неологизмов современного английского языка в бизнес-сфере, многие из которых намного частотней отечественных аналогов и уже являются незаменимыми. Появление нового лексико-семантического варианта может быть обусловлено территориальной, национальной или профессиональной спецификой коммуникативной ситуации. В результате использования в речи носителя социолекта неологизм может приобретать иную коннотацию, которая и будет формировать новое лексическое и семантическое значение. Материалом для исследования послужили неологизмы, которые были отобраны методом сплошной выборки за период 2022–2023 гг. из различных словарей.

Ключевые слова: язык, неологизмы, онлайн-словарь, новые слова, неологизация, лексика

Для цитирования: Липириди С. Х. Неологизмы в деловом дискурсе современного английского языка // Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 74–79.

Research article

NEOLOGISMS IN THE BUSINESS DISCOURSE OF THE MODERN ENGLISH LANGUAGE

Sophia Ch. Lipiridi

Kuban State University, Krasnodar, Russia, sofa.lipiridi@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-2049-5923>

Abstract. The article analyzes the lexical changes taking place at the current stage of the development of the English language. The lexical system of any language is the most mobile and the most rapidly developing part of it. It is the vocabulary that reacts first to all changes in the history of the people, changes along with the development of the language collective, it changes as the language community develops, being saturated with new lexical units and reflecting modern social trends. Since the process of neologization is a reflection of the reality that is characteristic of a certain community, then, accordingly, the emerging

new vocabulary forms a certain thinking of the people. One of the reasons for the emergence is designated as a global globalization, including social, professional, age and group changes. Despite the number of possible classifications of neologisms, most of them that have arisen in recent decades are associated with the development of information technology, online communication and science.

The object of the present study of this article is new words in the field of economics and business, as well as their definitions, translation and adaptation in Russian. The article also presents an analysis of neologisms of the modern English in the business sphere, many of which are much more frequent than domestic analogues and are already irreplaceable. The appearance of a new lexico-semantic variant may be due to the territorial, national or professional specifics of the communicative situation. As a result of the use of a sociolect carrier in speech, neologism may acquire a different connotation, which will form a new lexical and semantic meaning. The material for the study was neologisms, which were selected by the continuous sampling method for the period 2022-2023 from various dictionaries.

Keywords: language, neologisms, online-dictionary, new words, neologization, vocabulary

For citation: Lipiridi S. Ch. Neologisms in the business discourse of the modern English language. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;3(87):74–79 (In Russ.).

Язык – живой организм, и все события, происходящие в жизни общества, его настроения находят отражение в словарном составе языка. Новые слова создаются для обозначения новых явлений, для детализации существующих, для устранения, по возможности, двусмысленности термина [2].

По прошествии времени создаются абсолютно новые слова или новые дефиниции для действующих слов, для выражения концепции или идеи, обозначаемой другими словами до этого или, вероятно, не существующей прежде вовсе. Таким образом, неологизмы зачастую служат для обогащения словарного запаса языка. Появление новых слов является первостепенным свидетельством жизнеспособности любого языка полного примеров развития цивилизации и богатства всех человеческих знаний.

Процесс неологизации европейских языков порождает необходимость изучения неологизмов и приводит к развитию неологии как отдельной отрасли лексикологии. В современной науке существует неподдельный интерес к проблемам образования, семантики, перевода и особенностей использования неологизмов. А. А. Гальцева отмечает, что «новые лексические единицы – следствие иного восприятия действительности, необходимости обозначения возникшей реалии» [1].

В данной статье представлен анализ неологизмов современного английского языка за 2022–2023 гг. Источниками исследования стали статьи онлайн-словарей Cambridge Dictionary, Word Spy, Urban Dictionary, фиксирующие новую лексику.

Основными тематическими группами, содержащими наибольшее количество новых слов в английском языке, являются: повседневная жизнь, семья, социальная жизнь и политика, бизнес, наука и техника, медицина и здоровье, культура.

Однако, безусловно, наибольшее количество новых слов приходится на деловую и связанную с ней экономическую коммуникацию. Это сопряжено с развитием международных экономических отношений, экономической глобализацией и бизнес экспансией, а также доминированием передовых западных технологий и всё возрастающей ролью английского как средства международной коммуникации.

Высокая социальная значимость явлений и самих терминов зачастую выходит за рамки специализированного языкового обихода и используется массово СМИ.

В сфере трудовых отношений и социальной поддержки работников можно выделить появление следующих неологизмов: **anti-perk**, **boomerang employee**, **productivity theatre**, **bossware**, **rage applying**, **quiet thriving**, **hustle culture**.

Представители различных компаний полагают, что соцпакет должен способствовать повышению мотивации и производительности работников. Работодатели чаще всего формируют соцпакет из следующих компонентов: ДМС, материальная поддержка в различных жизненных ситуациях, оплата расходов на мобильную связь и интернет, предоставление ноутбука / телефона / автомобиля, оплата программ обучения и переквалификации. В английском языке появился такой неологизм, как **anti-perk** (*an advantage someone is given because of their job that is in fact not useful or helpful – бесполезное преимущество или льгота для сотрудников*) [3]. Какие-то льготы фигурируют как “best perks”, какие-то как “anti-perks”. Безусловно, данное деление условно и работодатели должны помнить, что антильготы для одних сотрудников являются выгодными льготами для других.

Весьма частотны случаи, когда уволившийся сотрудник, через какое-то время пытается восстановиться на место работы. Повторное трудоустройство является обычным явлением для крупного и среднего бизнеса Европы и Запада, что привело к появлению специального термина, обозначающего подобных «возвращенцев» – **boomerang employees** (*someone who goes back to work for a company they have already worked for in the past – тот, кто возвращается на работу в компанию, в которой он уже работал раньше*) [3] – так называемый «сотрудник-бумеранг». По статистике основными причинами, по которым люди решают уйти, являются: отсутствие взаимопонимания между руководством и сотрудником, баланс между работой и личной жизнью, желание перемен, а также отсутствие карьерного роста.

Бывают дни, когда уровень занятости на работе минимальный, а уровень контроля над вашими действиями – максимальный. В таком случае смело прибегайте к **productivity theatre** (*a way someone behaves at work that makes them appear to be working very hard, even if this is not the case – имитация бурной деятельности на работе*) [3], то есть делайте вид, что вы очень заняты и постоянно «в делах». Дословно «театр продуктивности».

К системам глубокого мониторинга отслеживания работы сотрудника относится так называемая «следилка», в английском языке обозначающаяся термином **bossware** (*a type of software that employers can use to monitor what their employees are doing on their computers – тип программного обеспечения, которое работодатели могут использовать для контроля того, что делают их сотрудники на своих компьютерах*) [5]. Внедрение “bossware” приносит больше неприятностей и рисков, чем его отсутствие.

Профессии будущего без должного освоения могут оказаться заняты роботами с искусственным интеллектом. В работе специалистов сферы развлечения и информационных технологий будет важно не только содержание, но и способ презентации материала на стыке реального, виртуального / вымышленного миров. Тем самым кооперация деятелей культуры и искусственного интеллекта превращает медиа в отдельный сектор. Так, появляются новые профессии, определяющие становление новой модели сферы труда: **digital removalist** (*someone whose job is to remove any content from a person's social media posts that may harm their reputation – кто-то, чья работа заключается в том, чтобы удалять любой контент из постов в социальных сетях человека, который может нанести вред их репутации*) [3]; **denim archaeologist** (*someone whose job is to find and study old items of clothing made from denim – кто-то, чья работа это найти и изучать старые предметы одежды, сделанные из джинсовой ткани*) [3]; **cyber ambassador** [3] (*a person who helps other people use the internet safely and protect themselves and their*

computer information against crime or attacks carried out online – человек, который помогает другим людям безопасно использовать Интернет и защищать себя и свою компьютерную информацию от преступности или атак, кибер криминал в сети). Такие неологизмы достигли пика популярности в нашем веке из-за влияния Интернета на различные сферы деятельности. Префикс “cyber-” имеет значение «относящийся, связанный с компьютерами».

За последние два-три года корпоративный сектор столкнулся со многими актуальными тенденциями. Данные тенденции изменили рабочую динамику организаций и вынудили предприятия адаптироваться к новым реалиям. Одна из таких тенденций, которая вошла в корпоративную моду – это применение **rage applying** [3] (*действие, заключающееся в импульсивной подаче заявления на несколько новых мест работы только потому, что ваша нынешняя работа в данный момент делает вас несчастным или злым*). Данное явление происходит, когда сотрудник чувствует, что работодатели его недооценивают, и тогда он в гневе решает отправить резюме в разные сферы деятельности, стремясь скорее сменить обстановку.

Ещё в прошлом году западные СМИ и соцсети бурно обсуждали на то время популярные тенденции на рынке труда: **quiet quitting** [4] (*a terminology mainly used by employers and industry to describe employees' refusal to be exploited through means such as overtime, unpaid work or doing work outside of their responsibilities – терминология, в основном используемая работодателями для описания отказа работников от эксплуатации с помощью таких средств, как сверхурочная работа, неоплачиваемая работа или выполнение работы, выходящей за рамки их обязанностей*), **quiet firing** [3] (*an expression used as fight back on the term 'quiet quitting'. Term for employers who don't evaluate fairly the employee's commitment and work, leaving them in the same position / salary for years without a clear path for career growth – выражение, используемое в качестве отпора термину «тихий уход». Термин для работодателей, которые несправедливо оценивают целеустремленность и работу сотрудника, оставляя его на одной и той же должности / зарплате в течение многих лет без чёткого пути карьерного роста*) and **loud leadership** [4] (*style in which a manager is highly engaged with their employees, works to understand the obstacles to their team's well-being and work-flows, proactively solves problems and makes the career development of their team members a priority – стиль, в котором менеджер тесно взаимодействует со своими сотрудниками, работает над пониманием препятствий на пути благополучия своей команды и рабочих процессов, активно решает проблемы и делает карьерный рост членов своей команды приоритетом*). Все эти тенденции особенно обсуждались, когда речь заходила о расстановке приоритетов для себя как сотрудника.

Неологизм **quiet quitting** по-русски имеет значение «тихое увольнение». На самом деле об увольнении речь не идёт: **quiet quitting** – это такая расстановка приоритетов, при которой работа просто не воспринимается как место для самореализации. Речь идёт о том, что сотрудники не увольняются, но работают «без огонька»: выполняют минимум своих обязанностей и всегда уходят с работы вовремя.

Профессиональное выгорание часто является синонимом эмоционального выгорания, тяжёлым психологическим состоянием, сопровождающимся кахексией как моральных, так и физических человеческих ресурсов, обусловленной рабочим стрессом. Рано или поздно у всех наступает такой момент, когда от своей работы или от своего любимого дела ты не получаешь радостных эмоций, замечаешь отсутствие вдохновения. Важно вовремя обратить на это внимание и принять меры. Так, сейчас набрало обороты такое явление, как **quiet thriving** [3] (*деятельность по внесению небольших изменений в то, как вы работаете, чтобы помочь вам чувствовать себя счастливее*

и более удовлетворённым своей работой), заключающееся в том, чтобы вновь разжечь эту искру без ущерба для вашего благополучия.

Наверное, самое популярное слово в мире предпринимательства сейчас – **hustle culture** [3] (*идея о том, что работа должна быть самой важной вещью в вашей жизни и что работать долгие часы и не брать отгулов – единственный способ добиться успеха*). В английском языке слово “hustle” переводится как «суетиться». Учёные провели много экспериментов и доказали, что усиленная работа не улучшает ни креативность, ни продуктивность, у всего должна быть «золотая середина». Существует даже так называемый девиз культуры Hustle: «Преодолевать, идти вперед, бороться». Так выглядит культура хастла (hustle) – этим модным словом сейчас называют экстремальный трудовоголизм. Внешне культура хастла кажется энергичным и мотивирующим движением, которое приносит ожидаемые награды. Для большинства людей сверхурочная работа обычно ассоциируется с более быстрым продвижением по карьерной лестнице, получением шестизначной суммы за максимально короткий промежуток времени или получением пассивного дохода благодаря круглосуточной напряжённой работе. Это вера в то, что вы можете преуспеть и достичь всего, чего хотите в жизни, если будете достаточно усердно работать. Иногда усердной работы недостаточно, и хронический трудовоголизм может быть пагубным в долгосрочной перспективе. Можно сказать, что практика культуры хастла – это самопожертвование своего рода. Главное – провести чёткую грань между продуктивностью и переутомлением, уравновесив как свою личную жизнь, так и работу. Нужно уметь постепенно устанавливать для себя границы, чтобы не стать жертвой бесконечного рабочего цикла.

Следует отметить, что неологизмы в сфере бизнеса являются одними из преобладающих на современном этапе становления общества, что объясняется развитием социально-экономических отношений и глобализации межкультурной коммуникации.

Современный английский язык, который идентифицирует новые реалии, помимо прочего отражает потребности общества в выражении новых понятий, возникающих в результате развития информационных и мобильных технических средств, стремления к выражению мыслей экономными способами, растущей популярности социальных сетей и достижений в различных областях профессиональной деятельности, а также переоценке существующих слов и выражений.

Соответственно, можно говорить о том, что социально-экономический прогресс привёл к резкому расширению словарного запаса, изменению привычных коннотаций знакомых слов, бурному словотворчеству. Новая лексика отражает аксиологическую трансформацию и обладает большим потенциалом. Процесс неологизации отражает адаптацию к социальному контексту. В рассмотренных неологизмах отражаются личностные установки создателей нового общественного сознания, что в свою очередь позволяет наблюдать через семантический и комплексный анализ лексики определённого дискурса особенности изменения мировоззрения.

Список источников

1. Гальцева А. А. Неологизмы XXI века / А. А. Гальцева. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/Mneologizmy-xxi-veka> (дата обращения: 23.03.2023).
2. Рацибурская Л. В. Сложные новообразования как игровая составляющая современных медиатекстов / Л. В. Рацибурская // Уральский филологический вестник. Сер.: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. – 2016. – № 2. – С. 205–212.
3. Cambridge Dictionaries Online. – URL: <http://dictionaryblog.cambridge.org>.
4. Urban Dictionary. – URL: <https://www.urbandictionary.com/>.
5. Word Spy: The Word Lover's Guide to New Words. – URL: <https://www.wordspy.com/>.

References

1. Galtseva A. A. *Neologizmy XXI veka = Neologisms of the XXI century*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/Mneologizmy-xxi-veka> (accessed: 23.03.2023).
2. Ratsiburskaya L. V. Complex new formations as a game component of modern media texts. *Uralskiy filologicheskiy vestnik. Seriya "Yazyk. Sistema. Lichnost: lingvistika kreativa"* = *Ural Philological Bulletin. Series "Language. System. Personality: creative linguistics"*. 2016;2:205–212.
3. Cambridge Dictionaries Online. URL: <http://dictionaryblog.cambridge.org>.
4. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/>.
5. Word Spy: The Word Lover's Guide to New Words. URL: <https://www.wordspy.com/>.

Информация об авторе

С. Х. Липириди – кандидат филологических наук, старший преподаватель.

Information about the author

S. Ch. Lipiridi – Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 17.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.

The article was received in the editorial office on 15.05.2023; approved after review on 17.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 80–84.
Humanitarian Researches. 2023;3(87):80–84.

Научная статья
УДК 81

**ЗАГОЛОВОК СТАТЬИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ:
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Елена Николаевна Лучинская¹, Белла Семеновна Кабаньян²

^{1, 2}Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹bekketsam@yandex.ru

²bell12bell@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению заголовков общественно-политических журналов. Общественно-политический журнальный дискурс формирует медийную картину мира, которой свойственно отражать процессы постоянного изменения политической, экономической, социальной и культурной реальности, становящейся все более комплексной, информационно насыщенной и сложной для восприятия и описания. В статье рассматривается функционально-стилистический аспект заголовка статей общественно-политических журналов как разновидности общественно-политического дискурса. Выявляются коммуникативные особенности общественно-политического дискурса: институциональность, идеологичность, интертекстуальность; определяются основные функции заголовка общественно-политического журнала: информативная, номинативная, прагматическая. Полифункциональность является важной характеристикой заголовков СМИ. Заголовок является значимым вербальным элементом статьи, он представляет собой коммуникативное сообщение, прагматической установкой которого является передача главной идеи автора статьи с целью побуждения аудитории к прочтению. Специфика заголовков статей, различные интертекстуальные включения, разнообразные стилистические средства языка являются важным приёмом достижения целей коммуникативного воздействия в журнальном дискурсе и способом передачи когнитивно значимой информации. В целях прагматического воздействия в заголовках статей общественно-политических журналов широко применяются разнообразные стилистические приёмы: персонификация, метафора, антитеза, градация, фразеологические единицы. Эти средства выразительности создают особый образ заголовка статьи. Они выполняют не столько информирующую, сколько прагматическую (воздействующую), экспрессивно-оценочную и идеологическую функции. В процессе исследования общественно-политического дискурса по материалам современных журналов мы столкнулись с разнообразием лингвистических средств репрезентации дискурса. Проведённое исследование позволило сделать вывод, что информационная специфика общественно-политического дискурса способствует созданию определённой медийной картины мира у читателей журналов данной тематики.

Ключевые слова: общественно-политический журнальный дискурс, медийный дискурс, медийная картина мира, интертекстуальность, функционально-прагматический подход

Для цитирования: Лучинская Е. Н., Кабаньян Б. С. Заголовок статьи в общественно-политическом журнале: функционально-стилистический аспект // Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 80–84.

Research article

**THE HEADLINE OF A SOCIAL-POLITICAL MAGAZINE:
FUNCTIONAL AND STYLISTIC ASPECT**

Elena N. Luchinskaya¹, Bella S. Kabanyan²

^{1, 2}Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹bekketsam@yandex.ru

²bell12bell@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the headlines of social-political magazines. Social-political magazine discourse forms a media picture of the world, which tends to reflect the processes of constant change in political, economic, social and cultural reality, which is becoming more complex, information-rich and difficult to perceive and describe. The article discusses the social-political magazine discourse, the headlines of social-political magazines. The communicative features of social-political discourse are revealed: institutional, ideological, intertextuality. The considered material allowed us to highlight some of the main functions of the headline of a social-political magazine: informative, nominative, pragmatic. Multifunctionality is an important characteristic of media headlines. The headline is a significant verbal element of the article, it is a communicative message, a pragmatic setting of which is to convey the author's main idea in order to encourage the audience to read it. The analysis of examples clearly illustrates the specifics of the headings, various intertextual inclusions, various stylistic means of the language, which are an important technique for achieving the goals of communicative influence in magazine discourse and a way of transmitting cognitively significant information. As the analyzed material showed, various stylistic devices are widely used for pragmatic impact in the headlines: personification, metaphor, antithesis, gradation, phraseological units. These means of expression create a special image of the headlines. They perform not only informative, but pragmatic (influencing), expressive-evaluative and ideological functions. In the process of researching social-political discourse based on the materials of modern magazines, we came across a variety of linguistic means of discourse representation. The study made it possible to conclude that the information specificity of social-political discourse contributes to the creation of a certain media picture of the world among readers of magazines.

Keywords: social-political discourse, media discourse, media picture of the world, intertextuality, functional-pragmatic approach

For citation: Luchinskaya E. N., Kabanyan B. S. The headline of a social-political magazine: functional and stylistic aspect. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;3(87):80–84 (In Russ.).

В основу проведённого исследования была положена гипотеза, в соответствии с которой общественно-политический журнальный дискурс является не только важным, но и самостоятельным средством в формировании общественного мнения читателей и медийной картины мира в пространстве общественно-политического дискурса. Эта гипотеза была основана, как минимум, на двух общетеоретических предпосылках.

Во-первых, сама суть общественно-политического журнального дискурса заключается в том, чтобы представлять медиатексты (статьи, заметки, комментарии и пр.), передающие актуальную информацию о происходящих в обществе изменениях, и эти свойства журнала естественно рассматривать как нейтральные проявления медийного дискурса, в рамках которого протекает общение автора и читателя.

Во-вторых, очевидной является чрезвычайно высокая степень манипуляции, которая часто используется авторами статей для формирования заданной медийной картины мира посредством различных экспрессивных языковых средств.

Для полного и всестороннего анализа отобранного материала нами применялись когнитивно-прагматический и функциональный подходы к критическому анализу общественно-политического журнального дискурса и проблеме формирования картины мира читательской аудитории. Под введённое понятие политического дискурса адаптировалась методика критического дискурс-анализа. Под термином «общественно-политический дискурс» понимается совокупность форм общения субъектов политической деятельности в сфере их институциональной коммуникации.

Фактическим материалом исследования послужили заголовки интернет-версий общественно-политических журналов «Коммерсант», «Профиль», РБК. Данные общественно-политические журналы являются авторитетными

качественными изданиями, новостная повестка которых предназначена широкому кругу читателей.

Коммуникативными особенностями дискурса общественно-политических журналов являются: институциональность как обязательный атрибут политической коммуникации; идеологичность как средство выражения и конструирования идеологий; интертекстуальность как свойство воспроизводства в политических текстах определённых идеологем и динамичность как свойство политического дискурса оперативно и актуально отражать реалии современности.

В рамках данной работы выделим некоторые основные функции заголовка интернет-прессы: информативную, номинативную, прагматическую. Стоит отметить, что прагматическая функция вбирает в себя характеристики рекламной, контактоустанавливающей и оценочно-экспрессивной функций. При этом выделенные функции взаимосвязаны, что доказывает полифункциональность заголовков интернет-версий общественно-политических журналов.

Вслед за Е. Н. Малюга, С. Н. Орловой отмечаем, что «в СМИ выделяется коммуникативный лидер (автор статьи), обладающий информацией в соответствии с ситуацией общения и способный передать её адресату (читателю). Автор статьи осуществляет коммуникативную связь с читателем, передавая ему сообщение. Такая коммуникативная связь соответствует лингвистической модели: адресат – сообщение – код – адресант. Расположение заголовочных комплексов в статье превращает выбранное для него высказывание в речевое действие» [3]. Прагматическая направленность заголовков, таким образом, выражается во взаимосвязи с получателем информации. В связи с этим автор статьи старается создать заголовок, который повлияет на читателей, возбудит интерес, привлечёт внимание к статье. Кроме того, он может оказать эмоциональное влияние, затронуть чувства и вызвать разные эмоции у читателя. Таким образом, можно говорить о коммуникативном эффекте, т. е. о прагматическом потенциале.

В то же время связь между дискурсом общественно-политического журнала и такими свойствами текста, как интертекстуальность, идеологичность, стереотипичность, медийность, не является однозначной. В результате проведённого исследования удалось установить, что тенденция к манипуляции может выражаться исключительно посредством использования интертекста, тропов, символов и прецедентных феноменов.

Приём **персонификации** часто встречается в заголовках современных общественно-политических журналов. Под персонификацией понимается приём приписывания неодушевлённому предмету характеристик живого объекта. Такие заголовки привлекают внимание к своему материалу, а также позволяют кратко и в лаконичной форме передать сообщение. В процессе анализа заголовков общественно-политических журналов можно сделать вывод, что отличительной особенностью является наделение характеристиками одушевлённого субъекта какой-то страны или организации в роли, которой чаще всего выступают государственные деятели, политики, граждане, например:

«**Израиль** ушёл, но обещал вернуться» – о завершении израильской операции в Дженине;

«**«Ростех»** завершил госиспытания первой в истории России колесной гаубицы «Мальва»».

Для создания контраста между описываемыми событиями, для акцентирования внимания аудитории и для большей выразительности используется стилистический приём **антитеза**. В словаре литературоведческих терминов антитеза – это противопоставление образов и понятий для создания резкого контраста [4]:

«**Сентябрь** начинается в **июле**» – депутатам-единороссам рекомендуют не забывать об осенних выборах даже во время отпуска;

«Поздравить **победителей** и подбодрить **проигравших**» – парламентариям предлагается поздравить лидеров голосования и подбодрить тех, кто победить не смог.

Градация – стилистический приём: такое расположение слов (словосочетаний, частей сложного предложения), при котором каждое последующее усиливает (реже ослабляет) значение предыдущего [4]. Использование градации в заголовках связано с усиленным эмоциональным воздействием на аудиторию:

«**Быстрее, выше, дороже**». Депутаты рассказали министру спорта, где взять денег на спортсменов и физкультурников.

Использование **фразеологизмов** в дискурсе является одним из самых распространённых лексических приёмов, встречающихся как в заголовках, так и в текстах журнальных статей. Фразеологизмы – неделимые, устойчивые по составу и структуре, целостные по значению словосочетания, воспроизводимые в виде готовых речевых единиц [1, с. 166–167]:

«И вновь **власть оказалась в дураках**», использован фразеологизм «*остаться в дураках*», т. е. оказаться в глупом, смешном положении.

Дискурс общественно-политических журналов заполнен самыми разнообразными видами **интертекстуальных ссылок**, от прямых цитат до, порою, довольно тонких аллюзий, а источником часто являются прецедентные тексты из художественной литературы и кино:

«Израиль **ушёл, но обещал вернуться**». Шутливое выражение надежды на то, что кто-либо, неожиданно исчезнувший, вернётся или что-либо пропавшее найдётся (мультфильма «Малыш и Карлсон»).

Отличительной прагматической особенностью заголовка общественно-политического журнала является то, что обращенность к читателю выражена в нем значительно ярче, чем в тексте самой статьи, поскольку заголовки обладают прагматическим потенциалом, т. е. способностью производить коммуникативный эффект, оказывать определённое эмоциональное воздействие на реципиента. Как отмечают Е. Н. Лучинская и Л. Э. Уафа, «семиотика политического дискурса характеризуется использованием субъектами политики таких языковых знаков, которые способствуют реализации политических целей или эффективного воздействия на большую аудиторию» [2, с. 46].

Под манипуляцией в настоящем исследовании понимается дискурсивное программирование общественных мнений, нацеленное на обеспечение выгодного манипуляторам поведения, причём это скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен читателем – объектом манипуляции.

В процессе исследования было выявлено, что общественно-политический журнальный дискурс оказывается пространством формирования таких доминантных топиков, репрезентированных в ключевых концептах «Политика / Politics», «Лидер / Leader», «Народ / People», «Общество / Society». Как показывает материал, правомерно выделить эти ключевые концепты как важные составляющие общественно-политического дискурса в целом, который, как отмечают многие исследователи, до сих пор не имеет чёткого определения в науке.

Ценностная доминанта априорно реализует оппозицию «Власть – Народ», функцией которой является сплочение с целевой аудиторией и отчуждение от чужой. Дискурс политического комментария в средствах массовой информации является основным источником знаний аудитории о действиях сторон, вовлечённых в обсуждение актуальных проблем. Суть ориентирующей и манипулятивной функций дискурса общественно-политического журнала сводится к тому, что созданная медийная картина мира изначально принимается на веру как реальная картина мира.

Выявленные в процессе анализа языкового материала феномены, как правило, нельзя полностью соотносить с ранее отмеченными характеристиками изданий СМИ. Это позволяет высказать предположение, что формирование концептосферы общественно-политического журнального дискурса подчиняется собственным принципам, лишь отчасти связанным с другими средствами массовой коммуникации, и заголовок статьи играет определяющую роль в получении актуальной информации.

Список источников

1. Гришаева Л. И. Прецедентный текст как модель осмысления действительности / Л. И. Гришаева // Содержание единиц языка и текста / ред. М. К. Сабанеева. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2003. – С. 148–156.
2. Лучинская Е. Н. Семиотико-функциональные характеристики эмотивной лексики в политическом дискурсе / Е. Н. Лучинская, Л. Э. Уафа // Гуманитарные исследования. – 2022. – № 3 (83). – С. 44–48.
3. Малюга Е. Н. Функционально-прагматические параметры кодифицированных и некодифицированных экономических терминов в заголовочных комплексах англоязычных СМИ / Е. Н. Малюга, С. Н. Орлова // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Лингвистика». – 2015. – № 6. – С. 67–74.
4. Словарь литературоведческих терминов / под ред. С. П. Белокуровой. – 2005. – URL: <http://grammar.ru/LIT/?id=3.0>.
5. Коммерсантъ. – URL: <https://www.kommersant.ru/>.

References

1. Grishaeva L. I. Precedent text as a model for understanding reality. *Soderzhanie yedinits yazyka i teksta = Content of language and text units*. Ed. by M. K. Sabaneeva. St. Petersburg: St. Petersburg State University; 2003:148–156.
2. Luchinskaya E. N., Uafa L. E. Semiotic and Functional Characteristics of Emotive Vocabulary in Political Discourse. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;3(83):44–48.
3. Malyuga E. N., Orlova S. N. Functional and pragmatic parameters of codified and non-codified economic terms in the heading complexes of the English-language media. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya "Lingvistika" = Vestnik Moscow State Region University. Series "Linguistics"*. 2015;6:67–74.
4. *Slovar literaturovedcheskikh terminov = Dictionary of literary terms*. Ed. by S. P. Belokurova. 2005. URL: <http://grammar.ru/LIT/?id=3.0>.
5. *Kommersant*. URL: <https://www.kommersant.ru/>.

Информация об авторах

Е. Н. Лучинская – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой;
Б. С. Кабаньян – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

E. N. Luchinskaya – Doctor of Philological Sciences, Head of department;
B. S. Kabanyan – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Статья поступила в редакцию 29.07.2023; одобрена после рецензирования 01.09.2023; принята к публикации 03.09.2023.

The article was submitted 29.07.2023; approved after reviewing 01.09.2023; accepted for publication 03.09.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 85–91.
Humanitarian Researches. 2023;3(87):85–91.

Research article
УДК 81

**SOME LEXICAL ASPECTS OF THE TEXTS OF THE
ENGLISH-LANGUAGE RELIGIOUS-POPULAR DISCOURSE**

Yulia V. Ocheredko¹, **Olga V. Chursina²**

¹Moscow International University, Moscow, Russia

²Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia

¹y-ocheredko@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is to identify and describe certain lexical features of the texts of the English-language religious-popular discourse. To achieve the goal, the cases of use and functional features of the most characteristic lexical units of this type of discourse were analyzed. In the course of the study, some texts of books, articles and magazines related to English-language religious and popular literature were considered. In the course of the analysis, the authors reveal that the specifics of the lexical design of such texts is the frequent use of certain religious concepts, proverbs and phraseological units, expressing the main content of each particular teaching and its religious orientation. The study also revealed examples of the use of poeticisms, book words, archaisms, abbreviations, nomenclature words and neologisms that perform a characteristic function, linking the described events to a specific time and place. It is also established that the use of abbreviations, nomenclature words and lexical neologisms is aimed at determining the geographical prevalence and thematic orientation of texts. In addition, it is concluded that the use of stylistic vulgarisms in oral speech, revealed as a result of a survey of informants, performs a special expressive and semantic function and serves as a means of expressing the feelings of the speaker.

Keywords: the English-language religious-popular discourse, religion, lexeme, phraseology, archaism, neologism, proverb

For citation: Ocheredko Yu. V., Chursina O. V. Some lexical aspects of the texts of the English-Language religious-popular discourse. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;3(87):85–91 (In Russ.).

Научная статья

**НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕКСТОВ
АНГЛОЯЗЫЧНОГО РЕЛИГИОЗНО-ПОПУЛЯРНОГО ДИСКУРСА**

Юлия Владимировна Очередько¹, **Ольга Владимировна Чурсина²**

¹Московский международный университет, Москва, Россия

²Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева,
Астрахань, Россия

¹y-ocheredko@yandex.ru

Аннотация. Целью данной статьи является выявление и описание определённых лексических особенностей текстов англоязычного религиозно-популярного дискурса. Для достижения цели были проанализированы и рассмотрены случаи употребления и функциональные особенности наиболее характерных лексических единиц данного вида дискурса. В ходе исследования были изучены некоторые тексты книг, статей и журналов, относящиеся к англоязычной религиозно-популярной литературе. В ходе анализа авторы выявляют, что специфику лексического оформления таких текстов составляют: частотное употребление некоторых религиозных понятий, пословиц и фразеологизмов, выражающих основное содержание каждого конкретного учения и его религиозную направленность. Также в ходе исследования были выявлены

примеры употребления поэтизмов, книжных слов, архаизмов, сокращений, номенклатурных слов и неологизмов, выполняющие характерную функцию, привязывая описываемые события к определенному времени и месту. Также установлено, что использование аббревиатур, номенклатурных слов и лексических неологизмов, направлено на определение географической распространенности и тематической направленности текстов. Кроме того, делается вывод о том, что выявленное в результате опроса информантов использование стилистических вульгаризмов в устной речи, выполняет особую экспрессивно-семантическую функцию и служит средством выражения чувств говорящего.

Ключевые слова: англоязычный религиозно-популярный дискурс, религия, лексема, фразеологизм, архаизм, неологизм, пословица

Для цитирования: Ocheredko Yu. V., Chursina O. V. Some lexical aspects of the texts of the English-Language religious-popular discourse // Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 85–91.

Perception of the text, being a semantically oriented process, implies paying special attention to its constituent elements. The basic unit of the language is a word, in the semantics of which the subject-logical aspect of meaning (denotation) and the expressive-emotional aspect of meaning (connotation) are distinguished. At the same time, the connotative meaning of the word includes functional-stylistic, evaluative, emotional and expressive-figurative components. Together, these components provide the word with "the ability to convey not only purely logical, easily perceived content, but also to make an aesthetic and cognitive impression" [1, p. 87]. Modern linguists in two spheres examine the word: 1) paradigmatic – in the associative field in which the given word is located) and 2) syntagmatic – in those real or possible linear relations that are realized in the context. Based on the paradigmatic (internal) and syntagmatic (external) criteria characterizing the meaning and content of a word A.N. Morokhovskiy divides the entire set of words of modern English from a stylistic point of view into two subsets. They are: 1) words that have a lexical, stylistic paradigm (archaisms, barbarisms and foreign words, poeticism, book words, stylistic neologisms, slang, colloquialisms, jargon, dialect, professionalism, vulgarisms); 2) words that do not have a lexical-stylistic paradigm (stylistically neutral words, terms, nomenclature words, historicisms, lexical neologisms, exotic words) [4, p. 98–99]. At the same time, words that have a lexical-stylistic paradigm, depending on the nature of their connotative meaning, can be divided into two groups: words of a high stylistic tone (used mostly in bookish, literary-processed speech) and words of a reduced stylistic tone (used mainly in colloquial, everyday speech).

The English-language religious-popular discourse, representing an intermediate phenomenon between institutional (religious), mass communication and everyday discourses, is a multi-genre variety of monologue and dialogue speech characterized by a number of specific means. In this regard, the peculiarity of the speech communication of the participants of this type of discourse consists in the use of lexical units belonging to different styles in accordance with the pragmatic goals of this type of communication. Let us consider the cases of usage and functional features of the most characteristic lexical units of the English-language religious-popular discourse. To do this, we have studied and analyzed some texts of books, articles and journals related to the English-language religious-popular discourse. They are: 1) books: Jehovah's Witnesses: proclaimers of the God's Kingdom (1993); Reverend Sun Myung Moon: Peacemaker and Unifier (1990); 2) journals: The Watchtower (April 15, 2007; July 1, 2007; January 1, 2008; May 1, 2008); Awake! (June 2007; May 2008).

Poeticism in the modern English language (in general) and in the English-language religious-popular discourse (in particular) are rarely used as "signs" of poetic speech. In the texts we are considering, the stylistic marking of poeticism is revealed by comparing them with neutral words or units of colloquial style. For example, *"If you are married, your closest neighbor is your **spouse**, so be honest*

and specific about feelings when talking to your **mate** (spouse (poet.) – husband, wife, life companion. [5, p. 698] // mate (colloq.) – spouse [5, p. 446]). Another example: “A small congregation of Jehovah’s Witnesses in Gizo was looking to observing the annual Memorial of Jesus’ death that **even**. Then, at 7:39 a. m. local time, the **quake** struck” (even (poet.) – evening [5, p. 245] // quake (colloq.) – earthquake [5, p. 586]). In these examples, the lexical units “spouse” and “quake” are used to create a stronger effect, to emphasize the seriousness of the situations described. For the same purpose, archaisms (words or expressions that have fallen out of everyday use) are used. For example, “A surprising number of disasters are at least partially man-made. Consider, for example, the **woes** that afflicted residents of the hurricane-flooded city of New Orleans, U.S.A...” (woe (book word) – grief, trouble [5, p. 834]).

The expression of the importance, significance and reliability of the expressed thought can also be emphasized by the use of so-called “book words” (words not peculiar to everyday colloquial speech, the use of which is caused by the desire for literary refinement or elegance of speech) [2, p. 46]. For example, “As demonstrated in the **altercation** quoted earlier, some problems may evoke strong emotions” (“altercation” – quarrel). Lily: “Couples who show respect allow each other to talk freely and **endeavor** to hear what is meant, not just what is said” (“endeavor” is the American version of the word “endeavour” – attempt [5, p. 237]). The use of the lexemes of quarrel and effort instead of quarrel and attempt in the examples given, in our opinion, is justified by the fact that these proposals are mostly instructive in nature, being instructions and pedagogical discourse in accordance with the norms, should in no way humiliate the addressee’s self-esteem. In addition, the use of book words in the texts we are examining is mainly due to the fact that their authors are trying to give a scientific explanation of their opinions, citing links to scientific journals, scientific books, quotes from scientists (with mandatory mention of their scientific title or position). For example, the article titled “God’s Love Manifests Itself in Maternal Love” contains the following sentence: “Regarding the importance of a mother’s love, Alan Schore, a professor of psychiatry at UCLA School of Medicine in the United States, says: “The child’s first relationship, the one with the mother, acts as a template, as it permanently molds the individual’s capacities to enter into all later emotional relationships”. Thus, the author of the article, referring to the professor of psychiatry, emphasizes the importance and significance of his thoughts.

Using archaisms, archaic forms of words and book-words in the texts of the English-language religious-popular discourse is also explained by the use of quotations from the Bible and other scriptures, since the texts we are considering have a religious orientation. For example, “If you desire to do God’s will, you can be sure that he will give you his holy spirit to help sustain you. But you must ask for it. (Luke 11:13)”. Another example: “Jesus Christ pointed to the destruction of Sodom and Gomorrah and to the Flood of Noah’s day as examples of Jehovah’s selective use of destructive power. – Matthew 24:3, 37–39; Luke 17:26–30.

Special attention should be paid to the use of the lexeme “God” in various combinations. Despite the fact that religious-oriented literature in English includes texts of various religious teachings, nevertheless, in the texts we are considering, the God lexeme (without mentioning the personal name of God) has frequent use. An important characteristic of the use of combinations with the word God, in our opinion, is that God appears as an animate being: in the texts we are considering, there is often a construction with the word “God” in the possessive case of the type “God’s + object”, which emphasizes the animation of God. The construction with the word God and the preposition of, which does not emphasize such animation, is also found in the texts of the English-language popular religious discourse, but much less often. As a whole, such constructions that reveal the idea of God in the English language can be divided into several groups, which include:

1) Characteristics of God: *God's image, God's mind, God's personal name, God's hands, God's spirit, God's qualities, choice of God, God's original purpose.*

2) God's actions: a) God created everything in the world: *God's sovereignty, God's kingdom, God's laws, God's power;* b) God helps people: *God's guidance;* c) God punishes and pardons: *God's power, power of God, God's love;* d) God forgives sins: *God's will, God's word;* e) God protects from evil: *God's backing;* f) God gives you everything you need: *God's gift.*

3) God's Domain: a) *The whole world: God the Father;* b) *People: servants of God;* c) *Holy Places: the tent of God.*

4) A person's attitude to God: a) *Gratitude: the glory of God;* b) *Supplication, prayer: believe in God, need for God, prayers to God.*

Thus, it can be concluded that the frequent use of the God lexeme in the texts of the English-language popular religious discourse reflects not only the importance and multidimensional nature of this concept for the texts of the discourse we are considering, but also reveals its special connotative meanings: spiritual protector, mentor, helper and guardian of all living things.

Another characteristic feature of the lexical content of the texts of the English-language religious-popular discourse, in our opinion, is the frequent use of biblical words (and sometimes phrases) that have now acquired the status of stable phrases, phraseological units and proverbs. For example: "*When news of the disaster reached Honiara... reliable individuals were dispatched to locate a very isolated Witness living on Choiseul Island, she was eventually found **safe and sound***" (safe and sound (bibl.) – alive and well [3, c. 653]). We find similar examples with such expressions as: **to be in a melting pot** – to undergo radical changes [3, p. 597]; **seeing is believing** – until I see, I will not believe [3, p. 667]; **not for the love of money** –not for any money [3, p. 472]. The use of such stable phrases, proverbs and phraseological units in the presented examples, in our opinion, not only gives the text a sublime, pathetic character, but also provides the basis for many individual reader associations and connotations.

Sometimes such words can be used in two meanings at once: in a direct meaning (in a quotation from the Bible) and figuratively (most often in a colloquial version) within one phrase or one paragraph. For example, "*Jesus likened marriage to a **yoke**. (Matthew 19:6) In his day, a **yoke** was a beam of wood that tied two animals together so that they could perform work. If the animals didn't cooperate, they would accomplish little good and the yoke would chafe their necks. Likewise, a husband and a wife who fail to work as a team may chafe under **the yoke of marriage**. ...*" In our opinion, such usage of Biblical words and phrases, based on a wordplay, creates a humorous effect, brings together popular religious discourse with everyday discourse and makes communication easier and more relaxed. At the same time, it should be noted that the boundaries of the so-called "pleasant", respectful communication are clearly limited to the framework of written and oral speech. We can definitely note that in the written sources of the English-language religious-popular discourse the humorous attitude to religious doctrines is permissible – by using the figurative meaning of some biblical words. Nevertheless, the analysis of the examples of the use of the lexeme "God" in oral speech gives us the opportunity to talk about the unaesthetic and sometimes vulgar use of this lexeme in interjection constructions. M.D. Kuznets and Y.M. Skrebnev divide vulgarisms into lexical vulgarisms (words expressing concepts that are not commonly mentioned in conversation) and stylistic vulgarisms (words whose subject meaning does not contain anything obscene and rude). Swear words and expressions belong to stylistic vulgarisms [2, p. 52–53]. According to this classification, stylistic vulgarisms prevail in the English-language religious-popular discourse, since "the impropriety of using such words in a cultural environment lies in their stylistic coloring, which expresses the speaker's emphatically dismissive attitude to the subject of speech" [2, p. 52–53], which brings the English-language

religious-popular discourse closer to the everyday one. The analysis of the informants' answers gives us the opportunity to say that from various interjection exclamations addressed to God, such as: *Thank God, My God, Thankya God, God Almighty!, Good God!* 12 % are stylistic vulgarisms, for example: *God damn it!* or *God, please kill me now!*, as well as *God only knows!* meaning "the devil knows". Such phrases, which perform a special expressive and semantic function, have an important emotional meaning and serve as a means of expressing the feelings of the speaker. Thus, the reduced-tone vocabulary discussed above performs the following functions in the texts of the English-language popular religious discourse: the function of emotional and expressive reinforcement and characteristic function, and its stylistic meaning is determined by the peculiarities of the speech and situational context.

The convergence of the English-language religious-popular discourse with religious discourse is found in the use of vocabulary and terminology of a spiritual orientation (including the particularly frequent use of certain religious concepts and cases of their alliteration) and historicisms, one way or another related to religious teachings. A "term" is a word and phrase of a special language created to display special notions. The characteristic feature of the term is that it necessarily enters into a certain terminological field and means a concept that can be revealed only from the standpoint of a certain theory [4, p. 125], it can be concluded that such a "terminological field" is "religion" as a whole, and the "theory" itself is a certain "religious teaching".

It is obvious that the lexical design of the texts of the English-language religious-popular discourse is characterized by the saturation of speech with terms related to religion. For example: *Bible, Paradise, Prophecies, Apostle, Eternal Life, Christ*. At the same time, it is extremely important, in our opinion, to consider the frequency of use of some individual religious concepts. It is significant that if the word "God" (in its various names) is mostly found in the texts of the scriptures, where God is the *Father, Christ, Jesus, Allah, Muhammad, Yahweh, Buddha*. Otherwise, in the analyzed texts the most frequent words in use are such as *Faith, Love, religion*, and *creation* in different grammatical forms, i.e. being different parts of speech, for example: *Belief* (believe, believer, believing, is believed), *Love* (loving, Loved one), *Religion* (religious, religions), *Creation* (creatures, has created, create, the Creator). In our opinion, this is characterized by the fact that the sacred texts are mostly instructive, edifying and enlightening in nature, following the main goal of religious discourse – strengthening in faith, while the texts of religious-popular discourse are more expressive in emotional terms. We believe that such a lexical difference is directly correlated with the difference in the purposes of the discourses compared. Since the main purpose of religious discourse is to strengthen faith, the main lexical content of such texts is the concept of "God" and its components. At the same time, the main purpose of religious-popular discourse is to persuade people to believe a certain faith. That is why the most important lexemes in religious-popular discourse become "love", "religion", "belief" and "creation". A certain melodic and emotional effect is created by the anaphoric use of the above-mentioned lexemes in the titles and subheadings of the texts we are considering, as well as through their alliteration, which serves as an additional factor of attractiveness. For example: "Let your Love Be Without Hypocrisy", "A Requst that Crosses Religious Borders", "From Hopelessness to Happiness", "What's wrong with dating secretly?".

The effect of sublimity of speech, as well as confirmation of the reliability and truthfulness of information, can also be enhanced by the use of historicisms – words denoting objects, phenomena, concepts related to the distant past [4, p. 125]. For example: *Celtic and Iberian people; Gothic cathedral* etc.

The similarity of the English-language religious-popular discourse with mass communication is manifested in the use of abbreviations, nomenclature words and

lexical neologisms. The main purpose of the media as a whole is, in our opinion, to attract the reader's attention, to inform him comprehensively in a certain area of knowledge and to maintain the reader's interest in a certain publication. To a certain extent, religious-popular literature meets all these requirements, because it corresponds to the task of the English-language religious-popular discourse – the dissemination (popularization) of a certain religious teaching. Obviously, in order to attract as many people as possible, the agent must have information from various fields of knowledge. It is not always possible to do this in the oral version of the English-language religious-popular speech, because then the agent must necessarily be a versatile person. However, in writing, such a strategy of "versatile orientation" is often used: this is expressed in diverse topics of articles (published in English-language religious and popular publications) designed for different ages, interests and educational level. Thus, in the texts analyzed by us there are nomenclature words (denoting specific objects and objects related to a certain area of human activity, most often professional [4, p. 125]), reflecting such topics as: 1) Medicine: *treatment, antiseptic and bactericidal properties, pharmaceutical industry, leprosy, traumatize, therapy, hormone, oxytocin, patient*. 2) Military themes: *win a battle, conquer the enemy, strategic outcrop, terror*. 3) Physics: *vacuum*. 4) Technical subject: *gypsum, alabaster*. 5) Astronomy: *Pleiades star cluster, Andromeda galaxy*. 6) Geography: *epicenter, earthquake, tsunami*. 7) Cooking: *ingredient, sour orange, marzipan, lime*. 8) Biology: *reptilian heritage, theory of evolution, hybrid*. 9) Jurisprudence: *crime, justice*.

Along with nomenclature words, lexical neologisms are used in the English-language religious-popular discourse to confirm the relevance and modern significance of the information presented, which also brings this type of communication closer to mass communication. Most often, in the texts we are considering, neologisms acquire stylistic significance by entering into syntagmatic relations with words of other stylistic layers and with words of a neutral style. In the texts, they perform a characteristic function, as if tying the events described to a certain time and place. For example, *"It is estimated that in just one year, an average child in America sees 40,000 television commercials. Add to this **name-brand clothing** that children see in stores and in the homes of their friends – all these shoes, bags and **ear-muffs** – and then try to imagine the barrage of requests parents face as a result"* (*name-brand clothing* (American) – branded clothing; *ear-muffs* (American) – headphones for protection from the cold).

One of the most characteristic features of the media is the use of countless names of places, organizations, institutions and abbreviations of these names in order to inform the reader and listener. This feature is also used in the texts of the English-language religious-popular discourse. Moreover, such abbreviations emphasize the breadth of geographical prevalence and the variety of thematic focus of texts. For example: 1) Parts of the land: *Iberian Peninsula, Calabria, the Middle East*. 2) Countries: *South America, Latin America, Central America, Uruguay, Europe, Australia*. 3) Cities: *Paris, Rome, Montevideo, Madrid, Santa Domingo, Washington, Moscow, Toledo*. 4) Names of organizations: *AULA – Association for the Unity of Latin America*. 5) The names of famous periodicals: *Newsweek, Psychology Today, The Bulletin of the Atomic Scientists, Today's English Version*.

Consequently, we conclude that the specifics of the lexical design of the texts of the English-language religious-popular discourse are the frequent use of certain religious concepts, proverbs and phraseological units expressing the main content of each particular teaching and its religious orientation. Poeticisms, book words and archaisms, in turn, perform a characteristic function, linking the described events to a certain time and place. The use of abbreviations, nomenclature words and lexical neologisms, bringing together the English-language religious-popular discourse with mass information, aims to determine the geographical prevalence

and thematic orientation of texts. In addition, the use of stylistic vulgarisms in oral speech revealed because of a survey of informants, bringing the English-language religious-popular discourse closer to the everyday discourse, performs a special expressive and semantic function and serves as a means of expressing the feelings of the speaker.

References

1. Galperin I. R. *Izbrannye Trudy = Selected works*. Moscow: Vysshaya shkola; 2005:255.
2. Kuznets M. D., Skrebnev Yu. M. *Stilistika angliyskogo yazyka = Stylistics of the English language*. Leningrad: Ministry of Education of the RSFSR; 1960:173.
3. Kunin A. V. *Anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar = English-Russian phraseological dictionary*. Ed. by M. D. Litvinova. 4th ed. Moscow: Russkiy yazyk; 1984:944.
4. Morokhovskiy A. N., Vorobeva O. P., Likhosherst N. I., Timoshenko Z. V. *Stilistika angliyskogo yazyka = Stylistics of the English language*. Kiev: Vishcha shkola; 1984:248.
5. Myuller V. K., Dashevskaya V. L., Kaplan V. A. et al. *Novyy anglo-russkiy slovar = New English-Russian dictionary*. 5th ed. Moscow: Russkiy yazyk; 1998:880.

Список источников

1. Гальперин И. Р. Избранные труды / И. Р. Гальперин. – Москва : Высшая школа, 2005. – 255 с.
2. Кузнец М. Д. Стилистика английского языка / М. Д. Кузнец, Ю. М. Скребнев. – Ленинград: Министерство просвещения РСФСР, 1960. – 173 с.
3. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин ; ред. М. Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Русский язык, 1984. – 944 с.
4. Мороховский А. Н. Стилистика английского языка / А. Н. Мороховский, О. П. Воробьева, Н. И. Лихошерст, З. В. Тимошенко. – Киев : Вища школа, 1984. – 248 с.
5. Мюллер В. К. Новый англо-русский словарь / В. К. Мюллер, В. Л. Дашевская, В. А. Каплан и др. – 5-е изд., стереотип. – Москва : Русский язык, 1998. – 880 с.

Information about the authors

Yu. V. Ocheredko – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages and Speech Communication;

O. V. Chursina – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Информация об авторах

Ю. В. Очередько – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков и речевой коммуникации;

О. В. Чурсина – кандидат филологических наук, доцент.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.06.2023; одобрена после рецензирования 22.07.2023; принята к публикации 29.07.2023.

The article was submitted 11.06.2023; approved after reviewing 22.07.2023; accepted for publication 29.07.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 92–101.
Humanitarian Researches. 2023;3(87):92–101.

Научная статья
УДК 070

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОКОНТЕНТА
В РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-СМИ**

Игорь Вячеславович Сибиряков¹, Ольга Владимировна Перевозова²

^{1, 2}Южно-Уральский государственный университет (Научно-исследовательский университет), Челябинск, Россия

¹sibiriakoviv@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0984-4333>

²perevozovaov@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1593-1727>

Аннотация. В статье представлен анализ ведущих теоретических подходов и точек зрения на проблему воздействия интернет-СМИ и социальных медиа на различные группы населения. В статье дана попытка теоретического осмысления развития экологической проблематики в контексте манипулятивных возможностей современных СМИ в новых медийных условиях потребления контента.

Описываются подходы, отражающие смысловые и структурно-содержательные особенности медиаэффектов в экологических коммуникациях с учётом региональной специфики интернет-изданий. Основной задачей исследования является теоретико-методологический анализ вопроса выбора специальной модели изучения экологического контента современных региональных интернет-СМИ. Приводится дифференцированный анализ теоретических подходов к рассмотрению медиаэффектов и специфике экологического дискурса регионального медиаконтента в разрезе восприятия этого контента различными группами населения, в частности молодёжи. Обосновывается необходимость интеграции подходов и их новое прочтение в условиях развития экологических медиакоммуникаций. Представлены предположения и их обоснование по созданию особой модели формирования экоконтента региональных интернет-СМИ. Предложена интерпретация проблематики экологических материалов через призму когнитивного подхода как системообразующей конструкции воздействия на восприятие экологической информации населением.

Уникальностью исследования является попытка научно обосновать и вывести наиболее важные маркеры региональной идентичности экологической повестки в вопросе восприятия потребителем данной информации в условиях столкновения медиапотребления, создающих фрейминговые эффекты в региональной повестке. Сформулированы выводы о необходимости формирования специальной модели экологического контента региональных интернет-СМИ с опорой на социально-когнитивные подходы, в которых ключевую роль будут играть методы нейромаркетинга, интегрированные в традиционную для социальных и коммуникативных практик систему исследования медиаэффектов.

Ключевые слова: экологический контент, современные медиа, теории медиакоммуникаций, модель экоконтента, региональные СМИ, экологические медиа, экологические коммуникации, новостная экоповестка

Для цитирования: Сибиряков И. В., Перевозова О. В. Теоретические проблемы формирования экоконтента в региональных интернет-СМИ // Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 92–101.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-20090, <https://rscf.ru/project/23-18-20090/>).

Research article

**THEORETICAL PROBLEMS OF FORMING ECO-CONTENT
IN REGIONAL INTERNET MEDIA**

Igor V. Sibiryakov¹, Olga V. Perevozova²

^{1,2}South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia

¹sibiriakoviv@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0984-4333>

²perevozovaov@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1593-1727>

Abstract. The article presents an analysis of the leading theoretical approaches and points of view on the problem of the impact of Internet media and social media on various groups of the population. The article makes an attempt to theoretically understand the development of environmental issues in the context of the manipulative possibilities of modern media in the new media conditions of content consumption.

Describes approaches that reflect the semantic and structural and content features of media effects in environmental communications, taking into account the regional specifics of Internet publications. The main objective of the study is a theoretical and methodological analysis of the question of choosing a special model for the study of ecological content of modern regional Internet media. A differentiated analysis of theoretical approaches to the consideration of media effects and specifics of environmental discourse of regional media content in the context of the perception of this content by different population groups, in particular young people.

The necessity of integration of approaches and their new reading in the conditions of development of ecological media communications is substantiated. The prerequisites and their rationale for creating a special model for the formation of eco-content of regional Internet media are presented. Interpretation of the problems of environmental materials through the prism of the cognitive approach as a system-forming structure of influence on the perception of environmental information by the population is proposed.

The uniqueness of the study is an attempt to scientifically substantiate and derive the most important markers of regional identity of the environmental agenda in the question of consumer perception of this information in the context of the clash of media flows, creating framing effects in the regional agenda. Conclusions on the need to form a special model of environmental content of regional Internet media based on socio-cognitive approaches, in which the key role will be played by neuromarketing methods integrated into the traditional for social and communicative practices system of media effects research.

Keywords: ecological content, modern media, theories of media communication, ecocontent model, regional media, environmental media, environmental communications, ecopostage news

For citation: Sibiryakov I. V., Perevozova O. V. Theoretical problems of forming eco-content in regional internet media. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;3(87):92–101 (In Russ.).

Введение. Проблема воздействия интернет-СМИ и социальных медиа на различные группы населения приобрела особую остроту и научную значимость уже в самом начале XXI в. Во многом это было связано с быстрым развитием интернет-технологий и ростом влияния этих технологий на различные сферы жизни общества. Одной из таких сфер оказалась сфера экологии. Именно здесь манипулятивные и мобилизационные возможности современных СМИ [7], и в первую очередь интернет-СМИ проявились достаточно быстро. Показательно, что этот процесс проходил наиболее динамично в высоко-развитых индустриальных и постиндустриальных странах, где многие группы населения проявляли и проявляют к проблемам экологии особенно большое внимание. По мнению Л. А. Кохановой, стремительный рост популярности экологической проблематики был связан с кризисом культа антропоцентризма [9].

Растущий интерес общества к проблемам экологии в России, который ярко проявился на рубеже XX–XXI вв., заставил обратить внимание на возможности влияния интернет-СМИ в этой сфере отечественных социологов, культурологов, антропологов, политологов и других учёных, специализирующихся в области изучения процессов, происходящих в современном социуме.

Целью исследования стало проведение теоретико-методологического анализа вопроса выбора специальной модели изучения экологического контента современных региональных интернет-СМИ. Для этого в статье приводится дифференцированный анализ теоретических подходов к рассмотрению медиаэффектов и специфике экологического дискурса регионального медиаконтента в разрезе восприятия этого контента различными группами населения, в частности молодёжи.

Задачей исследования является обоснование необходимости создания особой модели изучения экологического контента современных региональных интернет-СМИ. Ключевыми методами исследования стал обзорный анализ подходов в теории медиакommunikаций и контент-анализ информационной повестки ведущих региональных СМИ.

Теория вопроса и постановка проблемы. Усиление интереса к медиакommunikациям и их воздействию на различные группы населения способствовало появлению полярных точек зрения в академических подходах на саму суть постановки проблемы. Это позволило рассмотреть как базовые аспекты становления экологических коммуникаций, так и отдельные модели функционирования экологических СМИ в региональном медиaprостранстве.

В фундаментальных теориях медиакommunikаций Ю. Хабермас одним из первых поднял вопрос о самой идее влияния СМИ на состояние социума [26], рассмотрел структурную трансформацию публичной сферы [27], отмечая, что СМИ оказывают определённый акт воздействия на сознание читателя: акт формирования знания, акт формирования отношения, акт формирования действия / реакции на полученную информацию [27].

Современные теории XXI в. в большей степени актуализируют внимание на цифровой трансформации медиакommunikаций, базируя трактовки через цифровую философию развития всего общества [3].

Целая серия прикладных исследований, проведённых отечественными авторами за последние годы, позволила зафиксировать рост влияния на информационную повестку общественной и политической жизни регионов не только федеральных, но и региональных интернет-СМИ, от эффективности работы которых во многом стала зависеть эффективность работы местных органов власти, общественных организаций и движений, социальная, а иногда и политическая ситуация в регионах [10].

Вместе с тем в последние годы выявился ряд серьёзных теоретико-методологических проблем, без решения которых сложно осуществить глубокий научный анализ деятельности российских интернет-СМИ в экологической сфере, а без такого анализа сложно эффективно управлять многими процессами в этой сфере, играющими важную роль в жизни, как отдельных регионов, так и страны в целом. Существенный вклад в развитие экологической журналистики внесла Н. В. Калинина, рассматривая место экологической журналистики в современной медиасфере [6], Л. А. Коханова, обобщившая экологическую журналистику, PR и рекламу в их идеологическом влиянии на сознание общества [9].

Не менее остро перед экологической журналистикой стоит сегодня и проблема формирования специального дискурса, для изложения «экологических» сюжетов, для различных групп «потребителей» интернет-контента [6]. Необходимость создания таких текстов, которые должны включать в себя научные термины и базироваться на научно-обоснованных подходах, приводит в противоречие со стремлением значительной части аудитории получить максимально компактный и интеллектуально не перегруженный контент. Неслучайно журналисты, «освещающие окружающую среду и смежные с ней вопросы, сталкиваются с критикой своей деятельности со стороны научного сообщества, медиаэкспертов и, как уже отмечалось, широкой общественности» [9].

В дальнейшем трансформация научного знания и активное развитие теории медиакommunikаций привело к дифференциации подходов в контексте новых медиаусловий. Так появились работы отечественных исследователей,

обративших внимание на функционирование экологического контента региональных интернет-СМИ, в частности внимание было уделено медиаэфектам как характеристике неоинформационного пространства [4], были представлены попытки детерминирования ключевых парадигм в исследованиях медиаэфектов [16].

Новым в развитии теории медиакommunikаций стало интегрированное осмысление медиаэфектов через призму когнитивного подхода [18], что позволило ввести когнитивную методологию в разработку аспектов теории медиасферы с применением математического моделирования [23].

Ряд исследователей в изучении экологического контента современных региональных интернет-СМИ выявили связь медиаэфектов с механизмами прайминга и фрейминга в региональной повестке [19], в том числе сформировав их типологию [17] путём контент-анализа ведущих российских СМИ [1], что позволило изучение медиаэфектов и медиафреймов вывести на новый научно-методологический уровень [11] и проследить эволюцию теоретико-методологических подходов к исследованию медиаэфектов [15].

Существенные поправки в развитие теорий медиа внесли идеи авторов, концентрирующих точку зрения на региональном аспекте, а именно его взаимодействии с аудиторией в масс-медийных коммуникациях [14]. Внимание уделялось особенностям региональной информационной повестки [19], новостным заголовкам как средству формирования имиджа территории в региональных СМИ [20].

Исходя из анализа теории вопроса, мы можем утверждать, что постановка проблемы теоретического осмысления развития экологической повестки в контексте манипуляторных возможностей современных СМИ не имеет очевидного решения и требует учёта новых медийных условий потребления контента.

Научные подходы, отражающие смысловые и структурно-содержательные особенности медиаэфектов в экологических коммуникациях с учётом региональной специфики интернет-изданий, требуют создания особой модели изучения экоповестки региональных СМИ. К числу наиболее значимых проблем относятся:

- необходимость выявления факторов, определяющих специфику освещения вопросов экологии в современной отечественной интернет-журналистике;
- необходимость научного объяснения особенностей влияния интернет-СМИ и социальных медиа, освещающих экологические вопросы, на различные группы населения, в первую очередь на молодёжную аудиторию;
- необходимость теоретической проработки особенностей создания и действия современных медиаэфектов в интернет-пространстве с учётом особой динамики развития этого пространства и изменений, происходящих в молодёжной аудитории, потребляющей новый контент;
- необходимость выявления специфики работы именно региональных интернет-СМИ, уделяющих особое внимание конкретным экологическим проблемам в наиболее проблемных с этой точки зрения регионах России.

Всё это придаёт особую актуальность и значимость теме данного исследования и определяет его основные методологические направления.

Методы и методика исследования. При построении методики исследования мы опирались на основные методологические принципы, заложенные в социально-психологическом обосновании воздействия СМИ на массовое сознание, в частности на экологический подход к зрительному восприятию Дж. Гибсона [2], на когнитивный аспект влияния сетевых СМИ на массовое сознание, описанный Е. В. Костенко [8], на исследование процессов манипулирования массовым сознанием в современных СМИ В. В. Кихтана [7], на когнитивные подходы к изучению языка СМИ [21], а также на ряд принципов, заложенных учёными в практике когнитивной методологии и системного анализа [23].

В методике исследования были использованы принципы фундаментальной методологии, заложенной зарубежными учёными, в том числе идеи теории когнитивного диссонанса Л. Фестингера [24] и теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса [25].

Метод обзорного анализа подходов показал, что ни одну из поставленных в исследовании задач невозможно решить без учёта опыта, накопленного зарубежными исследователями, которые разработали несколько базовых теорий воздействия масс-медиа на различные группы населения. «Исторически первой сложившейся группой теорий, описывающих влияние СМИ на индивида и общество, следует считать так называемые “теории убеждения”».

Однако во второй половине XX в. одной из самых популярных теорий, объясняющей механизмы воздействия масс-медиа на различные группы населения стала теория медиаэффектов. В её основе лежит идея о том, что наиболее эффективное воздействие масс-медиа оказывается как на отдельного индивида, так и на общество в целом посредством двух основных механизмов, а именно через определение информационной «повестки дня», и через форму подачи информации.

Как справедливо отмечает А. А. Казаков, в западной науке теории фрейминга и установления повестки дня «достаточно популярны и востребованы: учёные не только изучают познавательные возможности каждой из них, но и активно дискутируют о содержательных сходствах и различиях данных конструкций. При этом практически не подвергается сомнению, что оба подхода весьма продуктивны и их применение способно расширить наши представления о специфике коммуникационного взаимодействия власти, общества и массмедиа».

Но многие исследователи признают, что быстрое и разнонаправленное развитие теории медиаэффектов привело к серьёзному методологическому кризису, пути разрешения которого ищут отечественные и зарубежные учёные [5].

Метод контент-анализа ведущих региональных СМИ показал, что технологии воздействия на аудиторию в современном медиaprостранстве осуществляются по классическим механизмам фрейминга с целью наибольшего влияния экологических текстов на когнитивные представления аудитории [13; 22], что позволило выделить приоритет создания особой модели изучения экологического контента современных региональных СМИ на базе когнитивного подхода как наиболее эффективного в достижении результативности информационных потоков СМИ [12].

Выработанная методика исследования стала попыткой научно обосновать и вывести наиболее важные маркеры региональной идентичности экологической повестки в вопросе восприятия потребителя данной информации в условиях столкновения медиапотоков, создающих фрейминговые эффекты в региональной повестке.

Результаты исследования. Резюмируя ведущие идеи, сформулированные в теоретических подходах социологии, политологии, психологии и ряде смежных наук, позволили прийти к некоторым выводам по состоянию научной проблемы создания эффективного экологического контента в региональных интернет-СМИ.

Очевидно, что огромный поток работ, посвящённых разным аспектам теории медиаэффектов можно разделить на несколько самостоятельных направлений или поднаправлений. И. Ю. Подолян предлагает определить их так же, как уже определены три ключевые парадигмы развития социальных наук: конструктивистская, когнитивная и критическая [16].

Однако, на наш взгляд, ни одна из этих конструкций не может быть напрямую использована для изучения воздействия контента интернет-СМИ российских регионов по экологической проблематике, так как не учитывает целый ряд обстоятельств.

Во-первых, первые теории медиэффектов возникли на Западе во время появления средств массовой информации и в основном уделяли внимание

технологическим аспектам эволюции СМИ, воспринимая последних как главного, а порой и единственного актора информационного процесса. Сегодня таких акторов множество. «Соотношение» сил между ними носит неустойчиво динамичный характер. Электронные версии газет и журналов, социальные сети, телеграмм-каналы и др. Виды интернет-СМИ в различных странах или даже в различных регионах одной страны могут играть разную роль в формировании информационной повестки и в конструировании наиболее распространённых в социуме образов и смыслов тех или иных событий и процессов.

Во-вторых, эти теории носили ярко выраженный универсальный характер, игнорируя возможную специфику передачи и восприятия информации в различных странах, связанную с комплексом политических, культурных и других традиций. Они фактически отвергают возможность региональной специфики при передаче и восприятии регионального информационного контента. Уверенность некоторых исследователей, политиков, журналистов в том, что федеральный или общегосударственный контент всегда имеет приоритет перед локальным региональным контентом имеет свою историю.

Однако перемены, происходящие не только в информационном пространстве, но и в алгоритме восприятия информации со стороны различных групп населения, требуют более осторожных оценок и более дифференцированного подхода к изучению степени влияния различных видов контента.

В-третьих, эти теории не учитывают разницу между отдельными сюжетными конструкциями, посвящёнными политическим, экономическим или экологическим процессам, что на нынешнем этапе развития социума, представляется нам принципиально важным. Уже многие учёные обратили внимание на то, что экологический контент воспринимается потребителем информации иначе, чем экономический или политический [2; 6; 7].

Более того, с появлением феномена медиаконтента, возникла необходимость разработки технологий для более глубокого анализа новых визуальных информационных потоков. Мысль, высказанная в своё время автором экологического подхода к зрительному восприятию Дж. Гибсоном, о том, что «информация для восприятия объекта не есть его изображение» [2], в этой связи звучит особенно актуально и требует дальнейшего развития.

Экологический медиаконтент, с которым работают интернет-СМИ, – это не просто сочетание изображения и текста, но качественно новое визуальное явление, восприятие которого определяется целой совокупностью факторов, среди которых есть место негативным и позитивным воспоминаниям, индивидуальным особенностям восприятия звуков, динамике визуального ряда и т. д.

Многие из них не могут быть глубоко исследованы с помощью традиционных социологических опросов или социальных экспериментов, что требует расширения методов исследования, в первую очередь за счёт достижений современной психологии, антропологии, семиотики и других наук.

Для повышения эффективности научных исследований экологического контента, создаваемого региональными интернет-СМИ, необходимо сконструировать собственную теоретико-методологическую модель. Поэтому ещё одним фактором, создающим серьёзную проблему при изучении контента интернет-СМИ, является специфика содержания и специфика восприятия этого контента различными группами населения. Сегодня исследователи уже хорошо представляют себе механизмы создания контента интернет-СМИ, признавая особую роль визуальных образов, размеров текста, цветовых решений и т. д. в дальнейшей «жизни» этого контента. Приёмы, с помощью которых осуществляется «продвижение» такого контента, исследованы как зарубежными, так и отечественными специалистами.

А вот механизмы восприятия контента интернет-СМИ нуждаются в дополнительном исследовании. Традиционные социологические методы исследования этого явления позволяют увидеть разницу восприятия такого контента по гендерным, возрастным и другим группам. Опросы и фокус-группы дают возможность анализировать эту разницу, опираясь в первую очередь

на самооценки лиц, участвующих в исследовании, которые, как правило, построены как механизм социальной самозащиты, то есть в значительной степени предполагают социально одобряемые варианты ответов на поставленные в ходе исследования вопросы.

Именно поэтому одним из наиболее перспективных с научной точки зрения методов изучения реакции аудитории на контент интернет-СМИ являются методы нейромаркетинга. Они дают возможность выявить реакции «потребителя» контента, которые носят естественный и максимально десоциализированный характер. Они позволяют более активно использовать в исследовании формализованные количественные показатели, что открывает возможности конструирования математических моделей важных социальных процессов [23].

Такого рода методология исследования особенно важна, когда речь идёт об изучении контента региональных интернет-СМИ, при формировании которого происходит столкновение нескольких информационных потоков [19], культурно-исторических, социально-политических традиций, влияние которых крайне сложно прописать через количественные показатели. При этом на данном уровне информационного поля роль социальных аспектов исследования заметно возрастает, что и приводит к необходимости использовать социально-когнитивную модель организации научно-исследовательских проектов. Такая модель даёт возможность с научной точки зрения объяснить некоторые локальные паттерны восприятия информации, особенно информации экологического характера.

Выводы. Одной из самых серьёзных проблем при анализе экологического контента в современных интернет-СМИ является высокий уровень политизации этого контента, когда само существование той или иной экологической проблемы, дискуссия, возникающая при её публичном обсуждении, используются различными политическими структурами для решения собственных политических задач.

Ситуацию усугубляет тот факт, что любой исследователь экологического контента обладает собственными взглядами и представлениями о политических процессах, происходящих в обществе, и не может исключить прямое или косвенное воздействие этих взглядов и представлений на его научный проект.

Признание объективной реальности такой проблемы уже позволяет существенно уменьшить её «остроту», что является особенно важным в ситуации, когда проблема не имеет полного и однозначного решения.

Экологический контент региональных интернет-СМИ исследован ещё очень слабо, что связано как с относительно недавним временем его возникновения, так и со спецификой его организации, которую необходимо учитывать при проведении исследования. Особое место в таком контенте занимают маркеры региональной идентичности, которые крайне важны для того, чтобы потребитель экологической информации, определил эту информацию, как важную и ценную именно для себя.

При этом для того, чтобы эта информация сохранилась в памяти и способствовала формированию определенной модели поведения, она должна соединиться с теми паттернами восприятия экологической информации, которые складываются у человека в процессе работы с надрегиональными информационными потоками, этническими и гендерными культурными паттернами. В некоторых случаях нейромаркетинговые технологии позволяют зафиксировать этот процесс и даже выявить его динамику.

Таким образом, для повышения эффективности научного анализа экологического контента региональных интернет-СМИ целесообразно использовать социально-когнитивную модель организации научно-исследования, в которой ключевую роль будут играть методы нейромаркетинга, интегрированные в традиционную для социальных наук систему методов исследования социальных феноменов. Сформулированные выводы могут способствовать созданию данной модели.

Список источников

1. Асланов И. А. Исследование фрейминга в работах российских ученых: результаты контент-анализа / И. А. Асланов. – URL: <http://www.mediascope.ru/2662>.
2. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Дж. Гибсон. – Москва : Знание, 1988. – 427 с.
3. Дзялошинский И. М. Философия цифровой цивилизации и трансформация медиакоммуникаций / И. М. Дзялошинский. – Челябинск : Южно-Уральский гос. ун-т, 2020. – 551 с.
4. Ефанов А. А. Медиаэффекты в современном неоинформационном обществе / А. А. Ефанов, Е. Н. Юдина // Коммуникология. – 2021. – Т. 9, № 4. – С. 136–147.
5. Казаков А. А. Теория установления повестки дня vs. фрейминг: к вопросу о соотношении подходов / А. А. Казаков // Полития. – 2015. – № 1 (76). – С. 103.
6. Калинина Н. В. Место экологической журналистики в современной медиасфере / Н. В. Калинина // Вестник Амурского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. № 72. С. 20.
7. Кихтан В. В. Исследование процессов манипулирования массовым сознанием в современных средствах массовой информации Кихтан В. В. // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2018. – № 2. – С. 221–227.
8. Костенко Е. В. Когнитивный аспект влияния сетевых СМИ на массовое сознание / Е. В. Костенко // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 5. – С. 50–54.
9. Коханова Л. А. Экологическая журналистика, PR и реклама / Л. А. Коханова. – Москва : Искра, 2007. – 294 с.
10. Лободенко Л. К. Региональные интернет-СМИ в социальных сетях: трансформация медиаконтента / Л. К. Лободенко, И. М. Баштанар // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 5–3 (59). – С. 29–34.
11. Мавлетова А. М. Исследования медиа-фреймов: обзор основных методологических подходов / А. М. Мавлетова // Коммуникации. Медиа. Дизайн. – 2017. – Т. 2, 3. – С. 79–102.
12. Макаренко Т. М. Когнитивный подход в моделировании результативности информационных потоков СМИ / Т. М. Макаренко, Л. Б. Ковальчук // Вопросы теории практики журналистики. – 2018. – Т. 7, № 2. – С. 210–221.
13. Олейник О. В. Когнитивное рассмотрение текстов СМИ / О. В. Олейник // *Universum: филология и искусствоведение*. – 2018. – № 7 (53). – С. 29–34.
14. Перезовова О. В. Новостной экологический контент региональных интернет-СМИ в социальных сетях: вовлечённость и рефлексия аудитории / О. В. Перезовова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2022. – № 4. – С. 148–160.
15. Подолян И. Ю. Эволюция теоретико-методологических подходов к исследованию медиаэффектов / И. Ю. Подолян // *Researcher. European Journal of Humanities & Social Sciences*. – 2019. Т. 2, № 3. – С. 119.
16. Подолян И. Ю. Детерминанты ключевых парадигм в исследованиях медиаэффектов / И. Ю. Подолян // Вестник московского университета. Сер. 10 «Журналистика». – 2021. – № 2. – С. 181–199.
17. Пономарев Н. Ф. Фрейминг медиапостера дня и типология медиафреймов / Н. Ф. Пономарев // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – № 3. – С. 62–67.
18. Пром Н. А. Природа медиафакта: когнитивный подход / Н. А. Пром // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2018. – Т. 4 (70), № 4. – С. 216–235.
19. Распопова С. С. Медиаэффекты прайминга и фрейминга в региональной повестке федеральных СМИ / С. С. Распопова, А. Н. Павлова // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. – 2018. – № 3 (29). – С. 73–82.
20. Романова И. В. Новостные заголовки как средство формирования имиджа Забайкальского края в региональных СМИ (на примере региональных интернет-изданий) / И. В. Романова, Е. А. Косова // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2022. – № 6. – С. 69–79.
21. Романьков В. С. Когнитивные подходы к изучению языка СМИ / В. С. Романьков. – URL: http://www.rusnauka.com/1_NIO_2013/Philologia/3_124101.doc.htm (дата обращения: 04.05.2023).
22. Сарна А. Я. Технологии воздействия на аудиторию в современном медиапространстве / А. Я. Сарна // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2020. – Т. 13, вып. 2. – С. 218–235.

23. Суходолов А. П. Разработка аспектов теории медиасферы с применением математического моделирования, когнитивной методологии и системного анализа / А. П. Суходолов, В. А. Маренко // Вопросы теории практики журналистики. – 2018. – Т. 7, № 3. – С. 347–360.
24. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса / Л. Фестингер. – Санкт-Петербург : Речь, 2000. – 320 с.
25. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия / Ю. Хабермас // Вестник Московского университета. Сер.: Философия. – 1993. – № 4. – С. 18–25.
26. Habermas J. The Idea of the Theory of Knowledge as Social Theory / J. Habermas // J. Habermas. Knowledge & Human Interests. The University of Virginia: Polity Press, 1987. P. 102–317.
27. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a category of Bourgeois Society / J. Habermas. – Cambridge, MA : MIT Press, 1991.
28. Habermas J. The Theory of Communicative Action / J. Habermas ed. T. McCarthy. – Boston : Beacon Press, 1987b. – Vol. 2.

References

1. Aslanov I. A. *Issledovanie freyminga v rabotakh rossiyskikh uchenykh: rezultaty kontent-analiza = Study of framing in the works of Russian scientists: results of content analysis*. URL: <http://www.mediascope.ru/2662>.
2. Gibson Dzh. *Ekologicheskiy podkhod k zritelnomu vospriyatiyu = An ecological approach to visual perception*. Moscow: Znanie; 1988:427.
3. Dzyaloshinskiy I. M. *Filosofiya tsifrovoy tsivilizatsii i transformatsiya mediakommunikatsiy = Philosophy of digital civilization and transformation of media communications*. Chelyabinsk: South Ural State University; 2020:551.
4. Efanov A. A., Yudina E. N. Media effects in modern neo-information society. *Kommunikologiya = Communicology*. 2021;9(4):136–147.
5. Kazakov A. A. Agenda setting theory vs. framing: on the issue of the relationship between approaches. *Politiya = Polity*. 2015;1(76):103.
6. Kalinina N. V. The place of environmental journalism in the modern media sphere. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki" = Bulletin of the Amur State University. Series "Humanities"*. 2016;72:20.
7. Kihtan V. V. Study of the processes of manipulating mass consciousness in modern media. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva = Bulletin of the Volzhsky University named after V. N. Tatishchev*. 2018;2:221–227.
8. Kostenko E. V. Cognitive aspect of the influence of network media on mass consciousness. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo = Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky*. 2012;5:50–54.
9. Kokhanova L. A. *Ekologicheskaya zhurnalistika, PR i reklama = Environmental journalism, PR and advertising*. Moscow: Iskra; 2007:294.
10. Lobodenko L. K., Bashtanar I. M. Regional Internet media in social networks: transformation of media content. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2016;5–3(59):29–34.
11. Mavletova A. M. Research of media frames: a review of the main methodological approaches. *Kommunikatsii. Media. Dizayn = Communications. Media. Design*. 2017;2,3:79–102.
12. Makarenko T. M., Kovalchuk L. B. Cognitive approach to modeling the effectiveness of media information flows. *Voprosy teorii praktiki zhurnalistiki = Questions of the theory of journalism practice*. 2018;7(2):210–221.
13. Oleynik O. V. Cognitive consideration of media texts. *Universum: filologiya i iskusstvovedenie = Universum: philology and art history*. 2018;7(53):29–34.
14. Perevozova O. V. News environmental content of regional online media in social networks: involvement and reflection of the audience. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki = Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Philological sciences*. 2022;4:148–160.
15. Podolyan I. Yu. Evolution of theoretical and methodological approaches to the study of media effects. *Researcher. European Journal of Humanities & Social Sciences*. 2019;2(3):119.
16. Podolyan I. Yu. Determinants of key paradigms in research of media effects. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10 "Zhurnalistika" = Bulletin of Moscow University. Series 10 "Journalism"*. 2021;2:181–199.

17. Ponomarev N. F. Framing the media agenda and typology of media frames. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya = Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology*. 2010;3:62–67.
18. Prom N. A. Theory of media fact, cognitive approach. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. Nauchnyj zhurnal = Scientific notes of the Crimean Federal University. V. I. Vernadsky. Philological sciences*. 2018;4(4):216–235.
19. Raspopova S. S., Pavlova A.N. Media effects of priming and framing in the regional agenda of federal media. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya = Sign: problem field of media education*. 2018;3(29):73–82.
20. Romanova I. V., Kosova E. A. News headlines as a means of forming the image of the Trans-Baikal Territory in regional media (on the example of regional Internet publications). *Vestnik Zabayskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Trans-Baikal State University*. 2022;6:69–79.
21. Romankov V. S. *Kognitivnye podhody k izucheniyu yazyka SMI = Cognitive approaches to studying the language of the media*. URL: http://www.rusnauka.com/1_NIO_2013/Philologia/3_124101.doc.htm.
22. Sarna A. Ya. Technologies of influencing the audience in the modern media space. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya = Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*. 2020;13(2):218–235.
23. Sukhodolov A. P., Marenko V. A. Development of aspects of the theory of the media sphere using mathematical modeling, cognitive methodology and system analysis. *Voprosy teorii praktiki zhurnalistiki = Questions of the theory of journalism practice*. 2018;7(3):347–360.
24. Festinger L. *Teoriya kognitivnogo dissonansa = Theory of cognitive dissonance*. St. Petersburg: Rech; 2000:320.
25. Habermas Yu. Theory of communicative action. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya "Filosofiya" = Bulletin of Moscow University. Series "Philosophy"*. 1993;4:18–25.
26. Habermas J. The Idea of the Theory of Knowledge as Social Theory. *J. Habermas. Knowledge & Human Interests*. The University of Virginia: Polity Press; 1987:102–317.
27. Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a category of Bourgeois Society*. Cambridge, MA: MIT Press; 1991.
28. Habermas J. *The Theory of Communicative Action*. Ed. by T. McCarthy. Boston: Beacon Press; 1987b;2.

Информация об авторах

И. В. Сибиряков – кандидат педагогических наук, доцент;
О. В. Перезовова – кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the authors

I. V. Sibiryakov – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor;
O. V. Perevozova – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 17.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.

The article was received in the editorial office on 15.05.2023; approved after review on 17.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 102–107.
Humanitarian Researches. 2023;3(87):102–107.

Научная статья
УДК 81'42:161/162

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИНГВОАРГУМЕНТАТИВНОГО ТИПАЖА «БЫТОВОЙ СОФИСТ»
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «ДОРОГАЯ СОБАКА»)**

Нелли Юрьевна Фанян

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
nellyfanian@mail.ru

Аннотация. В современной науке в лингвистической аргументации, развиваемой в антропоцентрической парадигме, предложен контекстуальный подход (А. А. Ивин). В когнитивной науке аргументативный аспект рассматривался в ракурсе стилей мышления (синтезатор, аналитик, идеалист, реалист, прагматик) в адаптированной версии (А. А. Алексеев, Л. А. Громова) зарубежных авторов. Когнитивный подход предложен к реконструкции контраргументации в аргументативном диалоге в научном и других видах дискурса (Н. С. Баребина, И. Г. Тамразова). Проблема лингвоаргументативного типажа ставится впервые. Мы предлагаем изучить её по аналогии с понятием «лингвокультурные типажи», успешно разрабатываемым в отечественной научной литературе (В. И. Карасик и др.). Изучение данного феномена строится на основе ранее выдвинутого нами понятия «человек аргументирующий» (“*homo argens*”) (Н. Ю. Фанян), которое нуждается в позиционировании. Речь идёт о характеристике аргументативного потенциала «человека говорящего» (“*homo loquens*”, “*homo eloquens*”). Данный анализ в дальнейшем поспособствует построению таксономии лингвоаргументативных типажей. Актуальность темы определяется неизменным интересом к проблеме языковой личности (Ю. Н. Караулов), а также возможностью актуализации нового (лингвоаргументативного) подхода, что позволит расширить наше представление о «человеке говорящем». Цель статьи – выявление и описание одного из типажей («бытовой софист») с репрезентацией вербальных и невербальных средств выражения *homo argens*. При этом актуализируется базовая стратегия аргументации – убеждение. Материал исследования – рассказ А. П. Чехова «Дорогая собака». Анализ произведения позволил обнаружить богатый аргументативный потенциал протагониста – бытового софиста, дискурс которого представляет собой комплекс рассуждений типичного лжеца, основанных на обмане, многопланово реализованных в различных вербальных и невербальных тактиках гениальным мастером слова. Перлокутивный эффект риторики протагониста нулевой. Значимый эффект фокусируется в воспитательной функции рассказа.

Ключевые слова: *homo argens*, лингвоаргументативный типаж, лингвоаргументативный потенциал, вербальные средства выражения, невербальные средства выражения

Для цитирования: Фанян Н. Ю. Репрезентация лингвоаргументативного типажа «бытовой софист» (на материале рассказа А. П. Чехова «Дорогая собака») // Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 102–107.

Research article

**REPRESENTATION OF THE LINGUISTIC ARGUMENTATIVE TYPE "HOUSEHOLD SOPHIST"
(BASED ON A. P. CHEKHOV'S SHORT STORY "A DEAR DOG")**

Nelly Yu. Fanyan

Kuban State University, Krasnodar, Russia, nellyfanian@mail.ru

Abstract. In modern science, a contextual approach is proposed in linguistic argumentation developed in the anthropocentric paradigm (A. A. Ivin). In cognitive science, the argumentative aspect was considered from the perspective of thinking styles (synthesizer, analyst, idealist, realist, pragmatist) in an adapted version (A. A. Alekseev,

---

© Фанян Н. Ю., 2023.

L. A. Gromova) by foreign authors. A cognitive approach is proposed to reconstruct the counterargument in argumentative dialogue in scientific and other types of discourse (N. S. Barebina, I. G. Tamrazova). The problem of linguistic argumentative type is posed for the first time. We propose to study it by analogy with the concept of "linguistic and cultural types", successfully developed in the Russian scientific literature (V. I. Karasik, etc.). The study of this phenomenon is based on the concept of "argumentative person" ("homo argens"), which we previously put forward (N. Yu. Fanyan). It needs positioning. We are talking about the characterization of the argumentative potential of the "person speaking" ("homo loquens", "homo eloquens"). This analysis will further contribute to the construction of a taxonomy of linguistic argumentative types. The relevance of the topic is determined by the constant interest in the problem of linguistic personality (Yu. N. Karaulov), as well as the possibility of updating a new (linguoargumentative) approach, which will expand our understanding of the "speaking person". The purpose of the article is to identify and describe one of the types ("household sophist") with the representation of verbal and non-verbal means of expressing of the homo argens. At the same time, persuasion is implemented as a basic argumentation strategy. The research material is A. P. Chekhov's short story "A Dear Dog". The analysis of the work revealed the rich argumentative potential of the protagonist – a household sophist. His discourse is a complex of arguments of a typical liar. They are implemented in many ways through various verbal and non-verbal tactics used by a brilliant master of words. The perlocutive effect of the protagonist's rhetoric is zero. A significant effect is focused in the function of educating.

Keywords: homo argens, linguistic argumentative type, linguistic argumentative potential, verbal means of expression, non-verbal means of expression

For citation: Fanyan N. Yu. Representation of the linguistic argumentative type "household sophist" (based on A.P. Chekhov's short story "A Dear Dog"). *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;3(87):102–107 (In Russ.).

Художественная литература представляет разнообразие ситуаций, в которых стилизуются жизненные контексты, иногда в утрированной форме, отражающие беседу, спор и другие формы коммуникации, в которых в той или иной степени актуализируется аргументация как процесс представления доводов, аргументов к убеждению как основной стратегии. Художественная коммуникация – благодатный источник для выявления и описания различных типов homo argens («человека аргументирующего» – термин наш. – Н. Ф.). Яркой иллюстрацией служат рассказы А. П. Чехова. Вкратце представим сюжет рассказа «Дорогая собака»: за выпивкой поручик Дубов пытается задорого продать вольноопределяющемуся Кнапсу свою собаку Милку. При этом он прилагает массу аргументативных усилий. В мини-рассказе на бытовую тему Чехов мастерски показывает типаж homo argens, определяемый нами как *бытовой софист*. Переходим к анализу. Так, аргументы Дубова относительно Милки претерпевают качественное изменение характеристик – от «великолепного пса» в начале до «мерзкой отвратительной собаки» в конце беседы с Кнапсом:

«Великолепный пес!, Замечательная собака! Вы обратите внимание на морду! Морда одна чего стоит! Ежели на любителя наскочить, так за одну морду двести рублей дадут! Не верите? В таком случае вы ничего не понимаете...»

Кнапс пытается возразить на последние реплики Дубова:

«– Я понимаю, но...»

Дубов прерывает его. Далее в тексте Чехова для пущей убедительности аффективная вербалика (1) чередуется с аналогичной невербаликой (2). Автор конкретизирует достоинства собаки посредством его характеристик – породы, стойки, нюха, стоимости. Характеристика сопровождается аффективной лексикой – мелиоративными эпитетами, диминутивами; а также соответствующим синтаксисом – восклицаниями, восходящей параллельной конструкцией, многоточием, интонационным растягиванием, речевым актом призыва (1). Невербальная аргументация выражена такими доводами, как поцелуй, слезы (2):

1. «– Ведь сеттер, чистокровный английский сеттер! Стойка поразительная, а чутьё... нюх! Боже, какой нюх! Знаете, сколько я дал за Милку, когда она была ещё щенком? Сто рублей! Дивная собака! Ше-ельма, Милка! Ду-ура, Милка! Поди сюда, поди сюда... собачечка, пёсик мой...»;

2. «Дубов привлёк к себе Милку и поцеловал её между ушей. На глазах у него выступили слёзы».

В следующем контексте Дубов продолжает уговаривать Кнапса. В ход идут различные лексические, синтаксические, дискурсивные средства в качестве аргументов к решению: речевая формула (а), аффективные обращения (б), риторические вопросы (в), смена тональности (г), лукавство (д), сожаление (е), решение (ж), обращение-предложение (з), заверение (и), уступка в виде восходящей градации (к):

«– Никому тебя не отдам... (а) красавица моя... разбойник этакий (б). Ведь ты любишь меня, Милка? Любишь?... (в) Ну, пошла вон! – крикнул вдруг поручик. – Грязными лапами прямо на мундир лезешь (г)! Да, Кнапс, полтора ста рублей дал, за щенка! Стало быть, было за что (д)! Одно только жаль: охотиться мне некогда! Гибнет без дела собака, талант свой зарывает... (е) Потому-то и продаю (ж). Купите, Кнапс (з)! Вся жизнь будете благодарны (и)! Ну, если у вас денег мало, то извольте, я уступлю вам половину... Берите за пятьдесят! Грабьте (к)!»

Кнапс находит аргумент к возражению (а), что приводит Дубова в крайнее изумление, выраженное характерными для его дискурса, описанными выше средствами, при оценивании компетентности собеседника (б). Далее следует естественная реакция – обида собеседника, сопровождаемая репликой, выражающей непоколебимость его мнения (в). Диалог продолжается в виде пререкания со стороны Дубова в его лукавой манере (г). В своей ответной реплике он пользуется аналогией (1), обращением-сожалением, высокой оценкой к потенциальной компетентности адресата (2), возражением и констатацией факта с соответствующими характеристиками собаки в восходящей градации (3), добавлением в виде речевой формулы и характерного для подобного случая восклицания (4). Ответная реплика адресата вновь выражена в речевом действии «обида» (д). После очередного возражения Кнапса тактика Дубова меняется. Он уже не настаивает, сам выступает в роли обиженного (е), по инерции продолжая пререкания (ж) и лукавство (з). Данную часть текста можно считать кульминационной, поскольку аргументы Дубова на этом заканчиваются. Для дальнейшего развития аргументативного диалога ему необходимо подзарядиться (и):

«– Нет, голубчик... – вздохнул Кнапс. – Будь ваша Милка мужского пола, то, может быть, я и купил бы, а то... (а)

– Милка не мужского пола? – изумился поручик. – Кнапс, что с вами? Милка не мужского... пола?! Ха-ха! Так что же она по-вашему? Сука? Ха-ха... Хорош мальчик! Он ещё не умеет отличить кобеля от суки! (б)

– Вы мне говорите, словно я слеп или ребёнок... – обиделся Кнапс. – Конечно, сука (в)!

– Пожалуй, вы ещё скажете, что я дама (1)! Ах, Кнапс, Кнапс! А ещё тоже в техническом кончили (2)! Нет, душа моя, это настоящий, чистокровный кобель (3)! Мало того, любому кобелю десять очков вперед даст, а вы... не мужского пола! Ха-ха... (4) (г)

– Простите, Михаил Иванович, но вы... просто за дурака меня считаете... Обидно даже... (д)

– Ну, не нужно, чёрт с вами... Не покупайте... Вам не втолкуешь (е)! Вы скоро скажете, что у неё это не хвост, а нога...(ж) Не нужно. Вам же хотел одолжение сделать (з). Вахрамеев, коньяку!

Денщик подал ещё коньяку. Приятели налили себе по стакану и задумались. Прошло полчаса в молчании (и)».

После получасового молчания диалог возобновляется, но в другой ориентации. Дубов меняет тактику (тактика «флюгера»), допуская (а), что Милка женского пола, и приводит аргументы в пользу от общего (б) к частным (в). Аффективность выражается в риторическом восклицании (г). Далее следуют доводы о преимуществах женского пола: аргументация Дубова включает ложную аналогию (д). Ориентация на собеседника вынуждает Дубова идти на уступку в цене (е). Кнапс непреклонен. Против навязчивого предложения Дубова у него два веских аргумента (ж-з), которые он для большей убедительности сопровождает структурирующими маркерами (*во-первых, во-вторых*). У Дубова на время заканчиваются аргументы (и):

«— А хоть бы и женского пола... (а) — прервал молчание поручик, угрюмо глядя на бутылку. — Удивительное дело! Для вас же лучше (б). Принесёт вам щенят, а что ни щенок, то и четвертная... Всякий у вас охотно купит (в). Не знаю, почему это вам так нравятся кобели (г)! Суки в тысячу раз лучше. Женский пол и признательнее и привязчивее... (д) Ну, уж если вы так боитесь женского пола, то извольте, берите за двадцать пять (е).

— Нет, голубчик... Ни копейки не дам. Во-первых, собака мне не нужна (ж), а во-вторых, денег нет (з).

— Так бы и сказали раньше. Милка, пошла отсюда (и)!»

Следующий этап аргументации Дубова так же возобновляется после подзарядки и некоторого молчания (а). Дубов продолжает тактику уступки, которая при этом ориентирована на другую цель: ему нужно избавиться от собаки любыми средствами. Новые аргументы поручика — готов отдать собаку даром (в). Он апеллирует к честности адресата (б), который продолжает возражать: у Кнапса ещё два дополнительных веских аргумента (г-д) против:

«Денщик подал яичницу. Приятели принялись за неё и молча очистили сковороду (а).

— Хороший вы малый, Кнапс, честный... (б) — сказал поручик, вытирая губы. — Жалко мне вас так отпускать, чёрт подери... Знаете что? Берите собаку даром! (в)

— Куда же я её, голубчик, возьму? (г) — сказал Кнапс и вздохнул. — И кто у меня с ней возиться будет? (д)»

В итоге Дубов терпит поражение в своём долгом уговаривании при всей своей красноречивости относительно объекта обсуждения и направленности на своего адресата. Он снимает вопрос (а). Следующий аргументативный ход возобновляется после молчания, которое служит композиционным средством в аргументативном процессе (б). Молчание фигурирует в качестве переключателя кода. В данном случае происходит смена лжи на правду, которая вводится поэтапно. Дубову собака совершенно не нужна, но он не перестаёт лукавить, повторяя её превосходные качества (в). В коммуникации с его стороны создаётся напряжение, выраженное очередным молчанием (г), которое сопровождается откровением после некоторой нерешительности (д). Наконец происходит развязка, читатель узнает истину. Для Дубова любые средства хороши, как в процессе аргументации, так и в отношении к «любимой» собаке (е). Новый поворот в решаемой проблеме обосновывается противоположными предыдущим доводами-фактами разного рода относительно нрава, поведения и породы, которые вводятся аргументативными маркерами (*мало того, но, добро бы, а то*) (ж). На этом предмет разговора исчерпывается. Рассказ заканчивается сценой прощания и одиночества Дубова (з):

«— Ну, не нужно, не нужно... чёрт с вами! Не хотите, и не нужно (а) <...>

Дубов и Кнапс оделись и вышли на улицу. Первые сто шагов прошли молча (б).

– Вы не знаете, кому бы это отдать собаку? – начал поручик. – Нет ли у вас таких знакомых? Собака, вы видели, хорошая, породистая, но... мне решительно не нужна (в)!

– Не знаю, милый... Какие же у меня тут знакомые?

До самой квартиры Кнапса приятели не сказали больше ни одного слова (г). Только когда Кнапс пожал поручику руку и отворил свою калитку, Дубов кашлянул и как-то нерешительно выговорил (д):

– Вы не знаете, здешние живодеры собак принимают или нет?

– Должно быть, принимают... Наверное не могу сказать.

– Пошлю завтра с Вахрамеевым... Чёрт с ней, пусть с неё кожу сдерут... (е) Мерзкая собака! Отвратительная! Мало того, что нечистоту в комнатах завела, но ещё в кухне вчера всё мясо сожрала, п-п-подлая... Добро бы, порода хорошая, а то чёрт знает что, помесь дворняжки со свиной (ж). Спокойной ночи!

– Прощайте! – сказал Кнапс.

Калитка хлопнула и поручик остался один (з)».

Заключение. Анализ рассказа «Дорогая собака» показывает, что его название охватывает два аспекта понятия «дорогой» – материальный и нравственный, поддерживаемые Дубовым. По мере развития сюжета развенчиваются оба аспекта, выявляется истинное намерение поручика. Его риторика можно назвать софистической, поскольку она основана на лжи и некорректных приёмах аргументации. Сложно возразить, что данный рассказ не имеет воспитательной цели, поскольку в ней чётко прослеживается линия аморального аргументатора, символично оставшегося в одиночестве.

Список источников

1. Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы / под ред. В. И. Карасика. – Волгоград : Перемена, 2005. – 310 с.
2. Алексеев А. А. Поймите меня правильно, или Книга о том, как найти свой стиль мышления, эффективно использовать интеллектуальные ресурсы и обрести взаимопонимание с людьми / А. А. Алексеев, Л. А. Громова. – Санкт-Петербург : Экономическая школа, 1993. – 350 с.
3. Барбина Н. С. Аргументативный диалог в аспекте теории концептуальной интеграции / Н. С. Барбина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 1 (030). – С. 5–12.
4. Ивин А. А. Современная логика / А. А. Ивин. – Фрязино : Век-2, 2009. – 380 с.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва : Наука, 1987. – 261 с.
6. Тамразова И. Г. Когнитивное пространство эристики / И. Г. Тамразова // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 26. – С. 85–87.
7. Фанян Н. Ю. Аргументативная модель семантического анализа текста / дискурса / Н. Ю. Фанян // Когнитивно-дискурсивные исследования в языке и речи. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2017. – С. 116–138.

References

1. *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokulturnye tipazhi = Axiological linguistics: linguistic and cultural types.* Ed. by V. I. Karasik. Volgograd: Peremena; 2005:310.
2. *Alekseev A. A., Gromova L. A. Poymite menya pravilno, ili Kniga o tom, kak nayti svoy stil myshleniya, effektivno ispolzovat intellektualnye resursy i obresti vzaimoponimanie s lyudmi = Don't get me wrong, or a book about how to find your own thinking style, effectively use intellectual resources and gain mutual understanding with people.* St. Petersburg: Economic School; 1993:350.
3. *Barebina N. S. Argumentative dialogue in the aspect of the theory of conceptual integration. Voprosy kognitivnoy lingvistiki = Questions of cognitive linguistics.* 2012;1(030):5–12.
4. *Ivin A. A. Sovremennaya logika = Modern logic.* Fryazino: Vek-2; 2009:380.
5. *Karaulov Yu. N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost = Russian language and linguistic personality.* Moscow: Nauka; 1987:261.

6. Tamrazova I. G. Cognitive space of eristics. *Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive studies of language*. 2016;26:85–87.

7. Fanyan N. Yu. Argumentative model of semantic analysis of text/discourse. *Kognitivno-diskursivnye issledovaniya v yazyke i rech = Cognitive-discursive research in language and speech*. Krasnodar: Kuban State University; 2017:116–138.

Информация об авторе

Н. Ю. Фанян – доктор филологических наук, профессор.

Information about the author

N. Yu. Fanyan – Doctor of Philological Sciences, Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.07.2023; одобрена после рецензирования 23.08.2023; принята к публикации 26.08.2023.

The article was submitted 21.07.2023; approved after reviewing 23.08.2023; accepted for publication 26.08.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 108–112.
Humanitarian Researches. 2023;3(87):108–112.

Научная статья
УДК 81'1:316.346.2

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

Марина Мартиросовна Цатурян¹, Мариам Ашотовна Саркисян²

^{1, 2}Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹tsaturyan.mm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2738-8765/>;

SPIN-code: 7368-2712.

²ts.m-smile@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3268-1184/>;

SPIN-code: 7596-5730.

Аннотация. Исследования гендерных стереотипов, как правило, сосредоточены на выявлении языковых различий между мужчинами и женщинами, а также дискриминации женщин в языковой картине мира. Язык является важнейшим лингвистическим инструментом и одним из способов репрезентации концепта. Следует отметить, что концепт – это план содержания языкового знака, поскольку он включает в себя, помимо предметной отнесённости, всю коммуникативно значимую информацию. Концепт «женщина» является одним из основных в каждой культуре, поскольку половое разделение заложено в самой человеческой природе и является предметом исследования целого ряда наук: культурологии, социологии, когнитивистики, а также многих лингвистических дисциплин. Язык является средством активизации концепта, тогда как концепт – понятие многомерное, и его необходимо представлять в виде определённой системы. С одной стороны, концепт формируется из наших осмысленных знаний и представлений о мире. Но, с другой стороны, он же и задаёт направление нашему восприятию мира, что проявляется в выборе слов и наделении слов особой коннотацией. В структуре концепта исследователи, как правило, различают микро- и макрокомпоненты. Микрокомпоненты концепта – это отдельные когнитивные признаки, образующие содержание концепта. Макрокомпоненты отражают содержательные типы информации (знаний), представленной в концепте. Концептуальные признаки образуют концептуальные слои. Из концептуальных слоёв состоит периферия. Слои, обволакивающие ядро, расположены в последовательности от менее абстрактных к более абстрактным, согласно этому и выделяются ближняя и дальняя периферии. Интерпретационная часть, как правило, более объёмна, но менее структурирована.

Ключевые слова: гендерные стереотипы, языковая репрезентация, концептуальные признаки, национальная языковая картина мира

Для цитирования: Цатурян М. М., Саркисян М. А. Языковая реализация гендерных стереотипов // Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 108–112.

Research article

LANGUAGE IMPLEMENTATION OF GENDER STEREOTYPES

Marina M. Tsaturyan¹, Mariam A. Sarkisyan²

^{1, 2}Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹tsaturyan.mm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2738-8765/>;

SPIN-code: 7368-2712

²ts.m-smile@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3268-1184/>;

SPIN-code: 7596-5730

Abstract. Studies of gender, as a rule, stereotypes are focused on identifying linguistic differences between men and women, as well as discrimination against women in the linguistic picture of the world. Language is the most important linguistic tool, and one of the ways to represent the concept. It should be noted that the concept is a plan of the content of

---

© Цатурян М. М., Саркисян М. А., 2023.

a linguistic sign, since it includes, in addition to subject relatedness, all communicatively significant information. The concept of "woman" is one of the main ones in every culture, since gender division is inherent in human nature itself, and is the subject of research in a number of sciences: cultural studies, sociology, cognitive science, and many other linguistic disciplines. Language is a means of activating the concept. Whereas the concept is a multidimensional concept, and it must be represented as a certain system. On the one hand, the concept is formed from our meaningful knowledge and ideas about the world. But, on the other hand, it also sets the direction for our perception of the world, which is manifested in the choice of words and endowing words with a special connotation. In the structure of the concept, researchers, as a rule, distinguish between micro and macro components. The microcomponents of the concept are separate cognitive features that form the content of the concept. Macrocomponents reflect the content types of information (knowledge) presented in the concept. Conceptual features form conceptual layers. The periphery consists of conceptual layers. The layers enveloping the core are arranged in sequence from less abstract to more abstract, and according to this, the near and far peripheries are distinguished. The interpretation part, as a rule, is more voluminous, but less structured.

Keywords: gender stereotypes, linguistic representation, conceptual features, national linguistic picture of the world

For citation: Tsaturyan M. M., Sarkisyan M. A. Language implementation of gender stereotypes. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;3(87):108–112 (In Russ.).

Гендерные исследования предполагают анализ гендерных стереотипов, а анализ концептов проводится с позиции гендерной лингвистики. Концепт «женщина» является одним из основных в каждой культуре, поскольку половое разделение заложено в самой человеческой природе и является предметом исследования целого ряда наук: культурологии, социологии, когнитивистики, а также многих лингвистических дисциплин. Исследования гендерных феноменов в основном сосредоточены на выявлении языковых различий между мужчинами и женщинами и дискриминации женщин в языковой картине мира. Язык является одним из способов репрезентации концепта, точнее, концепт – это план содержания языкового знака, поскольку он включает в себя, помимо предметной отнесённости, всю коммуникативно-значимую информацию. Концепт – понятие многомерное, и его необходимо представлять в виде определённой системы. С точки зрения иерархии содержательных элементов концепт состоит в первую очередь из микроконцептов. Они включают в себя концептуальные аспекты, которые формируются на основе тематической соотнесённости. Концептуальный аспект состоит из концептуальных признаков, которые в рамках лексем или фразеологизма могут быть соотнесены с дифференциальной семой.

Каждая категория концептуальной системы обладает рядом черт или признаков, которые называются концептуальными признаками, образующими концептуальные слои. Из концептуальных слоёв состоит периферия. Слои, обволакивающие ядро, расположены в последовательности от менее абстрактных к более абстрактным, согласно этому и выделяются ближняя и дальняя периферии. Интерпретационная часть, как правило, более объёмна, но менее структурирована. Она не представляет собой некое целостное формирование, а вероятнее всего, наоборот, может быть неоднозначна и противоречива. Например, периферия концепта «женщина» включает в себя одновременно признаки целомудрия и распущенности, подчинённого положения и властности. Данное поле концепта отражает интерпретацию отдельных концептуальных признаков. В качестве этих элементов выступают различные утверждения и установки сознания, ассоциируемые с концептом и релевантные для этого концепта. Сюда же входят понятия, выраженные устойчивыми и образными выражениями, афоризмами, пословицами, поговорками и др. Так как концепт является абстрактным явлением, то его структура не постоянна, подвижна. С этой позиции В. А. Маслова, обращаясь к теории

концепта Мартина Хайдеггера, определяет термин как «семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры (по М. Хайдеггеру)» [3, с. 176]. В таком определении «концепта» очевидна неотъемлемая связь концепта с национально-культурной составляющей личности и языка. Отражая мировоззрение народа, концепт определяет национальную языковую картину мира. Язык – средство активизации концепта. Что касается знакового выражения концепта, то здесь план выражения и план содержания взаимосвязаны.

Специфика языковой картины мира отдельного народа проявляется прежде всего в его фразеологии. Согласно Н. М. Шанскому, фразеология представляет собой «совокупность устойчивых сочетаний слов, аналогичных словам по своей воспроизводимости в качестве готовых и целостных единиц» [4, с. 74]. Та часть языковой картины мира, которая представлена средствами фразеологии, называется фразеологической картиной мира. Фразеологизмы представляют собой один из источников знаний о национальной культуре. Их интерпретация отражает народные традиции, обряды, нормы поведения представителей культуры, бытовую, а также художественную культуру народа. Фразеологическая картина мира передаёт не столько практический, сколько духовный опыт людей. Все народы осмысливают фрагменты окружающего мира по-разному. В языке закрепляются в форме фразеологизмов именно те выражения, которые соотносятся с характерными для той или иной лингвокультурной общности стереотипами и эталонами. Говоря конкретнее, фразеологизмы могут отражать национальную культуру тремя способами.

Во-первых, комплексно, то есть всеми компонентами вместе. Пример: “blue stocking” [2, с. 724] – ФЕ, характеризующая образованную и педантичную женщину, чаще всего одинокую. Этимологически этот фразеологизм восходит к XVIII в., когда учёный Стиллингфлит появился в одном Лондонском салоне в синих чулках, и с тех пор всех девушек, присутствовавших на том собрании и вообще заинтересованных в науке, стали называть синими чулками. Другой пример: фразеологизм “a high-kicker” – кокетка [5, с. 140]. Так называли девушек, которые танцевали канкан.

Во-вторых, расчленённо, отдельными элементами. Например, ФЕ “Lady Bracknell” [6, р. 718], обозначающая женщину недалёкого ума. Этот образ взят из пьесы Оскара Уайльда «Как важно быть серьёзным». В качестве примера можно привести фразеологизм “a left-handed wife” [7], который применим к женщине незнатного происхождения, вступившей в брак с членом аристократической семьи. По традиции жених в таком случае подавал жене левую руку, а не правую.

В-третьих, прототипами – сочетаниями, которые описывают характерные обычаи, обряды, детали быта и т. д. Прототипы также могут отражать внешность человека, элементы одежды, как во фразеологизме “to be pinned to one’s wife’s apron-strings” – «быть пришитым к юбке» [1, с. 317]; традиционной кухни, например “cold biscuit” – «холодная женщина» [1, с. 405]. В состав многих фразеологизмов входят имена собственные, которые, как правило, идут из фольклора, литературных произведений или являются отсылкой к историческим событиям. Пример: “Big Bertha” – «сильная тучная женщина» [1, с. 78].

Фразеологические единицы, помимо номинативной и коммуникативной, выполняют в языке и экспрессивную функцию, и роль коннотативного компонента чрезвычайно важна. Коннотативный компонент отражает эмоциональную сторону человека. Коннотация включает в себя четыре компонента: оценочный, эмоциональный, экспрессивный и функционально-стилистический.

Оценочный компонент отражает одобрительное или неодобрительное отношение говорящего к тому или иному явлению. В разных культурах и в разное время понятия хорошего и плохого, добра и зла рассматриваются по-разному. Даже каждый человек в отдельности имеет собственные

представления об этих понятиях, несмотря на то что существует и некая общепринятая точка зрения, которая отражается как раз в фразеологизмах. Выделяют положительный, отрицательный и нейтральный компоненты, которые передают одобрение, осуждение или отсутствие ярко выраженного отношения. Так, например, ФЕ “an angel of mercy” – «ангел милосердия, обычно женщина, ухаживающая за больными» [1, с. 199] несёт на себе положительную оценку. “Lady of easy virtue” – «легкодоступная женщина» [1, с. 811] несёт отрицательную оценку, а “stable girl” [7] – статистка, как и большинство других фразеологизмов, обозначающих профессию, – нейтральную.

В основе эмоционального компонента лежит передача чувств и эмоций. Он непосредственно связан с оценочным компонентом, так как эмоции, как правило, бывают либо положительными, либо отрицательными. Нужно учесть, что эмоциональный компонент можно считать закреплённым, если он не зависит от контекста. Зачастую в словарях на эмоциональный компонент указывают пометы. Например, ФЕ “mutton dressed (up) as lamb” – «молодая старушка» [1, с. 523] эмоциональна окрашена.

Экспрессивный компонент также связан с двумя предыдущими. Он выражает то, насколько сильно выражен эмоционально-оценочный компонент. Тем не менее его присутствие в семантике фразеологизма необязательно. Мы можем выделить этот компонент на основе так называемых интенсивов – слов, выражающих большую степень признака. Интенсивы могут быть представлены в виде прилагательных, наречий, существительных и глаголов. Примером может служить поговорка “There is no devil so bad as a shedevil” [7] – «Нет дьявола хуже, чем женщина». В ней в качестве интенсивов выступают слова “so...as”.

Функционально-стилистический компонент выражает принадлежность ФЕ к стилям речи и их распространённости. Выделяют книжные, разговорные и межстилевые ФЕ. Книжные фразеологизмы употребляются в художественной, публицистической и научной речи. Книжным является фразеологизм “Pandora's box” [7] – «ящик Пандоры», этимологически связанная с мифологией, или “the weaker vessel” – «сосуд скудельный» [1, с. 789], происходящая из Библии. К разговорным ФЕ относят выражения, используемые только в устной речи. В словарях они сопровождаются соответствующими пометами: разг., прост., груб., бран., пренебр., грубо-прост., жарг. Например, как разговорный в словаре отмечен фразеологизм “to run straight” [6] – быть верной своему мужу, “a dolly bird” – «хорошенькая девушка, куколка» [1, с. 386] – как жаргонная, а “a piece of flesh” – «баба, девка» [1, с. 263] как грубая. Нейтральные фразеологизмы употребляются во всех стилях речи. Это такие ФЕ, как “fair charmer” [7] – прекрасная чародейка, или “the better half” – «лучшая половина, жена» [1, с. 344].

По мнению А. В. Масловой [3] западная культура гетеросексуальна и маскулиноцентрична, что сказывается и на языке. Это подтверждается, например, тем фактом, что в некоторых европейских языках «человек» обозначается тем же словом, что и «мужчина»: a man (англ.), un homme (фр.), das Man (нем.).

Итак, резюмируя рассмотренные теоретические основы изучения концептологии и фразеологии, можно утверждать, что концепт – это когнитивная категория, вбирающая в себя фактические знания об окружающем мире, а также национальный и личный опыт индивидуума. Язык как средство не только отражения, но и познания действительности, также определяет содержание концепта. Гендерные стереотипы вызывают значительный интерес современной лингвистики, поскольку в центре внимания гендерных исследований находятся культурные и социально-психологические факторы, которые обуславливают стереотипные представления о мужских и женских качествах. Как продукт социальных отношений и культурных традиций гендер не является собственно лингвистической категорией, однако путем анализа мы раскрыли

его содержание и выявили стереотипы, зафиксированные в мировоззрении носителей языка.

Список источников

1. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – Москва : Русский язык, 1984. – 944 с.
2. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – Москва : Эдиториал УРСС, 2017. – 256 с.
3. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – 4-е изд. – Москва : Флинта: Наука, 2008. – 293 с.
4. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – Москва : Высшая школа, 1958. – 232 с.
5. Kirkpatrick E. M. The Wordsworth Dictionary of Idioms / E. M. Kirkpatrick, C. M. Schwarz. – Ware : Wordsworth Editions, 1993. – 432 p.
6. Longman Dictionary of English Idioms. – Bath. : Pitman Press, 1980. – 390 p.
7. Merriam-Webster Dictionary. – URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 01.11.2020).

References

1. Kunin A. V. *Anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar = English-Russian phraseological dictionary*. Moscow: Russian language; 1984:944.
2. Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafora, kotorymi my zhivem = Metaphors by which we live*. Moscow: Editorial URSS; 2017:256.
3. Maslova V. A. *Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku = Introduction to cognitive linguistics*. 4th ed. Moscow: Flinta: Nauka; 2008:293.
4. Shanskiy N. M. *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka = Phraseology of the modern Russian language*. Moscow: Higher School; 1958:232.
5. Kirkpatrick E. M., Schwarz C. M. *The Wordsworth Dictionary of Idioms*. Ware: Wordsworth Editions; 1993:432.
6. Longman Dictionary of English Idioms. Bath.: Pitman Press; 1980:390.
7. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed: 01.11.2020).

Информация об авторах

М. М. Цатурян – доктор филологических наук, профессор;

М. А. Саркисян – кандидат филологических наук, преподаватель.

Information about the authors

M. M. Tsaturyan – Doctor of Philological Sciences, Professor;

M. A. Sarkisyan – Candidate of Philological Sciences, Lecturer.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.07.2023; одобрена после рецензирования 28.08.2023; принята к публикации 03.09.2023.

The article was submitted 24.07.2023; approved after reviewing 28.08.2023; accepted for publication 03.09.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 113–121.
Humanitarian Researches. 2023;3(87):113–121.

Научная статья
УДК 81'42:004.512.4

**КОНЦЕПЦИЯ «ДУХ – ДУША – ТЕЛО» В. Ф. ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО (СВТ. ЛУКИ)
КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА АНАЛИЗА ПОЭТИКИ ТЕЛЕСНОСТИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

Дмитрий Михайлович Бычков¹, Ксения Николаевна Гущина²

¹Астраханский государственный технический университет, Астрахань, Россия

²Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Россия

¹dmitriybychkov@list.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0114-7341>

²k.churzina@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7235-62-63>

Аннотация. Философ и богослов В. Ф. Войно-Ясенецкий в своих многочисленных трудах решал вопросы, касающиеся различных конвергентных сфер знаний. Архиепископ Лука (В. Ф. Войно-Ясенецкий), будучи профессиональным врачом-хирургом, вводил в научный оборот неконцептуальные понятия из области клинической деятельности, в частности хирургии, которой он занимался на протяжении всей своей профессиональной жизни, фундаментальной медицины в целом, а также и философии, этики, религиоведения, «ментальной экологии», психологии, науки об образовании и даже живописи, что подтверждает несомненное удивление гениальности этого человека. В. Ф. Войно-Ясенецкого в своём труде «Дух, душа и тело» предпринял попытку синтезировать понятия различных сфер знаний и раскрыть механизмы их взаимообусловленности и взаимосвязи, что, в свою очередь, даёт предпосылки использования его авторской концепции на практике анализа прозаического и поэтического художественного текста.

Статья раскрывает специфику репрезентации научно-философской картины мира В. Ф. Войно-Ясенецкого, основанной на принципе синтеза трёх концептуальных понятий – дух, душа и тело. Автор приписывает духовному компоненту триады функцию понимания и осознания мира, тогда как тело играет роль материальной оболочки для их проявления. Сознание же является посредником между ними и позволяет человеку ощущать себя единым целым существом. Триединство духа, души и тела в концепции В. Ф. Войно-Ясенецкого в значительной степени расширяет философскую картину мира в целом и способы её интерпретации в структуре художественного произведения.

Кроме того, автор обращает внимание на телесный компонент триады. Тело с позиции автора – это не только материальная часть нашего бытия, но и средство выражения духовной стороны нашей личности. В этой связи авторами делается акцент на семантизации образа сердца и его функционального потенциала при анализе художественного текста.

Ключевые слова: поэтика, телесность, художественный текст, В. Ф. Войно-Ясенецкий (свт. Лука), образность, дух, душа

Для цитирования: Бычков Д. М., Гущина К. Н. Концепция «дух – душа – тело» в одноименном труде В. Ф. Войно-Ясенецкого (свт. Луки) как методологическая основа анализа поэтики телесности художественного произведения // Гуманитарные исследования. 2023. № 3. С. 113–121.

Research article

THE CONCEPT OF “SPIRIT – SOUL – BODY” BY V. F. VOINO-YASENETSKY (SVT. LUKE)
AS A METHODOLOGICAL BASIS FOR THE ANALYSIS
OF THE POETICS OF THE PHYSICALITY OF A WORK OF ART

Dmitry M. Bychkov¹, Kseniya N. Gushchina²

¹Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia

²Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russia

¹dmitriybychkov@list.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0114-7341>

²k.churzina@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7235-62-63>

Abstract. The philosopher and theologian V. F. Voino-Yasenetsky in his numerous works solved issues concerning various convergent spheres of knowledge. Archbishop Luke (V. F. Voino-Yasenetsky), being a professional surgeon, introduced non-conceptual concepts from the field of his clinical activity into scientific circulation, in particular, surgery, which he was engaged in throughout his professional life, fundamental medicine in general, as well as philosophy, ethics, religious studies, "mental ecology", psychology, the science of education and even painting, which confirms the undoubted surprise of the genius of this man. Voino-Yasenetsky in his work "Spirit, Soul and Body" made an attempt to synthesize the concepts of various fields of knowledge and reveal the mechanisms of their interdependence and interrelation, which, in turn, provides prerequisites for the use of his author's concept in the practice of analyzing prose and poetic literary text.

The article reveals the specifics of the representation of the scientific and philosophical picture of the world by V. F. Voino-Yasenetsky, based on the principle of synthesis of three conceptual concepts – spirit, soul and body. The author attributes to the spiritual component of the triad the function of understanding and awareness of the world, while the body acts as a material shell for their manifestation. Consciousness is an intermediary between them and allows a person to feel like a single whole being. The trinity of spirit, soul and body in the concept of V. F. Voino-Yasenetsky greatly expands the philosophical picture of the world as a whole and the ways of its interpretation in the structure of the work of art.

In addition, the author draws attention to the bodily component of the triad. From the author's point of view, the body is not only a material part of our being, but also a means of expressing the spiritual side of our personality. In this regard, the authors focus on the semantics of the image of the heart and its functional potential in the analysis of a literary text.

Keywords: poetics, physicality, artistic text, V. F. Voino-Yasenetsky (svt. Luke), imagery, spirit, soul

For citation: Bychkov D. M., Gushchina K. N. The concept of “spirit – soul – body” in the work of the same name by V. F. Voino-Yasenetsky (svt. Luke) as a methodological basis for the analysis of the poetics of the physicality of a work of art. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;3(87):113–121 (In Russ.).

Введение в проблематику. Выдающийся учёный XX в. Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий (1877–1961 гг.) оставил обширное и актуальное научное наследие не только в области анатомии и физиологии человека, шире – естествознания, но и богословия – апологетики и догматики православия, которые концептуально объединены в его трудах религиозно-философской триадой *дух – душа – тело*, что, в свою очередь, вполне приложимо к анализу и интерпретации категории телесности в литературно-художественном дискурсе.

В. Ф. Войно-Ясенецкий – личность, безусловно, религиозно одарённая, человек, достигший в своем духовном развитии уровня святости, канонизированный Русской православной церковью. В акафисте, посвящённом его хвалебно-благодарственному прославлению, акцентируется значение его врачебной деятельности, фундированной духовным откровением: «Видя в чловецех во время врачеваний, аки в зеркале, премудрость и славу Творца всяческих Бóга, к Немú дúхом всегда возносился еси <...> Рáзум твой Божественными учёными просветил еси, Лукó всеславне, отвёргнув всякое

плотское мудрование, с разумом же и волю повинул еси Господеви, подобен апостолом быв». В данном гимнографическом тексте, как видно из приведённой цитаты, находит своеобразное отражение идея В. Ф. Войно-Ясенецкого о том, что психический процесс вынесен за пределы человеческого тела. В иножанровом контексте репрезентация идей В. Ф. Войно-Ясенецкого представляется, как мы думаем, более наглядной: действительно, стоит в этой связи отметить, что актуальные на сегодняшний день исследования мозга, действительно, как резюмирует, к примеру, Т. М. Лабушева, «не противоречат данной конкретной истине», что является, по словам исследователя, ссылающегося, кстати, на В. Ф. Войно-Ясенецкого, убедительным доказательством того, что «мысли, согласно известному выражению, не могут витать в воздухе, а сознание – находиться вне мозга». В этом смысле актуальным, на наш взгляд, представляется вопрос о более пристальном изучении идейного содержания «святоотеческих когнитивных теорий», поскольку «решение в пользу материалистической или идеалистической философии – это дело когнитивной науки, которая изучает “сплетение незримой ткани мысли”».

В последние годы имя В. Ф. Войно-Ясенецкого и его многочисленные труды, посвящённые решению проблемных вопросов в самых различных сферах знания, всё частотнее, хотя при этом отчасти фрагментарно и подчас лишь тезисно, включаются в актуальный научный оборот не только в области клинической деятельности, в частности хирургии, которой он занимался на протяжении всей своей профессиональной жизни, но и фундаментальной медицины в целом, а также и философии, этики, религиоведения, «ментальной экологии», психологии, науки об образовании и даже живописи, что подтверждает несомненную гениальность этого человека, иными словами, идеи В. Ф. Войно-Ясенецкого в значительной степени опережают развитие современной гуманитарной мысли, языкознания, теории и практики медиа, межкультурной коммуникации и литературоведения в том числе. Так, российские лингвисты обращаются к анализу особенностей языка и научного стиля учёного: Ш. М. Умаханова и В. А. Судакова рассматривают словообразовательные модели многословных медицинских терминов на материале известной монографии В. Ф. Войно-Ясенецкого «Очерки гнойной хирургии», отмечают наличие в тексте многословных анатомических терминов, которые используются для последовательного всестороннего описания человеческого организма, по неоднозначному, на наш взгляд, мнению исследователей, «в целях успешного проведения операций». Лингвист Т. В. Чиковани в цикле научных публикаций рассмотрела комплекс концептов в проповедническом дискурсе В. Ф. Войно-Ясенецкого. В результате анализа Т. В. Чиковани составлен перечень сверхчастотных лексем-коллокатов, входящих в концептуальные поля «вера», «духовное возрастание», «добродетель», «грехопадение», «скорбь», «покаяние», «наказание». «печаль», «Бог», «мир», «смерть», «жизнь», являющиеся, по наблюдениям исследователя, «когнитивными доминантами» дискурса учёного и богослова. Рассмотрены Т. В. Чиковани также и авторские стилистические приёмы В. Ф. Войно-Ясенецкого-проповедника. В результате Т. В. Чиковани вполне успешно реализована попытка определения специфики стиля и особенностей языковой личности Святителя Луки. К интерпретации евангельского сюжета как организующему фактору многочисленных публицистических выступлений архиепископа Луки обращается Е. С. Забавникова, обосновывая эстетическую специфику журнальных публикаций В. Ф. Войно-Ясенецкого, представляющих собой, по наблюдениям Е. С. Забавниковой, образцы продолжения традиций древнехристианской гомилии. Кстати отметить, что Е. С. Забавникова – автор также научной работы, написанной в русле медиакommunikации, в которой объясняет функции оригинального использования СМИ имиджмейкерских приёмов для создания «посмертного имиджа» архиепископа Луки. Акцентируя внимание на анализе публикаций

о профессоре-архиепископе в российской периодике, Е. С. Забавникова приходит к несколько парадоксальному заключению, что «детали, которые применяли журналисты в своих статьях, полностью совпадают с готовыми «клише», которые используют имиджмейкеры для формирования положительного образа политика».

Литературоведы-исследователи агиографической традиции, рассматривая в жанровом аспекте существующие жизнеописания архиепископа Луки Войно-Ясенецкого на материале книги М. А. Поповского «Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга» и автобиографии святителя Луки «Я полюбил страдание...», дают критический анализ произведения М. А. Поповского, создавшего, в частности, по мнению А. А. Моториной, «не биографию архиепископа-хирурга, не житие святителя, а произведение смешанного жанра, где субъективная авторская точка зрения занимает главенствующее положение». Включается персона В. Ф. Войно-Ясенецкого и в историко-литературный контекст, подчас, заметим в скобках, вполне неожиданный. К примеру, историки литературы XX в., реконструируя соответствующий религиозно-философский контекст времени создания повести М. А. Булгакова «Собачье сердце», утверждают, что среди множества культурных мифологем, присутствующих в произведении, имеет место православная символика сердца, восходящая к трудам отечественных мыслителей Г. С. Сковороды, И. П. Павлова и в том числе архиепископа Луки. Рассматривая двойственность этого понятия как органа чувств и как эквивалента духовной сущности человека, образ сердца понимается филологами-исследователями «как главный мотивирующий и координирующий центр человека, направляющий его действия», о чём, как становится известно, в своё время рассуждал В. Ф. Войно-Ясенецкий, в частности в главах «Сердце как орган высшего познания» и «Душа животных и человека» в книге «Дух, душа, тело», к идейному содержанию которой более подробно мы обратимся в настоящей работе, в которой постараемся несколько расширить представление о репрезентативности идей В. Ф. Войно-Ясенецкого в современной теории литературы.

Активно развивающаяся современная филологическая наука стремится к диалогу с естественнонаучными дисциплинами с целью обогащения терминологического аппарата, обретения точности знания о природе текста, что позволяет преодолеть границы между науками, казавшимися полярными, вскрыть их герметичность. «До XIX века система точных наук поражала ясностью и точностью ... Царила безусловная вера в основные догматы науки. И вот великие научные открытия в самом конце прошлого и в начале нынешнего столетия неожиданно расшатали самые устои этого здания и заставили пересмотреть основные идеи физики и механики. Принципы, которые казались имеющими самую достоверную математическую базу, оспариваются теперь учеными», – писал В. Ф. Войно-Ясенецкий.

Действительно, начало XX в. ознаменовано событиями подчас парадоксальными, затронувшие все бытийные сферы существования человека: войны, революции, реформы, смена государственного режима, вместе с тем, резкое развитие науки и технологий, с одной стороны, и повышенный интерес к мистике, мистическим практикам, эзотерическим учениям – с другой. А. Блок писал, что в этот период «глубинные изменения в мире социальном, в мире духовном и в мире физическом» [1, с. 10] находят своё выражение в принципиально новых подходах к пониманию окружающего нас мира, человека и человека в этом мире. А. Блок, продолжая свою цитату, назвал этот период понятием «поэтика смыслового сдвига» [1, с. 10]. И хотя писатель говорил в первую очередь об искусстве, но и к новейшей филологической науке эта характеристика также вполне справедлива. «Век и конец века на евангельском языке не означает конец и начало столетия, но означает конец одного мировоззрения, одной веры, одного способа общения людей и начало

мировоззрения, другой веры, другого способа общения», – писал Л. Толстой в 1905 г. в статье «Конец века» [11, с. 3]. Причём все перечисленные Л. Толстым перемены следует понимать как буквально, так и метафорически.

«Смысловой сдвиг» в области естествознания проявился, например, во взгляде на материю органическую и неорганическую (живую и неживую), а конкретнее на условность границы этого деления. Таким образом, формируется и утверждается диалектический взгляд на живое и костное вещество, что в корне изменило представление о феномене *жизни*, – это и есть та самая смена мировоззрения, о которой писал Л. Толстой.

В контексте подобного понимания природы бытия человека и феномена жизни в классической филологии обогащается новыми смыслами и переосматриваются категории художественности текста (образность, хронотоп, пейзаж), в том числе и категории телесности. В художественном дискурсе происходит формирование новых концептуальных полей знаний с последующим переустройством концептуальной картины мира произведения. В интерпретацию проникают новые концептуальные понятия, зачастую не имеющие предметной основы – *Бог, Троица, вера / неверие, Церковь, Святой Дух, Таинства* и многие другие, которые нередко вступают в противоречия со сложившейся картиной мира и для осмысления которых необходима перманентная интеллектуальная деятельность, поскольку конечная цель лица, познающего новую формацию знаний, полное преображение сознания и образа мыслей.

Большая заслуга в новом понимании природы тела человека и категории телесности принадлежит, как отмечалось выше, В. Ф. Войно-Ясенецкому и его религиозно-философскому труду «Дух, душа и тело» (1945–1947 гг.). Тезисно осветим основные положения концепции учёного-богослова.

В структуре тела человека учёный акцентировал внимание главным образом на образе сердца: «Сердце не только определяет наше мышление; как это ни странно покажется всем, считающим непреложным учение психологии об уме как органе мышления и познания, – именно сердце, по Священному Писанию, мыслит, размышляет, познает. Так, расширяется интерпретация образа сердца. Теперь становится ясно, почему поэты и писатели, особенно литературной классики, является центральным образом поэтики творчества, семантизирующим традиционное средоточие человеческих чувств, эмоции, страстей и душевных переживаний.

Русская литература восприняла и активно использует полисемантический потенциал данного образа. Понимание образа сердца в может быть разнообразным и зависит от контекста произведения. Вот некоторые способы понимания этого образа. Например, *физический и эмоциональный аспект*: сердце может быть воспринято как орган грудной полости и в то же время как центр эмоциональных переживаний. Это позволяет создавать образы, в которых физические ощущения тесно связаны с эмоциональными состояниями. *Символ любви и страсти*: сердце в русской литературе часто служит символом глубокой и страстной любви. Оно может выражать томление, жажду, счастье и муки, связанные с любовными отношениями. *Интуиция и духовность*: сердце также может символизировать духовные аспекты человека, включая интуицию, душевную мудрость и внутреннее понимание. Это может быть связано с поиском смысла жизни и духовного развития. *Символ жизни и смерти*: сердце может отражать кружение жизни и смерти. Этот образ может быть использован для подчёркивания временности бытия и вечного вопроса о смысле человеческой жизни. *Поведение и характер*: образ сердца может быть связан с моральными и этическими аспектами. Персонажи могут «слушать своё сердце» в принятии решений, что может влиять на их поступки и характер. *Эмоциональные противоречия*: сердце может символизировать внутренние борьбы и конфликты человека, его эмоциональные колебания

между разными чувствами и желаниями. *Символ истории и нации*: в некоторых случаях сердце может стать метафорой для коллективных чувств и истории нации, а также для судьбы и переживаний народа. Эти разнообразные способы понимания образа сердца в русской литературе обогащают тексты и помогают передать сложные эмоциональные, философские и моральные аспекты.

В Золотом веке русской поэзии сердце часто ассоциируется с любовью, грустью, страданием, жадой свободы и самопознания. Этот образ используется в различных жанрах поэзии. Например, в стихотворении А. Пушкина «Я вас любил» сердце изображается как место, где живет любовь.

В стихотворении Ф. Тютчева «Сердце» сердце описывается как центр психической (душевной) человеческой жизни:

*Сердце – центр жизни, в нём живёт душа,
Оно несёт в себе всю тяжесть года,
И радость, и боль, и любовь, и страх...*

В поэме А. Блока «Двенадцать» сердце символизирует желание свободы и самопознания. Например, в романе Ф. Достоевского «Преступление и наказание» сердце описывается как место, где находится совесть и муки сознания: «*Но вот сердце его забилося, и он почувствовал, что у него внутри что-то трещит и лопается. Он вздрогнул и пошёл быстрее, стараясь отогнать от себя мысли, которые не давали ему покоя*».

Как ни кажется парадоксальным, с образом сердца В. Ф. Войно-Ясенецкий соотносит когнитивные ресурсы человека, отводит сердцу «видное место в деле познания», сердце мыслится местом «окончательной обработки ... – горниле чувств и воли. ... Сердце – второй орган восприятия, познания и мысли» [2, с. 46]. Образ сердца в русской литературе неоднократно трансформировался и приобретал новые значения. Этот факт объясняет деконструкцию концепта сердца и служит ещё одним подтверждением теоретических построений Якобсона. Так, в модернистской лирике В. Маяковского сердце оказывается составной частью строительного материала для создания метафорического дискурса:

*«Все вы на бочку поэтиного сердца
Взгромоздитесь, грязные, в калошах и без калош.
Толпа озверевает, будет тереться,
Оцетинит ножки стоголавая вошь».*

(Нате! 1913)

В поэме А. Пушкина «Медный всадник» сердце символизирует город Санкт-Петербург:

*«И думаю: вот ты, город мой,
Твои заброшенные кварталы,
Твои затерянные дворцы,
Твои заброшенные храмы,
Твои бесчисленные мосты,
Твои улицы, твои площади,
Твой Нева-матушка, твой Исакий,
Твоя медная кавалерия –
Всё это тоже сердце моё...»*

В романе Л. Толстого «Анна Каренина» сердце описывается как место, где происходят внутренние борьбы и размышления героев: «*Ему казалось, что его сердце сжимается и больше не может биться. Но в следующую минуту оно билось ещё сильнее, и он чувствовал, что его жизнь только начинается и что он должен жить и бороться*».

В русской литературе семантический потенциал образа сердца имеет весьма полярные интерпретации. Так, учёный-богослов в своей работе

не умаляет значение сердца в физиологической системе человека. Анатомо-физиологический функционал нашёл отражение в литературе. Например, в романе И. Тургенева «Отцы и дети» главный герой Базаров фокусируется на механической природе сердца: «Сердце не нужно для того, чтобы понимать, а мозг. Сердце – это механизм, который качает кровь. Всё остальное – фантазии». А в романе Ф. Достоевского «Идиот» главный герой Мышкин акцентирует внимание на глубинной чувственной природе органа, своего рода тайнике человеческого бытия: «Сердце – это такая маленькая комната, но в ней может быть места для тысячи других комнат». Образ сердца в русской литературе не только сохраняет свою значимость, но и продолжает эволюционировать и приобретать новые значения, отражающих разные аспекты человеческой жизни и психологии. Семантический потенциал образа сердца в русской литературе включает в себя следующие значения: *орган жизни и здоровья* – сердце часто описывается как главный орган кровообращения, который обеспечивает жизнь и здоровье человека; *орган чувств и эмоций* – сердце символизирует глубину человеческих чувств и эмоций, таких как любовь, страсть, скорбь, радость и т. д.; *орган познания* – в некоторых произведениях сердце описывается как орган познания мира, способный чувствовать и понимать окружающую действительность; *символ души* – сердце является символом души человека, его внутреннего мира и личности; *метафора жизни и смерти* – сердце может быть метафорой жизни и смерти, так как его остановка означает конец жизни; *символ любви* – сердце является символом любви и привязанности, часто используется в поэзии и романтических произведениях; *символ верности и преданности* – сердце может символизировать верность и преданность, так как оно связано с чувством привязанности к другому человеку или идее; *символ мужества и силы* – сердце может быть символом мужества и силы, так как оно ассоциируется с физической выносливостью и стойкостью духа.

Таким образом, в работе «Дух, душа и тело» автором поднимаются философские проблемы взаимоотношений между тремя составляющими человека: духом (индивидом), душой (сознанием) и телом (физическим телом). Согласно В. Ф. Войно-Ясенецкому, каждый из элементов триады является независимой сущностью, однако в то же время они связаны друг с другом и формируют единое целое – человеческий организм. Автор подчёркивает важность духа как источника индивидуальности и личности. Он считает, что духовные качества, такие как мораль, нравственность, культура и интеллект, являются основой для развития человеческого общества. Однако он также признаёт, что без физических сил и здоровья человек не может достичь своих потенциальных возможностей. Согласно авторской концепции, душа представляет собой способность к мышлению, чувству и восприятию окружающего мира посредством сердца как органа высшего познания и мышления, которое позволяет нам осознавать себя и свою жизнь, вырабатывать ценности и принципов, которые определяют нашу жизненную позицию. В то же время она зависит от физической среды и ограничена её возможными возможностями. Физические свойства тела играют большую роль в жизни человека. Тело обеспечивает наши базовые потребности, включая питание, воду и защиту от внешних факторов. Также тело служит средством коммуникации и движения, через которое мы можем взаимодействовать с другими людьми и миром вокруг нас.

Список источников

1. Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Поэмы и стихотворения. 1917–1921 / А. А. Блок ; под ред. М. Л. Гаспарова [и др.]. – Москва : Наука, 1999. – Т. 5. – 529 с.
2. Дух, душа и тело: избранные поучения / свт. Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Симферопольский и Крымский. – 9-е изд. – Москва : ДАРЪ, 2022. – 320 с.

3. Забавникова Е. С. Евангельский сюжет как организующий фактор публицистического выступления архиепископа Луки (В. Ф. Войно-Ясенецкого) в «Журнале Московской Патриархии» (на примере публикации 1953 г.) / Е. С. Забавникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7 (61), ч. 2. – С. 18–22.
4. Кубланова А. А. Войно-Ясенецкий – художник / А. А. Кубланова, С. А. Сапаргалиева, А. И. Синюкова // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. – 2016. – Т. 6, № 5. – С. 499.
5. Липатов В. А. Имя В. Ф. Войно-Ясенецкого (свт. Луки) в современной научной литературе (результат частотного анализа) / В. А. Липатов, И. Л. Привалова, А. А. Денисов, Н. А. Никитин, А. Г. Ахмедов // Innova. – 2021. – № 3 (24). – С. 6–9.
6. Моторина А. А. Жизнеописание святителя Луки Войно-Ясенецкого (к вопросу о соотношении биографии, автобиографии и жития) / А. А. Моторина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 5. – С. 113–121.
7. Попова В. В. Специфика этической мысли В. Ф. Войно-Ясенецкого / В. В. Попова // Вестник Костромского государственного университета. – 2010. – № 1. – С. 167–170.
8. Савельева Т. Г. «Собачье сердце» М. А. Булгакова в контексте русской культуры: религиозно-философский аспект / Т. Г. Савельева // Вестник славянских культур. – 2020. – Т. 55. – С. 138–145.
9. Сидоров П. И. Ментальная экология социального служения святителя Луки / П. И. Сидоров // Экология человека. – 2013. – № 11. – С. 57–60.
10. Степанова И. Н. Православная философия В. Ф. Войно-Ясенецкого / И. Н. Степанова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2015. – № 7. – С. 246–249.
11. Толстой Л. Н. Конец века / Л. Н. Толстой. – Москва : Посредник, 1917. – 58 с.
12. Умаханова Ш. М. Словообразовательные модели многословных медицинских терминов монографии В. Ф. Войно-Ясенецкого «Очерки гнойной хирургии» / Ш. М. Умаханова, В. А. Судакова // FORCIPE. – 2021. – Т. 4. – С. 457.
13. Халезова Л. В. Наследие В. Ф. Войно-Ясенецкого в свете межкультурной коммуникации / Л. В. Халезова, Т. Б. Кузёма, А. В. Вишнякова // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 2. – С. 381–382.
14. Чиковани Т. В. Реализация концепта «Возрастание» в проповеди архиепископа Симферопольского и Крымского Луки (Войно-Ясенецкого) «Благодать действует на сердце, как закваска в тесте» / Т. В. Чиковани // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 6, ч. 1. – С. 182–184.
15. Чиковани Т. В. Языковая личность православного проповедника как значимый лингвоформат религиозного дискурса (на материале проповеди архиепископа Симферопольского и Крымского Луки (Войно-Ясенецкого) «Печаль яже по Бозе и печаль мирская») // Т. В. Чиковани / Научный результат. Серия «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики». – 2016. – № 1, т. 2. – С. 72–77.

References

1. Blok A. A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 tomakh. = Complete works and letters: in 20 vols.* Ed. by M. L. Gasparov [et al.]. Moscow: Nauka; 1999;5:529.
2. svt. Luka (Voyno-Yaseneckiy). *Dukh, dusha i telo: izbrannye poucheniya = Spirit, soul and body: selected teachings.* 9th ed. Moscow: DAR; 2022:320.
3. Zabavnikova E. S. The Gospel plot as an organizing factor in the journalistic speech of Archbishop Luke (V. F. Voyno-Yasenetsky) in the “Journal of the Moscow Patriarchate” (using the example of a publication in 1953). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of theory and practice.* 2016;7(61),2:18–22.
4. Kublanova A. A., Sapargaliev S. A., Sinyukova A. I. Voyno-Yasenetsky – artist. *Byulleten medicinskikh Internet-konferentsi = Bulletin of medical Internet conferences.* 2016;6(5):499.
5. Lipatov V. A. Privalova I. L., Denisov A. A., Nikitin N. A., Akhmedov A. G. The name of V. F. Voyno-Yasenetsky (St. Luke) in modern scientific literature (results of frequency analysis). *Innova.* 2021;3(24):6–9.
6. Motorina A. A. Biographies of St. Luke Voyno-Yasenetsky (on the issue of the relationship between biography, autobiography and life). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya “Gumanitarnye i sotsialnye nauki” = Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanities and social sciences”.* 2017;5:113–121.

7. Popova V. V. Specificity of the ethical thought of V.F. Voyno-Yasenetsky. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kostroma State University*. 2010;1:167–170.
8. Saveleva T. G. “Heart of a Dog” by M. A. Bulgakov in the context of Russian culture: religious and philosophical aspect. *Vestnik slavyanskikh kultur = Bulletin of Slavic Cultures*. 2020;55:138–145.
9. Sidorov P. I. Mental ecology of the social ministry of St. Luke. *Ekologiya cheloveka = Human Ecology*. 2013;11:57–60.
10. Stepanova I. N. Orthodox Philosophy of V. F. Voyno-Yasenetsky. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Sotsialno-gumanitarnye nauki” = Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities*. 2015;7:246–249.
11. Tolstoy L. N. *Konets veka = End of the century*. Moscow: Posrednik; 1917:58.
12. Umakhanova Sh. M., Sudakova V. A. Word formation models of multi-word medical terms in the monograph by V. F. Voyno-Yasenetsky “Essays on purulent surgery”. *FORCIPE*. 2021;4:457.
13. Halezova L. V., Kuzyoma T. B., Vishnyakova A. V. Nasledie V. F. Voyno-Yasenetsky in the light of intercultural communication. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya = World of science, culture, education*. 2020;2:381–382.
14. Chikovani T. V. Implementation of the concept of “Growth” in the sermon of Archbishop of Simferopol and Crimea Luke (Voyno-Yasenetsky) “Grace acts on the heart like leaven in dough”. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2016;6(1):182–184.
15. Chikovani T. V. The linguistic personality of an Orthodox preacher as a significant linguistic format of religious discourse (based on the sermon of Archbishop of Simferopol and Crimea Luke (Voyno-Yasenetsky) “Sorrow after God and worldly sadness”). *Nauchnyy rezultat. Seriya “Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki” = Scientific result. Series “Issues of theoretical and applied linguistics”*. 2016;1(2):72–77.

Информация об авторах

Д. М. Бычков – кандидат филологических наук, доцент;
К. Н. Гущина – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

D. M. Bychkov – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor;
K. N. Gushchina – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.07.2023; одобрена после рецензирования 28.08.2023; принята к публикации 03.09.2023.

The article was submitted 24.07.2023; approved after reviewing 28.08.2023; accepted for publication 03.09.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 122–135.
Humanitarian Researches. 2023;3(87):122–135.

Научная статья
УДК 82

СИМВОЛЫ ПРИРОДЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. ЮШИДЖА И А. БЕЛОГО

Чалуи Зохране¹, Салими Абдолмалеки Косар²

¹Тегеранский университет, Тегеран, Иран

²Боджнордский университет, Боджнорд, Иран

¹zohre.chalui@ut.ac.ir

²k.salimi@ub.ac.ir

Аннотация. Изучение символов имеет давние традиции, поэтому до сих пор символы являются предметом изучения отечественных и зарубежных учёных. Статья посвящена сопоставлению символов природы в произведениях иранского и русского поэтов Н. Юшиджа и А. Белого. Большая часть произведений Юшиджа как поэта-новатора и отца новой поэзии имеет в себе чёткие черты символизма или на уровне слова (например, свет, тьма, утро, ночь) или в рамках всего произведения. Актуальность темы определяется тем, что изображение природы является одним из наиболее важных приёмов художественной литературы. Цель настоящего исследования – описать универсальные и культурно-национальные особенности символизма разных культур, показать сходства и различия концепта «природа» в символическом прочтении, а также рассмотреть стилистические особенности творчества поэтов-символистов в контексте мировых литературных процессов. Задача работы состоит в проведении сопоставительного анализа символов природы в творчестве Н. Юшиджа и А. Белого. Научная новизна настоящей работы заключается в том, что она вносит вклад в изучение символов природы в сопоставительном аспекте, на материале творчества поэтов, принадлежащих разным культурным традициям. Результат исследования: в произведениях А. Белого чаще всего используются такие образы природы, как тьма, земля, свет, луга и ручьи, дом, город, деревня, лес, дым, роза, а также серебристый, золотой, коричневый, красный цвета. А в произведениях Н. Юшиджа – ночь, дождь, ветер, волна, море, луна, роза, деревня, весна, утро, свет, солнце, лес, феникс, ворона, петух, рыба.

Ключевые слова: природа, литература, символ, Н. Юшидж, А. Белый, поэт, произведение

Для цитирования: Чалуи Зохране, Салими Абдолмалеки Косар. Символы природы в произведениях Н. Юшиджа и А. Белого // Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 122–135.

Research article

SYMBOLS OF NATURE IN THE WORKS OF N. YUSHIJ AND A. BELY

Chalui Zohre¹, Salimi Abdolmaleki Kosar²

¹University of Tehran, Tehran, Iran

²University of Bojnord, Bojnord, Iran

¹zohre.chalui@ut.ac.ir

²k.salimi@ub.ac.ir

Abstract. The study of symbols has a long tradition, so symbols are still the subject of study by domestic and foreign scientists. This scientific work is devoted to the comparison of the symbols of nature in the works of the Iranian and Russian poets, N. Yushij and A. Bely. Most of the works of Yushij, as an innovative poet and the father of new poetry, have clear features of symbolism either at the word level, for example, light, darkness, morning, night, or within the entire work. The subject of the study is the symbols of nature in the

---

© Чалуи Зохране, Салими Абдолмалеки Косар, 2023.

poems of N. Yushij and A. Bely. The relevance of the topic is determined by the fact that the image of nature is one of the most important techniques of fiction. The purpose of this study is to describe the universal and cultural-national features of the symbolism of different cultures, to show the similarities and differences in the concept of "nature" in a symbolic reading, and also to consider the stylistic features of the work of symbolist poets in the context of world literary processes. The task of the work is to conduct a comparative analysis of the symbols of nature in the works of N. Yushij and A. Bely. The scientific novelty of this work lies in the fact that it contributes to the study of the symbols of nature in a comparative aspect, based on the work of poets belonging to different cultural traditions. The result of the study seemed that, in the works of A. Bely, such images of nature as darkness, earth, light, meadows and streams, house, city, village, forest, smoke, rose, as well as silver, gold, brown, red colors are most often used. And in the works of N. Yushij – night, rain, wind, wave, sea, moon, rose, village, spring, morning, light, sun, forest, phoenix, crow, rooster, fish.

Keywords: nature, literature, symbol, N. Yushij, A. Bely, poet, work

For citation: Chalui Zohre, Salimi Abdolmaleki Kosar. Symbols of nature in the works of N. Yushij and A. Bely. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;3(87):122–135 (In Russ.).

Символизм как философское понятие является художественным течением в литературе, живописи и других видах искусства. С самого начала формирования цивилизаций и зарождения поэзии люди предпринимали попытки выражать свои слова и мысли в форме символов и знаков, а в предметы вкладывать более глубокие понятия, чем те, что кажутся на первый взгляд.

Литература, посвящённая изучению символизма, весьма обширна и многопланова. Научный интерес филологов и литературоведов к символам объясняется тем, что, являясь важным элементом духовной культуры, они заключают в себе смысловое богатство, демонстрируют семантическую ёмкость языка и в краткой лаконичной форме фиксируют миропонимание говорящего на этом языке народа [1, с. 355].

Изучение символов имеет давние традиции, поэтому до сих пор символы являются предметом изучения отечественных и зарубежных учёных. В наши дни символам посвящён целый ряд исследований, выполненных на материале различных текстов: французских поэтов С. Малларме и П. Верлена, ирландского поэта В. Батлритиса; иранских поэтов Н. Юшиджа и М. Ахаван Салеса. Среди русских символистов можно назвать таких выдающихся теоретиков, как В. Иванов, В. Брюсов, А. Белый.

С древнейших времен в Иране *лошадь* имеет разные символические значения: вольность, красивое тело, солнечная энергия, великодушие, стойкость, победа, благодарность, скорость, упрямство, высокомерие и т. д. В персидской культуре слово «اسب» (лошадь) сочетается с именами многих правителей и знатных героев, таких как «Горшасб» (тот, кто имеет худую лошадь), «Эрджасп» (тот, кто имеет дорогую лошадь), «Лохрасп» (тот, кто имеет быстроногую лошадь), «Тахмасб» (тот, кто имеет сильную и мощную лошадь) и т. д. [7]. Приведём ещё пример. Сова в персидской и исламской поэзии, в произведениях таких поэтов, как Санаи, Хагани, Саади, Анвари, Эбнейамин и Саэб, наделяется эпитетами со значением злополучия и злосчастия. В современной персидской литературе, в знаменитой повести «بوف کور» (Буф-е кур) С. Хедаят увековечивал все символические ценности этой птицы. Интерес совы к сокровищам и её проживание в развалинах вместе с глубоким пониманием мифологических мотивов показаны в «منطق الطير» (Мантеготтейр) Аттара.

Природа – один из главных символов в произведениях Н. Юшиджа и А. Белого. В стихотворениях каждый из поэтов с помощью символов природы изображает сюжеты и мотивы своего детства. Этим и объясняется особое внимание к природе и её использование в качестве «проводника» для выражения своих идей и мыслей. Например, ожидание, горе, печаль, надежда

и отчаяние изображаются авторами через природу. Поэты стремились исследовать жизнь человека в природе. В природе же они находили многообразные символы, с помощью которых можно описать душевное состояние, мысли и чувства человека.

Традиционным для Юшиджа и Белого является отождествление картин природы с определённым настроением и состоянием человеческой души, при этом картины природы помогают глубже понять внутренний мир героя. Этим и объясняется исследовательский интерес к символическому прочтению стихотворений названных авторов. Однако нельзя не обратить внимание на то, что в русской и персидской литературе было немало поэтов природы, чьи имена всем известны. Например: А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев, И. А. Бунин и С. А. Есенин в русской литературе, а также М. Фаррохи Язди и А. Манучехри Дамгани в персидской литературе.

В истории современной литературы Ирана Нима Юшидж, без сомнения, является тем поэтом, к которому было приковано внимание большинства исследователей литературы. Он, будучи поэтом-новатором, был назван «отцом новой поэзии». Каждый год в Иране и в разных странах мира издаётся множество книг и статей, посвящённых его творчеству. В своём творчестве Н. Юшидж использует приёмы и технику различных литературных направлений, таких как романтизм, реализм и символизм. Однако следует сказать, что, не отступая от традиционных символов и образов, поэт отдаёт предпочтение всё-таки символизму. И большая часть его произведений имеет в себе чёткие черты символизма или на уровне слова (например, свет, тьма, утро, ночь), или на уровне всего произведения.

Мистические, философские, психологические и религиозные настроения А. Белого сочетались с размышлениями о символизме. Прежде всего он обычно считается поэтом, т. к. его стихи и по объёму, и по значению больше его прозы.

Предметом исследования являются символы природы в стихотворениях Н. Юшиджа и А. Белого.

Актуальность темы определяется тем, что изображение природы является одним из наиболее важнейших приёмов художественной литературы.

Цель настоящего исследования – описать универсальные и культурно-национальные особенности символизма разных культур, показать сходства и различия концепта «природа» в символическом прочтении, а также рассмотреть стилистические особенности творчества поэтов-символистов в контексте мировых литературных процессов.

Задача работы состоит в проведении сопоставительного анализа символов природы в творчестве Н. Юшиджа и А. Белого.

Научная новизна настоящей работы заключается в том, что она вносит вклад в изучение символов природы в сопоставительном аспекте, на материале творчества поэтов, принадлежащих разным культурным традициям.

Материалом исследования послужили произведения Н. Юшиджа («Над моим домом – тучи», «Феникс», «О, люди!», «Лунный свет», «Ночь» и др.) и А. Белого («Отчаянье», «Первое свидание», «Родине» и др.).

Символы природы в произведениях А. Белого

Анализируя произведения Н. Юшиджа и А. Белого, приходим к выводу, что символ является неотъемлемой частью стихотворений обоих поэтов. Они, используя символы природы, смогли в полной мере выразить свои мысли. Поэты постоянно обращаются к природе, когда высказывают самые сокровенные мысли о себе, о своём прошлом, настоящем и будущем. Подобно человеку, природа рождается, растёт и умирает, поёт и шепчет, грустит и радуется [2]. Значимость природы для А. Белого подчёркивается в названиях большинства его стихотворений: «Осень», «Весна», «Ночь и утро», «Лето» и др. В большей

части его произведений встречается «земные» значения как символы политических, социальных и исторических проблем.

Весёлый, искрометный лёд.
Но сердце – ледянистый слиток.
Пусть вьюга белоцвет метёт, –
Взрвёт; и развернёт свой свиток.
Срывается: кипит сугроб,
Пурговым кружевом клокочет,
Пургой окуривает лоб,
Завьётся в ночь и прохочет.

А. Белый уделяет особое внимание образам метели, снежной вьюги, снежного вихря, снежного костра. Для него метель является символом мистического знака, передающего значение скорого преобразования мира. В стихотворении «Первое свидание» поэт пишет:

В метели белой приседая,
Мигает мне из тишины,
Перед задумчивым киотом –
Неугасимый фонарёк;
И упадает легким лётком
Под светом розовый снежок.
Неопалимов переулок
Пургой перловою кипит,
И Богоматерь в переулок
Слезой задумчивой глядит.

А. Белому в природе ближе всего «огневая и метельная стихия». Поэт использует этот природный мотив для изображения общественных потрясений. Например, в стихотворении «Родина» в 1917 г. он писал:

Рыдай, буревая стихия,
В столбах громового огня!
Россия, Россия, Россия, –
Безумствуй, сжигая меня!
В твои роковые разрухи,
В глухие твои глубины, –
Струят крылорукие духи
Свои светозарные сны.
... Пусть в небе – и кольца Сатурна,
И млечных путей серебро,
Кипи фосфорически бурно,
Земли огневое ядро!
И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня
Россия, Россия, Россия –
Мессия грядущего дня!

Тьма в произведениях А. Белого считается символом безбожного мира и безверия.

Антропософии («Из родников проговорившей ночи...»):

Я – не боюсь: влекут, Христософия,
Твои – стези.

Антропософии («Над ливнем лет...»):

Над ливнем лет,
Над тьмою туч
Ты – светлый свет
И – летний луч.

«Народничество» проявляется у А. Белого в его «тяге к земле». Например, в поэме «Изгнанник» (1904 г.):

Я покидаю вас, изгнанник, –
Моей свободы вы не свяжете.
Бегу – согбенный, бледный странник –
Меж золотистых хлебных пажитей
Бегу во ржи, межой, по кочкам –
Необозримыми равнинами.
Перед лазурным василечком
Ударюсь в землю я седидами.

Земля – символ пути и спасения, спасения от лжепророчества – может быть, для самого же лжепророка – бежать в поля, прикинуться к земле, к земле своего народа, к самому народу.

Однако запредельное, идеальное в его стихах облекается «чередой световых» (солнце, заря и т. д.) и цветовых символов.

В поэзии А. Белого преобладают ослепительные, искрящиеся краски, пронизанные лучезарным сиянием: «светопенный поток», «лучесветная даль», «пламезарное солнце»:

Солнце сердцем зажжено.
Солнце – к вечному стремительность.
Солнце – вечное окно
В золотую ослепительность.

В данном стихотворении солнце – предмет почти языческого поклонения.

В некоторых случаях автор использует образы дома, города и деревни, подчеркивая общность их символического значения: таким образом, в «Деревне» А. Белого деревни, собственно, нет. Это – символы того же страшного мира гульбы, продажности, пьянства, смерти, беспутья.

В стихотворении «Серебряный Колодезь» поэт пишет:

Там Смерть протрубила вдали
В леса, города и деревни,
В поля моей скудной земли,
В просторы голодных губерний.

Образ леса используется А. Белым в значении места тайного и опасного, места посвящений и испытаний, а также символа убежища:

В лесу сыром, далёком
Теряются пески,
И еле видным оком
Мерцают огоньки.

По мнению А. Белого, дым является символом хрупкости, призрачности и недолговечности:

Как в воздух, поднимаюсь я:
Непобедимые высоты –
И надо мной, и вокруг меня...
У ледяного края бездны
Перебегает дым сквозной:
Мгла стелется передо мной.

В стихотворениях А. Белого символика цвета свидетельствует о близости стилистике модерна в живописи, о влиянии оккультных теорий, в которых «мистика» подобных образов была разработана весьма тщательно. Однако в рамках данной статьи ограничимся перечнем символических значений основных цветов и приведем несколько характерных примеров.

У А. Белого и поэтическое в природе, точнее – отблеск поэтического, лежащий на природном мире, имеет «серебристую, золотую, огненную окраску». Так, в стихотворении «Над долиной мгlistой в выси синей» находим:

Чистый-чистый серебристый иней.
Над долиной, – как извилины лилий,
Как извилины лебединых крылий.
Молньями как золотом в болото
Бросит очи огненные кто-то.
Золотом хохочущие очи!
Молотом грохочущие ночи!
Заликует, – всё из перламутра
Бурное, лазуревое утро:
Протекут в излучине летучей
Пурпуром предутренние тучи.

Андрей Белый с помощью коричневого цвета передаёт настроения грусти, увядания, предчувствия смерти, усталости и тоски. Красный цвет для него выступает эмблемой России и губившего её хаоса. Например, в конце стихотворения «Старинный дом» он пишет:

Лишь к стёклам в мраке гулком
Прильнёт его свеча...
Над Мёртвым переулком
Немая каланча.
Людей оповещает,
Что где-то – там – пожар, –
Медлительно взвывает
В туманы красный шар.

Таким образом, А. Белый на протяжении всего творческого пути уверовал в духовно-нравственные идеалы жизни. По его мнению, художник с помощью символа проникает за грань реального мира, также поэт заимствует в своей поэзии природу разными красками.

Символы природы в произведениях Н. Юшиджа

Иранский исследователь М. Шаххуссейни убеждён: «Для изучения стихов каждого поэта необходимо обратить внимание на окружающую его среду, особенно когда речь идёт о деревенском поэте, испытывающем на себе влияние природы» [6].

По мнению многих писателей и критиков, Н. Юшидж в своих стихотворениях всегда находился под влиянием деревенской природы и прекрасно изображал эту природу в своей лирике. Б. Серватийан пишет так: «С первого сборника поэта становится ясно, что художник Юша находился в душевной гармонии с природой и всю жизнь старался слиться с горами и реками, воспитавшими его, лесами, в тени которых он вырос» [4].

Также в дневнике Н. Юшиджа читаем: «Моя жизнь проходила среди пастухов, бедуинов, духовников. С теми, которые ночью в горах проводили вместе долгие часы, зажигали костры и зимовали на пастбище. Из всего детства я ничего не помню, кроме жёстких кочек кочевой жизни и простых развлечений среди горного спокойствия» [5].

Отражение зелёной природы Мазандарана в поэзии Н. Юшиджа можно изучать с разных точек зрения. Во-первых, персонификация природы является одним из самых важных факторов поэзии символистов, в том числе поэзии Н. Юшиджа. Например: *цветок болеет, луна печальна, наводнение кричит, соловей расстроен, цветок эгоистичный, утро чихает*. В своих произведениях поэт использует большое количество афоризмов, пословиц, поговорок

и крылатых слов. Например: лягушка является символом дождливого дня, феникс, лебедь и др.

Как отмечалось выше, Н. Юшидж сравнивает своё внутреннее состояние с определёнными природными явлениями. Например, грусть и печаль у автора сравнивается с плачущим, дождливым небом. В многочисленных стихотворениях увидим его отношение к лесам, горам, морю, лугам, воздействие деревенской жизни, отношения с простыми людьми, пастухами и крестьянами:

Я счастлив дикой жизни,
Поскольку с детства к ней привык
Как хорошо у костра тёмными ночами
Средь баранов и гор!
...зов пастухов, крики эй-эй,
Звук колокольчиков баранов, звук дудки!

من خوشم با زندگی کوهیان
چون که عادت دارم از طفلی بدان
به به از آن آتش شبهای تار
در کنار گوسفند و کوهسار!
... بانگ چوپانان، صدای های های
بانگ زنگ گوسفندان بانگ نای

Поэт обращается к природе, значимой и символичной. Используемые им символы – это сочетание очень простого сюжета и сложных философских аллюзий.

Значительное место в творчестве Н. Юшиджа занимает ночь. Напряжённое душевное состояние лирического героя передаётся через образ ночи. По словам Н. Нури, «Нима более 300 раз повторил слово «ночь» в своих стихотворениях» (Нури). Кроме того, заглавия нескольких стихотворений поэта содержат это слово, например: «В первый час ночи», «Вся ночь», «Ещё ночь», «Холодной зимней ночью», «Тёмной ночью», «Заповедная ночь», «Злоба ночи», «О ночь» и т. д. Для него ночь всегда является символом темноты и мрака:

Дорога в тиши, со всех сторон ночь в темноте леса

جاده خاموش است، از هر گوشه شب هست در جنگل تیرگی

Ночь, и темнота ей собеседник

شب است، شبی بس تیرگی دمساز با آن

Пасмурная погода и дождливый воздух – символы темноты политического и социального пространства поэта.

Н. Юшидж, описывая дождливый воздух, показывает мрачное настроение человека. В стихотворении «На гавань» он пишет:

Дождь льёт не переставая
На гавань,
На свисающие выступы глиняной кровли
У дороги...
Как будто отбивает такт
Или кто-то грустно читает.
И никакой звук не исходит от того мужчины, который каждый день в окне
ждет ночь, которая была бы подобна этой, дождливой.

آسمان بکریز می بارد
روی بندرگاه
روی دنده های آویزان یک بام سفالین
در کنار راه...
مثل اینکه ضرب می گیرند
یا آنجا کسی غمناک می خواند
...هیچ آوایی نمی آید از آن مردی که درون پنجره هر روز
چشم در راه شبی ماند، امشب بود بارانی.

Облачный дом в стихотворении «Над моим домом – тучи» является символом мрачного, хмурого пространства, в котором поэт описывает внутреннее и внешнее состояние. Все предметы мира в этом стихотворении представлены как символы личных и общественных проблем поэта. Он описывает свой дом, в котором ветер и буря:

Над моим домом – тучи,
Без промедления вся земля стала пасмурной.
С высоты горного перевала с разрушающей силой
Ветер завывает,
Без промедления мир разрушен им
И мои чувства!

خانهام ابريست
يکسره روی زمین ابريست با آن
از فراز گردنه خرد و خراب و مست
باد می پیچد
يکسره دنیا خراب از اوست
و حواس من!

Ветер и волна – отрицательные символы лихорадочного мира. В стихотворениях Н. Юшиджа ветер обладает разрушительной силой, он налетает и уничтожает все вокруг:

С высоты горного перевала с разрушающей силой
Ветер завывает,
Без промедления мир разрушен им

از فراز گردنه خرد و خراب و مست
باد می پیچد
يکسره دنیا خراب از اوست

Море является символом волнения, страха и растерянности в поэмах Н. Юшиджа:

Поднялся сильный шторм на море,
Неспокойно на сердце у лодочника

سخت طوفان زده روی دریاست
ناشکيباست به دل قايق بان

Когда плачет «саз»,
Эта дымка – творение облаков,
В то время как лазурное море
Бьёт кулаком в лицо

هنگام که گریه می دهد ساز
این دود سرشت ابر بر پشت
هنگام که نیل چشم دریا
از خشم به روی می زند مشنت

Бурное море в стихотворении Н. Юшиджа воспринимается как ужасное пространство, угнетенное сообщество, а берега моря – безопасные и хорошие дома и города. Человек в этом море тонет, а люди следят за ним с берега, не обращая на него никакого внимания. Тонущий человек символизирует самого автора, его друзей и политическую интеллигенцию того времени. Люди на берегу моря – это народ, который остаётся равнодушным к действующему режиму в государстве, несмотря на то, что политический режим уже давно изжил себя и государство нуждается в кардинальных переменных:

О люди, которые счастливы и улыбаются, сидя на берегу моря!
Один человек тонет в море,
Постоянно размахивает руками и ногами
В кротом, тёмном, тяжёлом море, как вы знаете.

آی آدمها که بر ساحل نشسته شاد و خندانید!
یک نفر در آب دارد میسپارد جان
یک نفر دارد که دست و پای دایم میزند
روی این دریای تند و تیره و سنگین که می‌دانید.

У Н. Юшиджа луна – символ необычайной, невыразимой красоты:

Светит луна, река неподвижна,
На ветку ауджа (*название дерева*), тиранг, (*название птица*)
Повиснув на хвосте

ماه می‌تابد؛ رود است آرام،
بر سر شاخه اوجا، تیرنگ
دم بیاویخته در خواب فرو رفته

В стихотворении «Лунный свет», которое по своей тематике схоже с предыдущим стихотворением «О люди!», автор изображает тревогу и борьбу человека за спасение простого народа, однако все эти попытки борьбы никто не замечает. Путешественник после долгого и трудного пути попадает в посёлок, чтобы предупредить и пробудить народ. Посёлок символизирует человеческое общество. Герой произведения спешит пробудить свой народ, но вся беда заключается в том, что народ спит. Конечно, в этом произведении автор использует такие символы, как лунный свет, под которым понимается необычайная красота, и цветок розы, который выражает всё самое красивое, дорогое и нежное. Разрушенные двери и стены представляют собой, по мнению автора, старые обычаи и устои.

Деревня – это социум, общество, а глубокий сон – это неведение народа, его неосведомлённость.

Весна, утро и свет являются символами свободы. Утро, по сравнению с ночью, вселяет уверенность:

Он – живой, жизнь с Ним,
Если появится мир, то он начнётся с Его существования
И с Ним же закончится время плена.
Он – весна прелестных дней.
В отличие от весны, в которой дни лишены колдовства,
В такую, наводящую ужас осень,
Что даже багряник боится, что никогда на нём не распустятся больше цветы,
От разлуки с надеждой устал, и с наступлением весны, снова
обрёл надежду
И в ней пустил корень цветок.

اوست زنده، زندگی با اوست
ز اوست گر آغاز می‌گردد جهان رستگاری
هم از او پایان بیاید گر زمان‌های اسارت
او بهار دلگشای روز‌هایی هست دیگرگون
از بهار جانفزای روز‌هایی خالی از افسون
در چنین وحشت نما پاییز
کارغوان از بیم هرگز گل نیاورد
در فراق رفته امیدهایش خسته می‌ماند، می‌شکافد او بهار خنده امید را زمید
و اندر او گل می‌دواند

Или

На протяжении всей ночи
Она кажется ещё более длинной,
В темноте дороги глаза сбиваются с толку,
Из мрачной и тёмной тюрьмы
Петух ждёт восхитительного утра.

در تمام طول شب
که در آن وسعت شماریه‌ها زمان راست
و به تاریکی درون جاده تصویرهای بر غلط از چشم می‌بندد
وز درون حبسگاهش تیره و تاریک
صبح دلکش را خروس خانه می‌خواند

Утро в стихотворениях Н. Юшиджа является символом зари нового общества и новой жизненно важной системы.

Лес – святое место, в котором многое олицетворяется. В творчестве Н. Юшиджа он считается символом уединённого и безопасного места:

В памяти моей тот мрачный день и влажное место
Средь отдалённого леса.
Был конец зимы и повсеместно шёл дождь,
<...> Может, с этой тёмной крыши,
В сторону того укромного местечка с вьющимися цветами.
Оставил там я частичку своего сердца
Однажды оттуда уголок прелести уединенного грустного местечка
Принесу с собой

یادم از روزی سیه می‌آید و جای نموری
در میان جنگل بسیار دوری
آخر فصل زمستان بود و یکسر هر کجا در زیر باران بود
... میشد از روی این بام سیه
سوی ان خلوت گل آویز،
تا گذارم گوشه ای از قلب خود را اندر آنجا
تا از آنجا گوشه‌یی از دلربای خلوت غمناک روزی را
آورم با خود.

У Н. Юшиджа дождь – это символ свободы. Дождь в стихотворении «Дарваг» (на языке жителей Мазандарана – название разновидности древесной лягушки, которая, по их мнению, начинает петь незадолго до дождя) символизирует свет, чистоту, плодородие и жизнь:

Хотя говорят, что на **берегу** плачет
Множество людей, находящихся в трауре,
Эй, дарваг, вестник пасмурных дней, когда пойдёт дождь?

گرچه می‌گویند می‌گریند روی ساحل نزدیک
سوگواران در میان سوگواران
قاصد روزان ابری داروگ کی می‌رسد باران؟

Н. Юшидж не использует образы животных, но активно вводит в текст птиц, с помощью которых пытается донести до читателя мысль о праве на мечту и необходимости её достижения.

Феникс символизирует ответственность поэта, задача которого пробудить людей от «растительной жизни» и привести к осмысленному существованию:

Сладкозвучная птица Феникс, воспевавшая мир,
Гонимая холодными ветрами,
Опустилась устало
На ветку бамбука.
<...> Она чувствует, что и мечты других птиц
Затянуло чёрным дымом, но надежды –
Золотящимися нивами, светлыми рассветами –
Пылают в их глазах.

ققنوس، مرغ خوشخوان، آوازه جهان
آواره مانده از وزش بادهای سرد،
بر شاخ خیزران،
بنشسته است فرد.
... حس می‌کند که آرزوی مرغ‌ها چو او
تیره ست هم چو دود. اگر چند امیدشان
چون خرمنی ز آتش.
در چشم می‌نماید و صبح سفیدشان.

Ворона в стихотворениях Н. Юшиджа, напротив, является зловещим символом неудач и неприятностей:

<...> Ворона сидит на берегу одиноко,
Кажется, что вода издалека
Имеет цвет неба и
Одинокий дуб,
Из-за осени жёлтый,
Перевернутый на куске камня упал...

... تنها نشسته بر سر ساحل یکی غراب،
وز دور ابها
همرنگ آسمان شده اند و یکی بلوط
زرد از خزان،
کرده است روی پارچه سنگی به سر سقوط...

Петух в текстах Н. Юшиджа – символ благой вести и утреннего восхода солнца:

Рассвет, петухи,
Несмотря на темноту это поют:
«О тот, кто вышел в утреннем свете
Своего оперения, как будто цвет крови, открыл»

در ناحیه سحر، خروسان
این گونه به رگم تیرگی می خوانند:
"ای آمد صبح روشن از در
بگشاده به رنگ خون خود پر"...

Рыба символизирует политические и социальные разногласия времени поэта, а павлин – тех, кто пытается подстроиться под действующий режим:

Утром, когда остаётся закрытой
Морская колюшка в цепях,
Павлиний хвост распускается
На крыше, которого тело как будто промывался пекотом ...

صبحگاهان که بسته می ماند
ماهی آبنوس در زنجیر،
دم طاووس پر افشاند،
روی این بام تن بشسته ز قیر ...

Таким образом, через природу Н. Юшидж передаёт свои чувства и эмоции. Во многих его стихотворениях ощущается чувство одиночества, равнодушия и тоски:

Жёлтые просто так не краснеют
Красным цветом на стене не красили просто так!
Утро появилось с той стороны горы «Эзаку», но
«Вазна» не видна!
Моё сердце этим сильно обеспокоено.
Гостиница, уничтожающая души своих постояльцев

زردها بیخود قرمز نشده اند
قرمزی رنگ نینداخته است بی خودی بر دیوار!
صبح پیدا شده از آن طرف کوه "ازاکو" اما
"وازنا" پیدا نیست!
من دلم سخت گرفته است از این
میهمانخانه مهمان کش روزش تاریک

Поэт с помощью природы выразил наиболее значимые и таинственные понятия, которые существовали в обществе и жизни людей. Лес, гора, берег, море, облака, волна, дерево, пастух и овцы – вот что составляет символику

стихотворений Н. Юшиджа. Чаще символы природы (ночь, зима, холод) передают отрицательные, нежели положительные (утро, лунный свет, солнце) смыслы.

Сходство и различия символа природы в произведениях А. Белого и Н. Юшиджа

Творчество Юшиджа и Белого охватывает разные сферы литературной деятельности: поэзию, прозу, теорию литературы. Анализ символов природы в произведениях Н. Юшиджа и А. Белого показывает, что между ними существуют больше сходств, чем их отличий.

Сходства:

- Большую группу лирических стихотворений Юшиджа и Белого составляют стихи, названия которых связаны с явлениями природы, т. е. воспевающие стихийную жизнь природы.
- Природа, изображённая Белым и Юшиджем, – унылая равнина и дорога, бедна и печальна, она навеивает щемящую тоску.
- Оба поэта выбрали природу для выражения своих философских мыслей, так, в стихотворениях Белого оригинально сочетаются пейзаж и философские мотивы, бытовые зарисовки и интимные признания.
- Оба поэта находились в душевной гармонии с природой, и природа влияет на их душу. Они черпали вдохновение у природы, и в дальнейшем в своих произведениях использовали природу как символ для выражения главных идей своего творчества.
- Оба они используют огромное количество средств изобразительности, среди которых чаще всего обращается к сравнению. В их произведениях можно встретить десятки великолепных сравнений, которые свидетельствуют об их прекрасном поэтическом вкусе.
- Юшидж и Белый известны как поэты социального символизма. Социальные и политические проблемы смешиваются с государственными, и естественно, что поэты в таких странах вынуждены прибегать в творчестве к символизму. Юшидж и Белый не были эгоистичными и равнодушными к своему обществу и вопросам своего времени, поэтому в своих поэзиях активно показывали политические и социальные проблемы и никогда не думали только о своих личных интересах и выгоде, страхах, и опасность общества их мучила.
- Значимость родины и чувство патриотизма вдохновляли обоих поэтов. Привязанность Н. Юшиджа к картинам природы связана с его беспредельной любовью к родным краям, к малой родине – Юш. Тема родины всегда волновала Белого, и его связь с народным творчеством является глубокой и многообразной. Для него мистические и религиозные настроения сочетались с размышлениями о судьбах России.
- Рассматривая тематику стихотворений Н. Юшиджа и А. Белого, можно сделать вывод, что жизнь поэтов прошла в одиночестве. Мрачность, обида, превратности судьбы, бесчеловечность – всё это терзает их душу и становится причиной уединения.
- Метафоры и аллегории Юшиджа и Белого чаще всего новые, не встречающиеся в произведениях других авторов. Они сделали революцию в истории поэзии и создали новые рифмы. Стиль написания у обоих поэтов из-за новой структуры стихов и акцентов на двусмысленность, неопределённость достаточно сложен, поэтому большей частью труден для анализа.

Отличия:

- В отличие от Юшиджа, Белый не переживает за мир, его окружающая среда, звуки, краски, события, для него самое главное – личное восприятие мира. Важное место в его лирике занимают не внешние контуры предметов и явлений и их внутреннее наполнение, а впечатление, которое они производят на поэта. Однако, по мнению Юшиджа, не существует никакой разницы между человеком и природой, и у человека и природы есть единые сущности и структуры. Он сравнивает своё внутреннее состояние с определённым природным явлением.

- Персонифицирование природы является одним из важных свойств поэзии Н. Юшиджа. По его мнению, природа считается живым явлением. Пример его олицетворения: «и кажется мне, что плачут небеса». Однако у Белого природа – источник выражения добра, зла, чистоты, нечистоты и т. д.

- Природа в стихотворениях Н. Юшиджа, в отличие от А. Белого, более чувствительна и романтична. Напротив, Белый больше всего обращает внимание на логику и мистику. Поэт ищет утешение в идеализированной старине и произвольной фантастике, «вздыхающей обманом». И всё же он настойчиво стремится избавиться от отчаяния во всё более глубокой и изощрённой мистике.

- В отличие от Белого, который родился в столице России, в городе с холодной и мрачной погодой, Юшидж родился на севере Ирана, в провинции Мазандаран с нетронутой природой, рядом с Каспийским морем и горой Алборза. И несмотря на безусловное влияние климата на психологическое состояние человека, особенно на поэтов, между ними есть много общего во взглядах на жизнь и в поэтическом языке. В их произведениях есть место чувству страдания, лишениям и трудностям.

- Мотив и содержание стихотворений Н. Юшиджа – одиночество. В его произведениях изображается природа Ирана с горами, лесами, морем, реками, со своим одиночеством, тишью и скукой, а у Белого мотив и содержание – искание правды, его достижения и падения.

- Простой язык, общие понятия содержания поэзии и простота стихотворного ритма Юшиджа составляют своеобразие его творчества. Каждая строфа заканчивается на усечённый столп или на согласный звук, таким образом, это позволяет автору чётко передать завершенность строфы, а там, где строфа заканчивается, автор чаще всего использует рифму. Напротив, язык Белого неясен и сложен.

Заключение. Таким образом, следует отметить, что в данной работе были рассмотрены, исследованы и проанализированы содержание, стилистические особенности и символы природы в произведениях А. Белого и Н. Юшиджа. В творчествах Белого и Юшиджа прослеживаются национальные и зарубежные литературные стили. Такое влияние сформировало новый и собственный авторский стиль, который стал достоянием новой русской и персидской литературы. Новый стиль в поэзии Белого и Юшиджа становится отправной точкой и ориентиром для творчества многих их современников, а также последователей.

Символ характеризуется как образная структура стихотворений Юшиджа и Белого. Поэты выражали с помощью символов свои мысли и внутренние переживания. Конечно, эти символы не всегда имели общие значения у поэтов и часто отличались.

В произведениях А. Белого чаще всего используются такие образы природы, как тьма, земля, свет, луга и ручьи, дом, город, деревня, лес, дым, роза, а также серебристый, золотой, коричневый, красный цвета. А в произведениях Н. Юшиджа – ночь, дождь, ветер, волна, море, луна, роза, деревня, весна, утро, свет, солнце, лес, феникс, ворона, петух, рыба.

Список источников

1. Тураева Ш. Э. Приёмы использования пословиц и поговорок в иностранных языках. Лингвокультурный аспект пословиц / Ш. Э. Тураева // *Galaxy international interdisciplinary research journal*. 2022. № 6. С. 354–357.
2. «Древесные мотивы» в лирике С. Есенина. URL: https://vuzlit.com/598292/drevesnye_motivy_lirike_esenina (режим доступа: 07.02.2023).
3. Nuri N. *Nima — the poet of nature* / N. Nuri. — Tehran: Yadvareh asadi, 2009. — 192 p.
4. Servatiyan B. *Thought and art in Nima's poetry* / B. Servatiyan. — Tehran : Negah, 1997. — 336 p.
5. Tahbaz S. *The world is my home* / S. Tahbaz. — Tehran: Omid farada, 2019. — 192 p.
6. Shahhosseiny M. *Nature and poetry: in conversation with poets* / M. Shahhosseiny. — Tehran : Ketab mahnaz, 2015. — 256 p.
7. Yahaghi M. J. *Culture of myths and stories in Persian literature* / M. J. Yahaghi. — Tehran: Farhang moaser, 2019. — 964 p.

References

1. Turareva Sh. E. Techniques for using proverbs and sayings in foreign languages. Linguocultural aspect of proverbs. *Galaxy international interdisciplinary research journal*. 2022;6:354–357.
2. “*Derevnye motivy*” v lirike S. Ezenina = “*Wood motifs*” in the lyrics of S. Ezenin. URL: https://vuzlit.com/598292/drevesnye_motivy_lirike_esenina (accessed: 07.02.2023).
3. Nuri N. *Nima – the poet of nature*. Tehran: Yadvareh asadi; 2009:192.
4. Servatiyan B. *Thought and art in Nima's poetry*. Tehran: Negah; 1997:336.
5. Tahbaz S. *The world is my home*. Tehran: Omid farada; 2019:192.
6. Shahhosseiny M. *Nature and poetry: in conversation with poets*. Tehran: Ketab mahnaz; 2015:256.
7. Yahaghi M. J. *Culture of myths and stories in Persian literature*. Tehran: Farhang moaser; 2019:964.

Информация об авторах

Ч. Зохране – магистрант;

С. А. Косар – ассистент профессора, преподаватель.

Information about the authors

Ch. Zohre – graduate student;

S. A. Kosar – Assistant Professor, Lecturer.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed to this article.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.05.2023; одобрена после рецензирования 30.06.2023; принята к публикации 05.07.2023.

The article was submitted 25.05.2023; approved after reviewing 30.06.2023; accepted for publication 05.07.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 136–139.
Humanitarian Researches. 2023;3(87):136–139.

УДК 82
Научная статья

**РЕЧЕВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ПЕРСОНАЖА-РАССКАЗЧИКА
В ПРОИЗВЕДЕНИИ А. П. ЧЕХОВА «ЛЮБОВЬ»**

Виктор Валентинович Чалый

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, v_chaly@mail.ru

Аннотация. В статье предлагается вариант изучения отдельных фрагментов чеховского произведения с целью выявления отличительных черт личности центрального персонажа, выполняющего функцию рассказчика; уделяется большое внимание языку прозы Антона Павловича Чехова как основе творческой лаборатории писателя; отмечается важность исследования языковых элементов, создающих необходимый смысл для понимания авторской идеи; выявляются индивидуальные особенности речи персонажа-рассказчика в русле изучения языка литературного произведения; отмечается особая значимость как отдельных художественно-изобразительных приёмов, так и различных лексических, морфологических, синтаксических единиц; устанавливается функциональное значение стилеобразующих факторов, составляющих коммуникативную структуру произведения «Любовь» А. П. Чехова; описывается не только состав синтаксических конструкций, используемых рассказчиком, но и устанавливается их предназначение в понимании мотивов поступков главного героя; осуществляется попытка создать портрет центрального персонажа, определить индивидуально-личностные особенности поведения субъекта, выступающего «от автора»; изучается экспрессивный уровень используемых рассказчиком слов в составе словосочетаний и предложений; анализируется лексикон персонажа-рассказчика, прежде всего коннотативное значение употребляемых им языковых единиц; рассматривается вопрос о необходимости верной интерпретации значимой информации, которая содержится в языке изучаемого художественного текста и позволяет лучше понять его смысл; воплощается идея постичь закономерности употребляемых персонажем-рассказчиком словесно выраженных языковых единиц, отражающих богатый мир его эмоций и чувств, что, безусловно, образует параметры интересной и отличной от других персонажей речевой индивидуальности.

Ключевые слова: авторская позиция, языковая организация художественного текста, стилеобразующие элементы, рассказ от первого лица, словесный портрет, монологическая речь рассказчика, художественно-изобразительные приемы, глагольные формы, синтаксические конструкции

Для цитирования: Чалый В. В. Речевые средства выражения индивидуальности персонажа-рассказчика в произведении А. П. Чехова «Любовь» // Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 136–139.

Research article

**SPEECH MEANS OF EXPRESSING THE PERSONALITY OF THE CHARACTER-NARRATOR
IN THE WORK OF A. P. CHEKHOV “LOVE”**

Victor V. Chaly

Kuban State University, Krasnodar, Russia, v_chaly@mail.ru

Abstract. This article offers a variant of studying individual fragments of Chekhov's work in order to identify the distinctive personality traits of the central character who performs the function of a narrator; great attention is paid to the prose language of Anton Pavlovich Chekhov as the basis of the writer's creative laboratory; the importance of studying linguistic elements that create the necessary meaning for understanding the

author's idea is noted; individual features of the character's speech-narrator in the mainstream are revealed. learning the language of a literary work; the special significance of both individual artistic and pictorial techniques and various lexical, morphological, syntactic units is noted; the functional significance of the style-forming factors that make up the communicative structure of the work "Love" by A. P. Chekhov is established; not only the composition of syntactic constructions used by the narrator is described, but also their purpose in understanding the motives of the actions of the protagonist is established; an attempt is made to create a portrait of the central character, to determine the individual and personal characteristics of the behavior of the subject acting "from the author"; the expressive level of the words used by the narrator as part of phrases and sentences is studied; the lexicon of the narrator character is analyzed, primarily the connotative meaning of the linguistic units used by him; the question of the need for correct interpretation of significant information contained in the the language of the literary text being studied and allows you to better understand its meaning; the idea is embodied to comprehend the patterns of verbally expressed linguistic units used by the narrator character, reflecting the rich world of his emotions and feelings, which, of course, forms the parameters of an interesting and different speech personality from other characters.

Keywords: author's position, linguistic organization of a literary text, style-forming elements, first-person narrative, verbal portrait, monologue speech of the narrator, artistic and pictorial techniques, verbal forms, syntactic constructions

For citation: Chaly V. V. Speech means of expressing the personality of the character-narrator in the work of A. P. Chekhov "Love". *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;3(87):136–139 (In Russ.).

При изучении стилеобразующих компонентов языковой организации литературного произведения исследователь нередко обращает внимание на роль автора или центрального персонажа, в словах которого явно выражена авторская позиция, то есть особое отношение к описываемым явлениям, поступкам, мотивам поведения других персонажей.

По мнению Л. Г. Барласа, «речевая структура «образа автора» не может ограничиться рамками собственно авторской речи. Имеется, как известно, ряд литературных жанров, в которых собственно авторской речи нет. Композиционно её место занимает речь рассказчика. Так, у Чехова, например, имеется целая серия рассказов от первого лица» [1, с. 146].

Разнообразная проза Антона Павловича Чехова представлена в том числе художественными текстами, основу содержания которых составляет повествование от первого лица, причём это не всегда сторонний наблюдатель, а литературный герой со своим видением окружающего мира, даже порой весьма критично и с нескрываемой иронией прямо высказывающий собственный взгляд на события, происходящие в его жизни.

Как справедливо отмечает И. А. Быкова, «каждый мастер художественного слова наряду с общими закономерностями построения словесного портрета использует особые, в наибольшей мере отражающие его мироощущение, образное мышление, соответствующие идейно-эстетическому замыслу произведения. Портретная живопись А. П. Чехова не является в этом смысле исключением. С одной стороны, она, отражая определённое состояние развития поэтического языка, является продуктом своей эпохи, а с другой – содержит яркие, запоминающиеся портреты действующих лиц, новаторство в создании которых, на наш взгляд, состоит в том, что наряду с традиционными способами портретных характеристик писатель широко использует новые, приспособив их к форме небольших по размеру рассказов и повестей» [2, с. 38].

Как нам кажется, в чеховском произведении «Любовь» монологическая речь рассказчика не только обладает большими экспрессивными языковыми (лексическими, грамматическими) элементами, но и содержит значимую информацию, необходимую для понимания авторской позиции. Так, в самом начале этого произведения персонаж-рассказчик знакомит читателя с текстом своего любовного послания, которое предназначено девятнадцатилетней девушке Саше:

*«Три часа ночи. В окна мои **смотрится** тихая, апрельская **ночь** и **ласково мигает** мне своими звездами. Я не сплю. Мне так хорошо!*

*Всего меня от головы до пяток распирает какое-то странное, непонятное чувство. **Анализировать его сейчас не умею, некогда, лень, да и бог с ним, с этим анализом! Ну, станет ли отыскивать смысл в своих ощущениях человек, когда летит вниз головой с колокольни или узнает, что выиграл двести тысяч? До этого ли ему?»***

Полагаем, что в данном фрагменте используемые рассказчиком приёмы художественной изобразительности (сначала лирическое олицетворение, а затем ироничное сравнение) во многом передают эмоции и чувства, которыми переполнен внутренний мир молодого влюблённого человека. Глаголы, которыми оперирует в своей речи персонаж, характеризуют его как натуру впечатлительную и романтическую, поначалу не подвергающую сомнению свои восторги и переживания.

Следующее описание собственного особого состояния рассказчик надевает ироничными замечаниями:

*«Возился я с письмом долго, как с заказанным романом, и **вовсе не для того, чтобы письмо вышло длиннее, вычурнее и чувствительнее, а потому, что хотелось до бесконечности продлить самый процесс этого писанья, когда сидишь в тиши своего кабинета, в который глядится весенняя ночь, и беседуешь с собственными грезами. Между строк я видел дорогой образ, и, казалось мне, за одним столом сидели духи, такие же, как я, наивно-счастливые, глупые и блаженно улыбающиеся, и тоже строчили».***

Считаем, что сделанные рассказчиком отдельные уточнения об излагаемых событиях специально для читателя создают своеобразный эффект гиперболизации, усиливающий ощущение огромной влюблённости, а используемая просторечная глагольная форма «строчили» по отношению к потусторонним силам (духам) по-прежнему подчёркивает ироничность чеховского повествования.

В следующем фрагменте обнаруживаем приём антропоморфизма, с помощью которого автор словно предлагает читателю посмотреть на своего персонажа-рассказчика как на человека с большой долей фантазии и тем самым способного оригинально видеть в простых предметах (почтовые ящики) их высокое предназначение:

«Если бы почтовые ящики знали, как часто люди обращаются к ним за решением своей участи, то не имели бы такого смиренного вида. Я, по крайней мере, едва не облобызал свой почтовый ящик и, глядя на него, вспомнил, что почта – величайшее благо!..»

Получив ответ на своё письмо, рассказчик, отмечая отсутствие в нём каких-либо пунктуационных знаков, признаётся:

*«В размашистом, но несмелом почерке я узнал походку Саши, её манеру высоко поднимать брови во время смеха, движения её губ... Но содержание письма меня не удовлетворило... **Во-первых, на поэтические письма так не отвечают, и, во-вторых, зачем мне идти в дом Саши и ждать там, пока толстая мамаша, братцы и приживалки догадаются оставить нас наедине? Они и не подумают догадаться, а нет ничего противнее, как сдерживать свои восторги ради того только, что около вас торчит какой-нибудь одушевленный пустык, вроде полуглухой старушки или девочки, пристающей с вопросами. Я послал с горничной ответ, в котором предлагал Саше избрать местом для rendez-vous какой-нибудь сад или бульвар. Мое предложение было охотно принято. Я попал им, как говорится, в самую жилку».***

На наш взгляд, в анализируемом нами фрагменте произведения Антона Павловича Чехова обращает на себя внимание коммуникативная организация применяемых рассказчиком синтаксических конструкций: сначала

«говорящий» в построении фраз дважды использует противительный союз «но» как способ выразить разницу между восприятием образа любимой девушки и её почерком, более того – содержанием ответного послания; затем при перечислении применяет вводные слова, вместе с которыми в категоричной форме выражает явное (совсем не романтическое, а, наоборот, реалистичное) несогласие с прочитанным в письме.

Кроме того, персонаж-рассказчик саркастично отзывается о тех, кто окружает его возлюбленную, а именно употребляет как нелицеприятные оценочные характеристики («толстая мамаша», «приживалки»), так и высказывает своё несерьёзное отношение к представителям старшего или младшего поколения («одушевлённый пустяк»).

Таким образом, в произведении Чехова «Любовь» автор представил читателям индивидуальный образ рассказчика как персонажа, выражающего свои чувства, мысли, эмоции разными средствами – от иронии до сарказма с использованием художественно-изобразительных приёмов, особых грамматических форм и синтаксических конструкций.

Список источников

1. Барлас Л. Г. Русский язык. Стилистика / Л. Г. Барлас. – Москва, 1978.
2. Быкова И. А. Типология портрета персонажа в художественной прозе А. П. Чехова / И. А. Быкова // Языковое мастерство А. П. Чехова. – Ростов-на-Дону, 1990. – С. 38–46.
3. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов. – Москва, 1974–1983. – Т. 5.

References

1. Barlas L.G. *Russkiy yazyk. Stilistika = Russian language. Stylistics*. Moscow; 1978.
2. Bykova I. A. Typology of a character's portrait in fiction A. P. Chekhov. *Yazykovoe masterstvo A. P. Chekhova = Language mastery of A. P. Chekhov*. Rostov-on-Don; 1990:38–46.
3. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 tomakh = Complete works and letters: in 30 vols*. Moscow; 1974–1983;5.

Информация об авторе

В. В. Чалый – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

V. V. Chaly – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.07.2023; одобрена после рецензирования 28.08.2023; принята к публикации 03.09.2023.

The article was submitted 24.07.2023; approved after reviewing 28.08.2023; accepted for publication 03.09.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 140–144.
Humanitarian Researches. 2023;3(87):140–144.

Научная статья
УДК 82

СУБЪЕКТНО-ОБРАЗНАЯ СТРУКТУРА СТИХОТВОРЕНИЯ И. АННЕНСКОГО «ОН И Я»

Анна Александровна Боровская

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева,
Астрахань, Россия, borovskaya-anna@bk.ru

Аннотация. Общей тенденцией в русской лирике конца XIX – начала XX в. является возрастание роли диалогических отношений между субъектными и объектными формами. На материала анализа стихотворения И. Анненского «Он и я» показано превращение «интимного» во «всемирное» посредством усложнения субъектной организации. Цель статьи – рассмотреть взаимодействие «я» и «другого» как основы образной структуры произведения. В процессе работы над текстом автор отказывается как от однозначных субъектных противопоставлений, так и от сближения лирического «я» с обобщённо-личным сознанием. Структурообразующую функцию в стихотворении поэта выполняет вещный мир, который становится полноправным участником диалога. Ключевые предметные образы выступают в качестве репрезентантов авторского сознания.

Ключевые слова: субъект речи, образ, структура, И. Анненский, субъект сознания, автор, жанр

Для цитирования: Боровская А. А. Субъектно-образная структура стихотворения И. Анненского «Он и я» // Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 140–144.

Original article

THE SUBJECT-FIGURATIVE STRUCTURE OF I. ANNENSKY'S POEM "HE AND I"

Anna A. Borovskaya

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia, borovskaya-anna@bk.ru

Abstract. A general trend in Russian lyrics of the late XIX – early XX centuries captures an increasing role of dialogical relations between subject and object. Based upon the analysis of I. Annensky's poem "He and I", the transformation of "intimate" into "universal" is shown by making a subject organization more complicate. Article aims to consider the interaction of "I" and "other" as a basis of work's figurative structure. While elaborating the text, the author refuses both unambiguous subjective oppositions and the convergence of the lyrical "I" with a generalized personal consciousness. The function of structure forming in the poet's poem is performed by material world, which becomes a fully fledged participant of the dialogue. Key subject images act as representatives of the author's consciousness.

Keywords: subject of speech, image, structure, I. Annensky, subject of consciousness, author, genre

For citation: Borovskaya A. A. The subject-figurative structure of I. Annensky's poem "He and I". *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;3(87):140–144 (In Russ.).

Исследователи лирики И. Анненского неоднократно отмечали её диалогический характер (Л. Кихней, Н. Ткачева [4], А. Федоров [6]). Тема расщеплённого лирического сознания становится одной из центральных в творчестве поэта. Сопротивопоставление «я» и «другого» в большинстве стихотворений ярчайшего представителя культуры Серебряного века («Он и Я», «?», «На воде» и др.) олицетворяет взаимодействие земного и божественного, материального и духовного, единичного и общего.

Образный ряд лирического произведения, по мнению Б. Кормана, должен рассматриваться в контексте субъектно-объектных отношений [5, с. 34]. Взаимосвязь субъектной и образной структуры стихотворения «Он и я» отражает его идейно-эстетическое содержание, главным компонентом которого является диалог между лирическим героем и «вещным» миром. «Раздвоенность» лирического сознания номинативно обозначена в заглавии. Принцип контраста, который вынесен в паратекст, определяет композицию произведения. Смысловая многослойность находит художественное воплощение в использовании приёма морфологического параллелизма, организующего название стихотворения. Сочленение двух грамматических полюсов («он» и «я») служит средством создания биспациальной модели. Граница между внутренним и внешним стирается за счёт объективации рефлексивных интенций лирического героя.

Ключевым в стихотворении является образ фортепьяно, выраженный с помощью метонимии (звуковой признак вытесняет означаемое): «Но страстно в сумрачную высь / уходит рокот фортепьянный» [1, с. 27]. Приём своеобразного поэтического эвфемизма, который заключается в фокусировании внимания на косвенных характеристиках предмета, замещение его наименования личным местоимением («он»), позволяют актуализировать символический план образа, выйти на уровень метафизического обобщения. В стихотворении И. Анненского стихия музыки отождествляется с абсолютной свободой: «Но он – ничей, а вы – его» [1, с. 27]. В то же время музыкальная гармония овладевает сознанием слушателя, заставляет его подчиниться силам возвышенного и прекрасного. Оппозиция «свобода – одержимость» реализуется в субъектной сфере текста. Лирическое «я» противопоставлено обобщённому «вы»:

А я лучей иной звезды
Ищу в сомненьи и тревожно... [1, с. 27]

Синкретическая местоименная форма является маркером «чужого», отличного от авторского сознания. Антитеза усиливается посредством употребления противительного союза *а*.

Между тем интерсубъектное взаимодействие «я» и «другого» трансформируется в аутодиалог. Многозначность образа фортепьяно может быть раскрыта в контексте мотива двойничества. Особая роль «вещных предметов» в художественной системе И. Анненского определяет особенности субъектно-образной структуры стихотворения: объект становится своего рода автопортретом лирического героя. Слияние, наложение компаративного и бытийного планов организуют первозданную целостность образа: он одновременно выступает в роли символического знака и репрезентанта лирического сознания. Лирический герой – инструмент языка, средство реализации поэтического дара. В этой связи интерес представляет анализ двух текстовых вариантов стихотворения, семантика которых существенно различается.

В последней строфе первого варианта появляется обобщённый субъект («нам»), что отражает особенности мировидения И. Анненского, основанного на осознании цельности как аксиологической перспективы:

Нам – упреки, нам – усталость,
А оно уйдет, как дым,
Пережито, но осталось
На портрете молодым [1, с. 27].

Нерасчленённость «я» и «другого» превращается у И. Анненского в поэтическую декларацию: идея равноценности микро- и макрокосма коррелирует с центральными понятиями его критики – «абсурд цельности» и «реальность совместительства», – раскрытыми в «Книге отражений». Интроспекция лирического монолога и исповедальный дискурс могут быть прояснены только

в соотношении с бытием, утверждённым «другим». Монологический характер лирического высказывания сопряжён с диалогической природой письма, ориентацией его на то, что М. Бахтин в своей работе «Автор и герой» называет хоровой одержимостью [3, с. 291]. В первом варианте стихотворения «Он и я» обобщённый субъект становится показателем лирического единства, при котором «я» вовлечено в игру с «другим». Тема быстротечности времени, конечности человеческого существования, памяти и искусства, увековечивающих исчезающие мгновения, находит своё выражение в субъектных метаморфозах. Происходит смена нарративных позиций: от зрителя, находящегося за пределами лирической ситуации, к её активному участнику. Вместе с тем параллелизм человеческого и предметного бытия продуцирует смещение ракурса изображения: увеличивается дистанция между автором и героем, появляется взгляд на себя как на «другого».

Во втором варианте стихотворения поэт отказывается от обобщённо-личной формы выражения авторского сознания. Исключив из субъектной сферы объединяющий элемент, поэт акцентирует внимание на противопоставлении двух точек зрения на природу восприятия эстетического – растворения в нём и сотворчества. Лирический герой сравнивается с настройщиком фортепьяно, который свободен от влияния одной мелодической темы, ему ведомо многообразие тонов, он сам способен управлять музыкальной стихией: «Я, как настройщик, все лады / Перебираю осторожно» [1, с. 27]. Иначе раскрываются сквозные для поэзии И. Анненского темы памяти и вечности:

Темнеет... Комната пуста,
С трудом я вспоминаю что-то,
И безответна, и чиста,
За нотой умирает нота [1, с. 27].

Изменение авторской концепции во втором варианте текста обуславливает трансформацию его субъектной структуры. Если в первой версии финальной строфы искусство служит способом преодоления власти времени («Пережито, но осталось / На портрете молодым» [1, с. 27]), то в окончательном варианте стихотворения оно смертно («И безответна, и чиста, / За нотой умирает нота» [1, с. 27]). Но в этом и заключается ценность творчества: быть эманацией прекрасного, служить проводником личных эмоций. Память человека беззащитна перед неизмеримостью вечности, только вещи хранят отголоски воспоминаний. Во втором варианте «реальность совместительства» нивелируется перед неизбежностью угасания, что находит отражение в сужении субъектного многообразия.

Подобная эволюция авторского замысла обусловлена, прежде всего, ослаблением авторитета «другого». Утрата доверия к возможной поддержке «хора» обнажает экзистенциальное одиночество лирического героя, а предметное бытие становится одухотворённым. Художественный универсум, представляя собой внесубъектную форму репрезентации авторского сознания в тексте И. Анненского, свёртывается до размера комнаты. Опустение пространства, ранее заполненного «роком фортепьянным», символизирует умирание. В то же время мотив опустошения связан с переживанием экзистенциального состояния, вызванного виртуозной игрой исполнителя, которая преобразует душу героя, очищает её от мыслей, чувств и воспоминаний: «С трудом я вспоминаю что-то» [1, с. 27].

Последнее четверостишие возвращает читателя к заглавию, провозглашающему первичность объекта, превращающегося в субъект воздействия («Он и я»). Местоимение «он» объединяет и природный мир («Давно меж листьев налились / Истомой розовой тюльпаны»), и сумрак «выси», и звук фортепьянной мелодии. Вещное бытие вытесняет мир внутренних переживаний лирического «я», рефлексирующий становится частью живой, олицетворённой

вселенной. Трагическая ирония автора разрушает представление о миссии художника, творящего новую реальность, которое ассоциируется с обобщённым типом поэта-символиста. По мнению, Л. Кихней и Н. Ткачевой, авторов монографии «Иннокентий Анненский: Вещество существования и образ переживания» [4, с. 108], в фигуре адресата угадываются черты личности К. Бальмонта, на что указывает реминисценция, отсылающая к его программному стихотворению «Я изысканность русской медлительной речи...»: «Я – для всех и ничей» [2, с. 48]. Роли демиурга И. Анненский предпочитает позицию «настройщика», а порывам творческих страстей – мастерство пианиста.

Стихотворение «Он и я» отличает сложная игра интенциями, для него характерна смена субъектов речи и сознания, что отражает динамику авторской концепции. Подобная диалектика рефлексирующей позиции соответствует установкам неканонического жанра. Конструктивным свойством генетивной формы становится диалог жанровых конвенций в границах четверостишия: каждая строфа – вторичное разыгрывание определённых моделей.

Композиция произведения И. Анненского в окончателъном варианте подчинена кольцевому принципу: первая и четвёртая строфы представляют собой образец лирической, импрессионистской миниатюры-зарисовки, аксиология которой сводится к изображению единичного и конкретного. В стихотворении «Он и я» поэтика «сиюминутного» реализуется в следующих приёмах: имитация фрагментарного письма, размытость временных координат, подвижность точки зрения лирического «я», актуализация художественной детали. Субъектная сфера первой и четвёртой строф направлена на выражение внеличного сознания, для которого объективный мир – средство самораскрытия.

Во второй строфе доминирует медитативное начало. Использование обобщённо-личных форм, грамматически маркированных местоимениями «вы», «вам», мотивировано элегическими раздумьями о «сладкой» одержимости музыкальной гармонией. Стихия музыки раздвигает границы камерного пространства, превращает его во вселенскую аналогию. Антитеза «он – вы» способствует раскрытию многомерности ключевого образа-мотива. С одной стороны, «рокот фортепьянный» олицетворяет творческую энергию, погружение в неё освобождает от власти повседневности, с другой – искусство интенционально, его смысл рождается в процессе восприятия адресатом. Беспомощность и уязвимость слушателя перед гениальным воплощением бесконечности в музыкальном инструменте возвышает. Таким образом, во втором четверостишии поэтическая мысль предстаёт не как сиюминутное прозрение, а как вневременной итог философских умозаключений.

Лирический субъект в третьей строфе выходит на первый план и становится жанрообразующим фактором. Фрагмент отличается особой исповедальностью и тяготеет к дневниковой записи. Подчёркнутая неопределённость адресации, интимный и искренний эмоциональный тон, стремление к самоанализу, – все эти особенности формируют особый тип сознания, который может быть определён как художественное.

Возвращение в четвёртой строфе к безличному повествованию отражает специфику поэтического мировоззрения И. Анненского, основой которого является идея о феноменологической репрезентации бытия: лирическое сознание опосредовано предметно-образными эквивалентами. Мотив смерти в последних строках («И безответна, и чиста, / За нотой умирает нота» [1, с. 27]) подчёркивает тождество субъекта и объекта, равнозначность которых определяется конечностью их существования.

Таким образом, чередование субъектов речи, переключение с одного типа сознания на другой, игра различными жанровыми установками служит

средством создания смысловой многослойности центральных художественных образов.

Список источников

1. Анненский И. Избранные произведения / И. Анненский. – Ленинград : Художественная литература, 1988. – 706 с.
2. Бальмонт К. Избранное / К. Бальмонт. – Москва : Художественная литература, 1989. – 308 с.
3. Бахтин М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук / М. М. Бахтин. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – 336 с.
4. Кихней Л. Г. Иннокентий Анненский: Вещество существования и образ переживания / Л. Г. Кихней, Н. Н. Ткачева. – Москва : Диалог, 1999. – 132 с.
5. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения / Б. О. Корман. – Москва : Просвещение, 1972. – 123 с.
6. Федоров А. В. Иннокентий Анненский. Личность и творчество / А. В. Федоров. – Ленинград : Художественная литература. Ленинградское отд., 1984. – 256 с.

References

1. Annenskiy I. *Izbrannye proizvedeniya* = *Selected works*. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura; 1988:706.
2. Balmont K. *Izbrannoe* = *Selected*. Moscow: Khudozhestvennaya literature; 1989:308.
3. Bakhtin M. M. *Avtor i geroy: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* = *Author and hero: Towards the philosophical foundations of the humanities*. St. Petersburg: Azbuka; 2000:336.
4. Kikhney L. G., Tkacheva N. N. *Innokentiy Annenskiy: Veshchestvo sushchestvovaniya i obraz perezhivaniya* = *Innokenty Annensky: The substance of existence and the image of experience*. Moscow : Dialog; 1999:132.
5. Korman B. O. *Izuchenie teksta khudozhestvennogo proizvedeniya* = *Study of the text of a work of art*. Moscow: Prosveshchenie; 1972:123.
6. Fedorov A. V. *Innokentiy Annenskiy. Lichnost i tvorchestvo* = *Innokenty Annensky. Personality and creativity*. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. Leningradskoe otd.; 1984:256.

Статья поступила в редакцию 16.03.2023; одобрена после рецензирования 20.04.2023; принята к публикации 25.04.2023.

The article was submitted 16.03.2023; approved after reviewing 20.04.2023; accepted for publication 25.04.2023.

Информация об авторе

Боровская А.А. – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы

Information about the author

Borovskaya A.A. – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Literature

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал включён в перечень изданий, утверждённых ВАК для публикации основных результатов диссертационных исследований по отраслям науки: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки); 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки); 5.9.3. Теория литературы (филологические науки); 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки); 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки); 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки).

Ведущие направления публикаций отражены в рубриках «Языкознание» и «Литературоведение».

Требования к публикуемым материалам: актуальность, высокий научный уровень, хороший стиль изложения. Статьи должны быть интересны достаточно широкому кругу читателей. Возможна публикация на английском языке. В журнале печатаются ранее не публиковавшиеся материалы.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Объём публикаций – не более 0,5 п. л., гарнитура Arial, кегль 10, все поля по 2,5 см.

Справочный аппарат. В статьях используется система текстовых сносок в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и через запятую – страницы, например: [1, с. 10]. **Страницы указываются обязательно.** Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке.

Образец оформления

1. Иванов И. И. Проблемы художественного слова / И. И. Иванов. – Москва : Парус, 1990. – 456 с.

2. Петрова Г. В. Романтическая модель мира / Г. В. Петрова // Вопросы литературы. – 1997. – № 5. – С. 16–25.

3. Тихомирова Л. Н. «Ночная» поэзия как сверхтекст / Л. Н. Тихомирова. – Режим доступа: <http://proceedings.usu.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

На электронный адрес редакции просим направлять:

- текстовый файл со статьей;
- справку о проверке статьи в системе «Антиплагиат»;
- заключения экспертной комиссии и внутривузовской комиссии экспортного контроля (ВКЭК) о возможности открытого опубликования;
- согласие на обработку персональных данных.

Авторам необходимо предоставить справку о проверке статьи в системе «Антиплагиат», а также получить заключение экспертной комиссии (государственная тайна) и Заключение внутривузовской комиссии экспортного контроля (ВКЭК) о возможности открытого опубликования (пр. № 08-01-01/761 от 10.08.2016 г.) (для сотрудников АГУ – учебный корпус № 1, каб. 119а, тел. 24-66-14). При необходимости редколлегия журнала оставляет за собой право на дополнительную проверку текста статьи в системе «Антиплагиат».

Оплата публикации статьи производится автором только **после** получения от ответственного секретаря письма о том, что статья принята к публикации в очередном номере журнала.

Объём аннотации должен составлять от 200 до 250 слов.

Аннотации на английском языке должны быть информативными, содержательными, структурированными, компактными, оригинальными (не быть калькой русскоязычной аннотации), написаны качественным английским языком. В аннотации должны быть указаны предмет, тема, цель работы, метод или методология проведения работы, результаты работы, область применения результатов, выводы.

В **References** совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка». Не используются разделительные знаки, применяемые в российском ГОСТе («//» и «—»). Название источника и выходные данные от-

деляются от авторов и заглавия статьи типом шрифта, чаще всего, курсивом (*italics*), точкой или запятой.

Примеры:

1. Kulikov V. A., Sannikov D. V., & Vavilov V. P. (1998). Use of the acoustic method of free oscillations for diagnostics of reinforced concrete foundations of contact networks. *Defektoskopiya*, (7), 40–49.

2. Kaplin V. V., Uglov S. R., Bulaev O. F., Goncharov V. J., Voronin A. A., Piestrup M. A. (2002). Tunable, monochromatic x rays using the internal beam of a betatron. *Applied Physics Letters*, 80 (18), 3427–3429.

К публикации принимаются статьи, оформленные в соответствии с ГОСТ Р 7.07.-2021 «СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ. Издательское оформление».

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Гуманитарные исследования. 2023. № 4

Научная статья
УДК 378:004

**ДИСТАНЦИОННОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ САМОИЗОЛЯЦИИ
И ПРОБЛЕМА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ЛОВУШЕК**

Владимир Викторович Вольчик¹, Игорь Михайлович Ширяев²

^{1,2} Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹volchik@sfedu.ru

<http://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

²shiryayev@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1820-8710>

Аннотация. В целях определения основных закономерностей возникновения и усиления институциональных ловушек, возникающих в условиях режима самоизоляции в системе высшего образования, авторами были проанализированы нарративы и глубинные интервью основных акторов. Дистанционное образование не является полноценной заменой образования в традиционной форме, затрудняет передачу неявного знания, контроль и обратную связь при обучении, неоднозначно влияет на издержки образовательной деятельности, не позволяет полагаться на надежность информационно-коммуникационных технологий. При этом подчеркивается, что переход на дистанционное образование может трактоваться как новый этап эволюции институциональной ловушки электронизации и цифровизации.

Ключевые слова: экономика, управление народным хозяйством, институциональная экономика, дистанционное образование, цифровизация образования, высшее образование, самоизоляция, институциональные ловушки

Для цитирования: Вольчик В. В., Ширяев И. М. Дистанционное высшее образование в условиях самоизоляции и проблема институциональных ловушек // Гуманитарные исследования. 2021. № 4. С. 35–40. <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.2.235-248>.

Research article

DISTANT HIGHER EDUCATION UNDER SELF-ISOLATION AND THE PROBLEM OF INSTITUTIONAL TRAPS

Vladimir V. Volchik¹, Igor' M. Shiryayev²

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹volchik@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

²shiryayev@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1820-8710>

Abstract. To determine the main patterns of emergence and strengthening of institutional traps that arise under self-isolation in the higher education system, the authors analyzed the narratives and in-depth interviews of the main actors. Distance education is not a full-fledged substitute for the traditional education, as it impedes the transfer of implicit knowledge, control and feedback during training, ambiguously influences the costs of

educational activities, and does not allow relying on the reliability of information and communication technologies. Transition to distant education can be interpreted as a new stage of evolution of the institutional trap of electronization and digitalization.

Keywords: economics, national economy management, institutional economics, distance education, digitalization of education, higher education, self-isolation, institutional traps

For citation: Volchik V. V., Shiryayev I. M. Distant higher education under self-isolation and the problem of institutional traps. Current Problems of Economics and Law. 2020;14(2):236-248. (In Russ.). http://doi.org/10.54398/18184936_2020_2_236.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Статья поступила в редакцию 06.07.2020; одобрена после рецензирования 08.08.2020; принята к публикации 14.08.2020.

The article was submitted 06.07.2020; approved after reviewing 08.08.2020; accepted for publication 14.08.2020.

Вклад авторов:

Вольчик В. В. – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание исходного текста; итоговые выводы;

Ширяев И. М. – участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Volchik V. V. – scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions;

Shiryayev I. M. – participation in development of curricula and their implementation; follow-on revision of the text; final conclusions.

Либо:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Реквизиты для оплаты публикаций

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Адрес г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

УФК по Астраханской области

(ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет» л/с 20256Ц14780)

ИНН 3016009269 / КПП 301601001

Банк: ОТДЕЛЕНИЕ АСТРАХАНЬ БАНКА РОССИИ

УФК по Астраханской области г. Астрахань

Единый казначейский счёт

№ 40102810445370000017

Казначейский счёт

№ 03214643000000012500

ОКТМО 12701000

ОГРН 1023000818554

БИК 011203901

Лицевой счет 20256Ц14780

Обязательно указывать назначение платежа: ФИО автора, название и номер журнала.

**По всем возникающим вопросам авторы могут связаться
с ответственным секретарём журнала
Юлией Александровной Васильевой
по e-mail: gis_00@mail.ru**

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Автор представляет в редакцию рукопись, оформленную в соответствии с правилами для авторов.

Представленная автором рукопись направляется по профилю научного исследования или по тематике рассматриваемых в рукописи вопросов на рецензию членам редколлегии соответствующей области научного издания, курирующим данную тематику, или экспертам – ученым и специалистам в данной области (докторам, кандидатам наук).

Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии рукописей для своих нужд.

Рецензирование проводится конфиденциально. Рецензия носит закрытый характер и предоставляется автору рукописи по его письменному запросу, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в рукописи.

Рецензия может быть предоставлена по соответствующему запросу экспертных советов в ВАК РФ.

В случае положительной рецензии и рекомендации рецензентом материала к публикации рукопись и текст рецензии рассматриваются на заседании редколлегии. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Решение о целесообразности публикации принимается редколлегией и фиксируется в протоколе заседания.

Если рецензент указывает на необходимость доработки материала, рукопись возвращается автору. В таком случае датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Разъяснение нуждающихся в улучшении аспектов производится редакторами журнала на основании полученной рецензии.

Редколлегия информирует автора о принятом решении. Автору не принятой к публикации рукописи редколлегия направляет мотивированный отказ.

Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии в течение пяти лет.

Не рецензируются:

- ✓ рецензии на научную литературу, опубликованные в разделе «Рецензии»;
- ✓ тексты выступлений на круглых столах;
- ✓ материалы, публикующиеся в разделе «Научная жизнь АГУ».

Статьи выражают точку зрения автора, с которой редколлегия может не соглашаться. Все материалы, поступающие в редколлегию журнала, проходят независимое рецензирование.

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЖУРНАЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**HUMANITARIAN
RESEARCHES**

JOURNAL OF FUNDAMENTAL
AND APPLIED RESEARCHES

**2023
№ 3 (87)**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
ПИ № 77-14910 от 20.03.2003 г.

Учредитель
Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Адрес редакции:
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20

Адрес издателя:
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Подписной индекс – 11109
по Объединенному каталогу «Пресса России»

Главный редактор Г. Г. Исаев

Редактирование, компьютерная правка А. М. Докукиной

Дата выхода в свет: **00.00.2023 г.**

Цена свободная.

Уч.-изд. л. 11,6. Усл. печ. л. 22,4.

Заказ № 4552. Тираж 500 экз. (первый завод – 22 экз.).

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
тел. (8512) 24-66-60 (доб. 3; издательско-полиграфический отдел)
E-mail: asupress@yandex.ru

Отпечатано в Астраханской цифровой типографии
414040, г. Астрахань, пл. К. Маркса, 33
тел./факс (8512) 54-00-11, 73-40-40,
E-mail: a-d-t@mail.ru